

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

На правах рукописи

ДЫЖИТОВА ЕКАТЕРИНА ЧИНГИСОВНА

**ТОПОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ,
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

Чита 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	11
§ 1.1. Топономастическая лексика в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах.....	11
§ 1.2. Топономастическая лексика алтайских языков региона.....	26
§ 1.3. Сопоставительный аспект изучения топономастической лексики.....	34
Глава 2. ТОПОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	47
§ 2.1. Географический термин как детерминант субстратного топонима	47
§ 2.2. Топономастическая лексика алтайского языкового происхождения.....	58
2.2.1 Орографические термины.....	60
2.2.2 Оронимические термины.....	63
2.2.3 Гидронимические термины.....	69
§ 2.3. Топономастическая лексика субстратного языкового происхождения.....	77
2.3.1. Орографические термины.....	79
2.3.2. Оронимические термины.....	84
2.3.3. Гидронимические термины.....	87
2.3.4. Лимнологические термины.....	91
2.3.5. Тельмографические термины.....	94
2.4. Семантическое переосмысление как пример «народной (ложной) этимологии»	101
Глава 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОРПУСЕ ТОПОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РЕГИОНА.....	112

§ 3.1. Явление интерференции в региональной топонимии.....	112
3.1.1. Синхронический вид интерференции.....	113
3.1.1.1. Тунгусо-маньчжурские и самодийские термины.....	113
3.1.1.2. Эвенские и бурятские термины.....	118
3.1.2. Диахронический вид интерференции.....	120
3.1.2.1. Русские и бурятские термины.....	120
3.1.2.2. Русские и эвенкийские термины.....	125
§ 3.2. Трансферентные явления в топонимической лексике.....	127
3.2.1. Трансферентные явления в топонимической лексике орографического характера.....	129
3.2.2. Трансферентные явления в топонимической лексике оронимического характера.....	137
3.2.3. Трансферентные явления в топонимической лексике гидронимического характера.....	143
§ 3.3. Конвергентные явления в топонимической лексике.....	145
3.3.1. Конвергентные явления в топонимической лексике орографического характера.....	147
3.3.2. Конвергентные явления в топонимической лексике оронимического характера.....	153
3.3.3. Конвергентные явления в топонимической лексике гидронимического характера.....	159
3.3.4. Конвергентные явления в топонимической лексике лимнологического характера.....	163
3.3.5. Конвергентные явления в топонимической лексике тельмографического характера.....	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	176
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	182
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	186
ИСТОЧНИКИ	214

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено специальному изучению топономастической лексики Восточного Забайкалья в сравнительно-историческом, сопоставительном, типологическом аспектах.

Актуальность диссертационной работы обусловлена следующими факторами:

1) топономастическая лексика – географические имена собственные и географическая терминология – как свод особой лексики, содержащей ценные сведения о расселении народов, физико-географических особенностях местности, эволюции межъязыковых контактов способна восполнить лакуны, как исторического прошлого народов, так и их языков;

2) востребованностью изучения топономастической лексики в сравнительно-историческом, сравнительно-сопоставительном и типологическом аспектах вследствие наличия палеоазиатского и самодоязычного субстрата в топонимии Восточного Забайкалья;

3) необходимостью описания интерферентно-трансферентных явлений в топономастической лексике региона;

4) перспективностью исследования топономастической лексики на предмет выявления конвергентных явлений, способствующих установлению типологически релевантных характеристик неродственных языков – самодийских и монгольских.

Степень научной разработанности проблемы

Топономастическая лексика Восточного Забайкалья на примере сопоставления монгольских и самодийских языков в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах ранее не подвергалась специальному лингвистическому исследованию ни в отечественной, ни в зарубежной ономастике.

Научный интерес к топономастической лексике обусловлен неразрешённостью этноязыковых проблем коренных народов региона – бурят и эвенков, тунгусского населения исторической Даурии, равно как и их языков.

Исследования топонимической лексики, в общем, с позиции сравнительно-исторического, типологического языкознания имеются в работах следующих учёных: И.А. Воробьевой, А.П. Дульзона, Д. Европеуса, А.К. Матвеева, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Ю.А. Карпенко, Г.Е. Корнилова, Е.С. Отина, А. И. Попова, Е.М. Поспелова, Б.А. Серебренникова, А.И. Туркина, Н.К. Фролова и др.

Особо следует заметить об исследованиях сравнительно-сопоставительного характера в тюркском языкознании, которые представлены работами И.А. Андреева, Н.И. Ашмарина, З.В. Гришаевой, В.Г. Егорова, Г.Е. Корнилова, М.М. Михайлова, Н.П. Петрова, В. И. Сергеева, а также в диссертационных исследованиях К.М. Головиной [43], А.С. Ивановой [88], Ю.В. Исламовой [94], Л.С. Сулаймановой [217], Р.Г. Сунгчугашева [221], Р.Р. Тимирова [226].

Известно, что для полного и объективного восстановления диахронных исторических процессов, равно как и прежнего «облика» современного языка определённую роль играют топонимические исследования, включая и изучение топонимической лексики. Исследование топонимической лексики может осуществляться в двух направлениях. Первое – устоявшееся направление в современной ономастике, которое органично связано с теорией субстрата [165, С. 25]. Представителями первого направления в российской науке являются Р.А. Агеева, П.Б. Балданжапов, Э.Г. Беккер, С.А. Гурулев, А.П. Дульзон, Р.Г. Жамсаранова, А.К. Матвеев, М.Н. Мельхеев, Э.М. Мурзаев, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов, Л.В. Шулунова.

Второе направление, по мнению И.А. Воробьевой, Г.В. Глинских и др., связано с изучением, так называемого, экспансивного воздействия языков «победителей» на первичный язык [165, С. 25]. Это мнение о взаимовлиянии языков на топонимическую лексику можно проследить в работах И.Г. Ахметзянова [9], И.А. Воробьевой [37; 33], Г.В. Глинских [42], А.В. Кручининой [119], Т.И. Киришевой [107], Е.Л. Калининой [95] и др.

Возможно выделить и третье направление ономастических исследований, связанное, прежде всего, с нуждами контрастивной лексикологии. Контрастивная

лексикология ставит своей целью типологическое описание фактов разноструктурных языков – К.М. Головина [43], А.С. Иванова [88], Д. Хамуркопаран [251].

Как известно, топонимика развивается в тесном взаимодействии с географией, историей, археологией, этнографией, лингвистикой. В связи с этим в разное время учёными разрабатывались методологические основы исследования субстратной топонимии конкретных регионов (А.А. Бурыкин, И.А. Воробьева, Э.Г. Беккер, В.Г. Глинских, А.П. Дульзон, А.К. Матвеев, И.И. Муллонен, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Б.А. Серебренников, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов и др.).

Так, в исследованиях таких учёных, как Э.Г. Беккер [17], И.А. Воробьева [34], К.Ф. Гриценко [48], Ю.А. Карпенко [103], К.Г. Конкашпаев [111], А.К. Матвеев [135], О.Т. Молчанова [158], Э.М. Мурзаев [165], Н.В. Подольская [181], Е.М. Поспелов [187], В.В. Седов [204], Н.И. Толстой [229], географические термины отмечаются в качестве важнейшего источника формирования исторически сложившейся топонимии. Общеизвестна причинно-следственная связь между номенклатурной географической терминологией и ролью соответствующих физико-географических характеристик природных объектов в жизни человека. Отражая физико-географические реалии окружающей действительности в условиях, например, кочевого образа жизни народа, номенклатурные географические термины являются основным первоисточником имянаречения при «появлении» топонимов.

Известно, что одним из условий «вхождения» субстратного топонима в топонимическую систему является его «готовность» подвергнуться фонетической, морфологической и вероятной псевдосемантической адаптации.

Вопросы языковой адаптации субстратной топонимии нашли отражение в научных трудах представителей Уральской топонимической школы профессора А.К. Матвеева (Е.Л. Березович, Г.В. Глинских, М.Л. Гусельникова, Т.Н. Дмитриева, Е.Э. Иванова, Н.В. Кабинина, А.К. Матвеев, М.Э. Рут, О.А. Теуш, Н.К. Фролов), Томской лингвистической школы профессора

А.П. Дульзона (Э.Г. Беккер, И.А. Воробьева, Л.М. Дмитриева, Н.Б. Ковалева, О.Т. Молчанова, Е.Л. Калинина, Г.Ф. Ковалев и др.); Волгоградской ономастической школы диалектолога И.Г. Долгачева (И.В. Крюкова, Г.Ф. Ковалев, Р.И. Кудряшова, Г.П. Самойлов, В.И. Супрун), Одесской ономастической школы профессора Ю.А. Карпенко (Н.И. Зубов, Г.Ю. Касим, Е.С. Отин), Казанской лингвистической школы (Г.Е. Корнилов, Дж.Г. Киекбаев, А.А. Камалов, А.Г. Шайхулов, Ф.Г. Хисамитдинова), Байкальской ономастической школы профессора А.Г. Митрошкиной (И.А. Дамбуев, Н.И. Данзанова, В.В. Денисова, Р.Г. Жамсаранова, О.Ф. Золтоева, А.А. Лазарева, Ю.Ф. Манжуева, А.В. Ринчинова, Е.В. Сундуева, С.В. Шойбонова, Л.В. Шулунова).

Цель диссертационного исследования заключается в специальном изучении топономастической лексики Восточного Забайкалья в сравнительно-историческом и сопоставительно-типологическом аспектах.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие исследовательские **задачи**:

- 1) систематизировать изучение топономастической лексики региона в сравнительно-историческом, сопоставительном и типологическом аспектах;
- 2) системно исследовать топономастическую лексику (топонимы и географические термины) алтайских языков региона;
- 3) сопоставить монголоязычную топономастическую лексику с субстратной и выявить типологические сходства и различия в фонологической, морфологической и семантической организации географической терминологии;
- 4) исследовать интерферентные, трансферентные и конвергентные процессы в корпусе региональной топономастической лексики.

Научная новизна диссертационной работы состоит в:

- 1) комплексном обобщении научных трудов по изучению топономастической лексики разных регионов в сопоставительном аспекте;

2) комплексном описании топономастической лексики алтайского языкового происхождения в сравнительно-историческом и сопоставительном аспектах;

3) системном исследовании монголоязычной и субстратной (самоедоязычной) топономастической лексики в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах;

4) комплексном исследовании интерферентных и трансферентных, конвергентных процессов в корпусе географической терминологии, обусловленной контактологией языков.

Объектом настоящего исследования является топономастическая лексика Восточного Забайкалья.

Предмет исследования – лингвистические процессы при языковой адаптации субстратной топономастической лексики.

Теоретической и методологической базой исследования послужили ономастические исследования, в том числе посвящённые изучению апеллятивной лексики в условиях языковой контактологии. В частности, ономастические работы И.А. Воробьевой, А.П. Дульзона, Г.Е. Корнилова, А.К. Матвеева, О.Т. Молчановой, Е.М. Поспелова; работы по уральским и алтайским языкам – А.Е. Аникина, В.В. Быконя, В.М. Егодуровой, В.Д. Патаевой, В.И. Рассадина, Е.И. Убрятовой, Е.А. Хелимского, Г.Н. Чимитдоржиевой, Н.Н. Широковой.

Особое внимание уделяется работам, обосновывающим как межъязыковые контакты финно-угорских, самодийских, тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (М.А. Кастрен, Е.И. Убрятова, Н.Н. Широкова, А.Е. Шамаева, А.А. Кузьмина); теорию тюрко-монгольских языковых контактов; историческое развитие бурятского языка (В.И. Рассадин); исследования по самодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим связям (А.Е. Аникин; Е.А. Хелимский; В.И. Цинциус), так и гипотезу самодийско-монгольских диахронных языковых контактов (Г.Н. Румянцев, Ц.Б. Цыдендамбаев, Р.Г. Жамсаранова).

Источниками материала исследования послужили: топонимическая картотека Забайкалья [ТКЗ], материалы документов Государственного архива Забайкальского края ф. 19, оп. 1, д. 86, полевые материалы экспедиционных поездок 2004-2010 гг. Исследовательская база составляет около 565 единиц проприальной и около 130 единиц апеллятивной лексики с их производными. Общее количество исследованных единиц топономастической лексики составляет около 695 единиц.

Цель и задачи данной работы определили использование ряда исследовательских **методов**, среди которых основными являются *сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, описательный, типологический*; методы и методики ономастических исследований: *метод формантного анализа, метод географических терминов* (частный приём установления наличия географического термина), *методика ретрогрессивного подхода, принцип лексико-семантической мотивированности*, включая и *метод полевого наблюдения*.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что основные выводы и результаты работы будут использованы в дальнейших исследованиях монголоязычной апеллятивной лексики при создании разного рода лексикографических изданий, включая и топонимические. Результаты исследования могут обогатить сибирскую оноματοлогию в плане сравнительно-сопоставительных исследований.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в том, что основные результаты и методология исследования могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по дисциплинам сравнительной типологии, монгольской лексикологии, этнолингвистике, краеведению, а также вузовских дисциплин «Типологическое языкознание», «Лингвокультурология», «Сравнительно-сопоставительное языкознание», «Общее языкознание и история лингвистических учений».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Топономастическая лексика Восточного Забайкалья представляет собой совокупность проприальной и апеллятивной лексики, языковое происхождение

которой связано не только с алтайскими языками Забайкальского региона, но и, прежде всего, с самодийскими.

2. Топономастическая лексика субстратного происхождения способна представить свод географических терминов разных классов в качестве детерминантов субстратного топонима.

3. Субстратные топонимы при усвоении языком-реципиентом «проходят» этапы фонетической, морфологической и псевдосемантической адаптации, что обусловлено функциональной значимостью субстратного названия в топонимической системе.

4. Топономастическая лексика способна обнаружить интерферентные явления диахронического и синхронического видов.

5. Трансферентные явления в топономастической лексике Восточного Забайкалья обнаруживают естественную этноязыковую алтайскую общность.

6. Анализ субстратной топономастической лексики региона обнаруживает проявление диахронных конвергентных процессов давних самодийско-монгольских языковых контактов.

Апробация результатов исследования. Основные положения данной работы были представлены в форме докладов на 2 всероссийских конференциях (Улан-Удэ, 2012; Чита, 2018) и 13 международных (Красноярск, 2011; Чита, 2012, 2016, 2017; Улан-Удэ, 2012, 2013, 2016; Москва, 2012; Новосибирск, 2016; Ульяновск, 2017; Томск, 2016, 2017; Пермь, 2017); обсуждались на заседаниях НИЛ «Концептуальная систематика исчезающих и современных языков» ФФиМК ЗабГУ. Основные выводы и идеи исследования отражены в 23 публикациях, в том числе в 5 научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в 1 учебном пособии (2018).

Объём и структура исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, включающего 281 наименование, списка принятых сокращений и условных обозначений. Основной текст диссертации излагается на 181 страницах машинописного текста.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной главы – представить теоретико-методологические основы настоящего исследования. Глава состоит из трёх параграфов, посвящённых описанию топономастической лексики в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах; описанию топономастической лексики алтайских языков региона; описанию сопоставительного аспекта изучения топономастической лексики в ономастике.

1.1. Топономастическая лексика в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах

Задачей данного параграфа является систематизация описания топономастической лексики в разных аспектах современного языкознания – сравнительно-сопоставительном, типологическом.

Под *топономастической лексикой* понимаем совокупность географических имён собственных и географических терминов отапеллятивного происхождения. Из рассуждений А.К. Матвеева о терминах *топонимика* и *топономастика* ясно, что наиболее ранним термином для определения науки о географических названиях являлся термин *топономастика*, широко употребляемый как в отечественном, так и в зарубежном языкознании [137, С. 12]. Термин *топономастика* в содержательном плане являет собой более ёмкое понятие, чем *топонимика*. Поэтому объём содержания термина даёт основание использовать в данной работе термин *топономастическая лексика*, а не *топонимическая*.

В современном языкознании все большее место занимают исследования сопоставительного характера в синхронии, где сравниваются факты различных языков с целью выявления общего и различного. Результаты сопоставительных исследований являются источником сведений не только особенностей конкретного языка, но и свойства языков в целом.

Считается, что вопрос о методологии типологии сопоставления по отношению к лексико-семантической сфере языка был и остается предметом дискуссии [115, С. 81]. Тем не менее, востребованность сопоставительных и типологических исследований несомненна. Особенно в связи с определёнными достижениями в исследовании лексики отдельного языка отдельного региона. Следует также добавить, что именно топонимическая лексика, как наиболее архаичная лексика, складывается десятилетиями и даже веками, что актуализирует необходимость её научного изучения и описания.

Совокупность географических имён собственных и географической терминологии определённой территории служит ценнейшим источником для исследования фактов истории отдельного языка на отдельной территории. Географические имена собственные, их функциональные особенности, ареал распространения, структура, развитие и изменение во времени, значение и языковое происхождение, исследуются в топонимике [280, С. 515]. Именно поэтому исследование топонимической лексики способно представить важные факты, востребованные не только сравнительно-историческим разделом, но и сопоставительным и типологическим аспектами языкознания.

На основе привлечения топонимического материала отдельных регионов учёными решаются проблемы сравнительно-исторического, типологического языкознания. Так, известны работы И.А. Воробьевой, А.П. Дульзона, Д. Европеуса, А.К. Матвеева, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Ю. А. Карпенко, Дж.Г. Киекбаева, А.А. Камалова, Г.Е. Корнилова, Е.С. Отина, А.И. Попова, Е.М. Поспелова, Б.А. Серебренникова, А.И. Туркина, Н. К. Фролова и др.

Особо следует выделить результаты исследований по топонимике, достигнутые в рамках различных сибирских научных школ России: Томской лингвистической школы, Уральской топонимической школы, Поволжской ономастической школы, Казанской ономастической школы. Исследования и труды этих научных школ, которые первоначально были связаны с изучением топонимии отдельного региона, получили своё дальнейшее развитие и в области сравнительно-исторического, сопоставительного, типологического языкознания.

Известно, что для полного и объективного восстановления прежнего «облика» языка играют определённую роль топонимические исследования. Изучение топономастической лексики возможно по двум направлениям, устоявшимся в современной ономастике. Первое направление связано с теорией субстрата [165, С. 25], представителями которого являются труды таких учёных, как Р.А. Агеева, А.А. Бурькин, П.Б. Балданжапов, Э.Г. Беккер, С.А. Гурулев, А.П. Дульзон, Р.Г. Жамсаранова, А.К. Матвеев, М.Н. Мельхеев, Э.М. Мурзаев, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов, Л.В. Шулунова и др.

Тюркологические исследования, отражающие сравнительно-сопоставительный аспект изучения субстрата, представлены работами следующих учёных И.А. Андреева [3; 4], Н.И. Ашмарина [11], З.В. Гришаевой [49; 50], В.Г. Егорова [71], Г.Е. Корнилова [113-117], М.М. Михайлова [151; 152], Н.П. Петрова [179], В.И. Сергеева [206; 207], а также в диссертационных исследованиях К.М. Головиной [43], А.С. Ивановой [88], Ю.В. Исламовой [94], Л.С. Сулаймановой [217], Р.Г. Сунгчугашева [221], Р.Р. Тимирова [226].

В работах этих исследователей исследуется субстрат на материале различных языков и языковых систем. По-другому, «...тот топонимический (этнический) слой, который не объясняется из современных языков, а принадлежит языкам предшествующих народов, отдельные элементы этого слоя сохранились в языке последующих поколений и более чётко в географических названиях, не поддающихся этимологиям без специальных научных изысканий» [165, С. 25].

Следующее направление изучения топономастической лексики связано с идеей экспансивного воздействия инородных языков на топонимическую лексику и представлено работами И.Г. Ахметзянова [9], И.А. Воробьевой [33; 37], Г.В. Глинских [42], А.В. Кручининой [119], Т.И. Киришевой [107], Е.Л. Калининой [95] и др.

Кроме вышеуказанных направлений можно выделить направление ономастических исследований, где главенствующую роль играет контрастивная лексикология. В рамках контрастивной лексикологии исследуется типологическое

описание фактов разноструктурных языков – К.М. Головина [43], С.А. Мызников [171], А.С. Иванова [88], Д.Р. Хайрутдинов [250], М.Х. Мурадбекова [164], Д. Хамуркопаран [251].

Так, исследователем по чувашской топонимике А.С. Ивановой выявлена и описана система гидронимических терминов в сравнении с финно-угорскими, тунгусо-маньчжурскими, русскими, установлена их языковая принадлежность, проведён структурно-семантический анализ гидронимов, выявлены закономерности образования чувашских гидронимов [88].

В исследовании Дж. Хамуркопарана «Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья» (2017) представлен историко-лингвистический анализ топонимии территории от Нижнего Дуная до Северного Кавказа в аспекте взаимодействия на этой территории славянских и тюркских языков. Были сформулированы принципы и способы номинации географических объектов, описано своеобразие их фонетико-графического оформления, проиллюстрированные типами их моделей. Особый интерес представляют параллельные наименования на территории Северного Причерноморья или топонимы псевдотюркского происхождения [251].

Работы подобного рода на топонимическом материале (и не только) способствуют более глубокому пониманию причин и последствий возможного контактирования разноструктурных языков в пределах конкретной территории.

Общеизвестно, что один и тот же лингвистический объект можно рассматривать по трём аспектам: типологическому, сравнительно-историческому и ареально-лингвистическому [169]. Данное исследование более приближено к проблемам ареально-лингвистического аспекта исследования, затрагивая при этом вопросы сравнительно-исторического и типологического языкознания, в целом.

К ряду исследований, относящихся к проблемам сопоставительного и типологического аспектов, можно отнести работу Д.Р. Хайрутдинова «Географическая терминология: арабские, русские, английские параллели» (2009). В работе анализируется географическая терминология арабского языка в сопоставлении с английской и русской географическими системами, а также

ставится вопрос обеспечения наиболее адекватного перевода арабоязычных работ по географии на английский и русский языки. Кроме этого, в исследовании содержится обобщение опыта предыдущих работ по терминологическим системам неродственных языков, а также поднимается проблема унификации и стандартизации номенклатурной терминологии разных языковых семей и групп.

Также к числу сопоставительных исследований географической терминологии разноструктурных языков можно отнести диссертационную работу М.Х. Мурадбековой «Система географической терминологии в русском и таджикском языках» (2011). Автором выделена географическая терминология из состава общенаучной в её системном анализе как самостоятельный подъязык, исследованы терминологизированные процессы на материале основных частей речи. Также М.Х. Мурадбековой отмечено, что в терминосистеме географии функционируют многозначные терминологические единицы, возникшие в результате семантического переосмысления значений общеупотребительных слов.

В работе «Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения» (2003) С.А. Мызникова на основе материалов полевых экспедиций 1990-2001 гг. было проанализировано большое количество диалектной лексики прибалтийско-финского происхождения, связанной с природой, сельским хозяйством, бытом и т.д., даны подробные этимологические комментарии.

Благодаря кропотливой работе учёных по поиску и применению различных методик и методов сбора, систематизации, многопланового анализа географических названий, были достигнуты значимые результаты и в области топонимических исследований.

Сопоставление является составной частью типологического описания, для которого важно установить сходство сравниваемых объектов на уровне синхронии, сходство, обусловленное общностью логических, психических, социальных и других предпосылок развития и функционирования различных языков [280, С. 515].

Тесное взаимодействие топонимики, как науки, с другими гуманитарными областями знаний, обусловило разработку методологических основ исследования субстратной топонимии конкретных регионов (А.А. Бурькин, И.А. Воробьева, Э.Г. Беккер, В.Г. Глинских, А.П. Дульзон, А.К. Матвеев, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, Б.А. Серебренников, Т.Н. Тепляшина, Н.К. Фролов и др.).

Так, в исследованиях таких учёных, как Э.Г. Беккер [17], И.А. Воробьева [34], К.Ф. Гриценко [48], Ю.А. Карпенко [103], К.Г. Конкашпаев [111], А.К. Матвеев [135], О.Т. Молчанова [158], Э.М. Мурзаев [165], Н.В. Подольская [181], Е.М. Поспелов [187], В.В. Седов [204], Н.И. Толстой [229], географические термины отмечаются в качестве важнейшего источника формирования исторически сложившейся топонимии. В топонимике известна тесная и закономерная связь географической терминологии в языке и наличием соответствующих физико-географических характеристик природных объектов.

Данное свойство отражения физико-географических реалий в языке придаёт номенклатурным географическим терминам в составе топонима наибольшую устойчивость и сохранность, меньшую подверженность изменениям в условиях языковых контактов [185, С. 96-106]. Известно, что географическое имя собственное с течением времени подвергается кардинальным изменениям, как по своей форме, так и по значению. Причинами являются как внутренние законы языка, так и внешние факторы. На протяжении определённых временных отрезков, в условиях смены социально-экономических и культурно-исторических условий жизни носителей языка, географическому имени необходима лингвистическая адаптация в так называемом «принимающем» языке.

Проблемами языковой адаптации субстратной топонимии занимаются учёные российских ономастических школ: Уральской, Томской, Волгоградской, Одесской, Казанской, Байкальской.

Таким образом, топономастическая лексика как свод разновременных, разноязыких единиц способна верифицировать неизученные процессы и явления исторического прошлого народов и племён. В этом аспекте можно воспринимать

топономастическую лексику как совокупность условно заимствованных географических имён собственных.

Анализ хронологически разноплановых топонимических заимствований зависит от исследовательских целей, характера описываемого материала и степени изученного состояния ономастического материала. По мнению И.А. Воробьевой в процессе топонимических штудий принято использовать частный приём исследования от современной формы топонима последовательно к определению исходной формы географического названия. Исследователи называют этот приём методикой ретроспективного анализа «от более поздних топонимов, употребляемых сейчас народами, к более древним» [38, С. 89].

Ретроспективный анализ, по мнению А.К. Матвеева, целесообразно начинать с определения дифференцирующих формантов, далее последовательно переходя к изучению основ и их дальнейшему сопоставлению со всеми имеющимися формантами ныне функционирующих языков [133]. Это позволяет в ряде случаев установить изоглоссы прошлых лингвоэтнических контактов и определить по напластованиям формативов с детерминативами ныне существующих языков – на выделение реликтовых сегментов, сохранившихся в названиях [133].

Так, результаты исследований топонимической системы, как отдельных областей, так и территории Восточного Забайкалья, в целом, проводимые в разное время различными учёными, показали, что наиболее древние географические названия этимологически восходят не только к алтайским, но и к уральским языкам, прежде всего, самодийским – М.Н. Мельхеев [146], Р.Г. Жамсаранова [80; 82], С.А. Гурулев [52; 51].

Известно, что при вхождении в топонимическую систему «принимающего» языка иноязычный (субстратный) топоним подвергается морфологической адаптации. Присоединяя различные суффиксы, окончания, иногда и префиксы языка-«приёмника», субстратное географическое название органично входит в топосистему, «легко» приспособляясь к её нормам [80].

Для забайкальских топонимов характерным признаком морфологической адаптации субстратных топонимов стали бурятские суффиксальные *-тай/-той/-туй*, *-ай/-ой/-уй*, например, (п. *Арангатуи* < *Ара* – *Арагатуи*, где *анга* / сельк. диал./ ‘устье’), эвенкийские *-кан/-кэн*, *-та/-то/-ту*, *-ча/-чи/-чу*, *-кта/-хта*, *-нга*, *-ндя* (р. *Кяхта*, р. *Кихта*, где *ки*-<*кя*- ‘река’/ сельк./), р. *Урулюнгуй*, где *ур* /кет./ ‘река’ + *ул(ю)* /кет./ ‘вода’ + *-уль* ‘река’ /арин./ + *-нга* /самод./ > *(ю-)нгуй* и проч. [80, С. 22].

Замечено, что по мере лексической адаптации субстратный топоним может претерпевать процесс псевдоморфологизации. Для каждого региона характерен набор своих топонимических формантов. Так, в топонимии Закавказья широко распространён формант *-ван*, в гидронимах Западной Сибири – кетские форманты *-шет*, *-сет*, *-сес*, форманты *-ньга*, *-юга*, *-кса* в гидронимии Русского Севера и т.д. Топонимию Восточного Забайкалья отличает распространение формантов бурятского языка *-тай/-той/-туй*, *-ай/-ой/-уй*; тунгусо-маньчжурских языков *-кан/-кэн/-хон/-хэн*, *-та/-то/-ту*, *-ча/-чи/-чу*, *-кта/-хта*, *-нга*, *-ндя*, *-нда/-ндо*, *-кит*, *-нгда*; тюркских *-ли/лы*, *-зы/-зи*, *-ту*, *-лаах*, *-лык*, *-дах/-тах*, *-нах/-нак* [83, С. 285-287].

Выявлено, что на территории Восточного Забайкалья довольно частотным является ареал распространения топонимов с основой на *-том/-тым/-сым* ‘река’ самодийского языкового происхождения, с основой на *-сес/-зес/-дес*, *-уль*, *-ур* ‘река’ палеоазиатского языкового происхождения, образующие изоглоссы [80, С. 230-234]. Картографическая фиксация изоглосс свидетельствует не только о территориальном распространении функционирующих топонимов в синхронии, но и даёт информацию о вероятном расселении древних народов, проявляя тем самым диахронный аспект исследования топонимической лексики.

Словообразовательный анализ топонимов Западной Сибири, как показало исследование И.А. Воробьевой, основывается на выявлении системных отношений между основой и формантом, как в плане выражения, так и в плане содержания, которое происходит внутри единого словообразовательного топонимического ряда [35].

Указывая на образование топонима по принципу антропоним + *-иха*, которое типично для русской топонимики, исследователем замечено, что в основном данный формант встречается в гидронимических названиях. Однако следует оговорить, что в некоторых случаях топоформант *-их(а)* на примере забайкальских топонимов может быть каким-то географическим термином совершенно иной языковой системы, не только русской. В топонимической системе Восточного Забайкалья топонимы с формантом *-иха* могут быть отнесены к переосмысленному гидронимическому термину *ях(а)* 'река'/нен./ [80, С.10; 97].

Исследователь И.А. Воробьева приводит в качестве одного из примеров адаптации селькупской топонимики русским языком передачу селькупского гидроформанта *-кы, -ке* как *-ка*, не исключая и наличия случаев расподобления одинаковых согласных селькупских топонимов с детерминативом *-акка* 'протока; большое длинное озеро; старица' (озеро *Атка*, река *Попагадка* и проч.) под влиянием русской словообразовательной модели на *-ка* [36]. В восточно-забайкальской топонимии подобное явление адаптации субстратного термина принимающим языком возможно иллюстрировать примером функционирования бурятских топонимов, когда фонетически адаптированная форма исходного самодийского *кыкке* 'река'; *кыке* 'река, речка, приток'; *қыэққе* 'ручѐк' при помощи бурятских суффиксов *-хэн (-хен)* образуют названия типа *Гыгээхэн, Гычехен* [80, С. 113].

Как правило, языковые контакты представляют собой процесс взаимодействия конкретного языка, как с родственными, так и неродственными языками, которые, в свою очередь, находясь во взаимодействии, оказывают взаимное влияние друга на друга. Считается, что под влиянием именно языковых контактов языки подвержены системным изменениям. Языковые контакты могут проявляться в виде дивергентно-конвергентных влияний [280, С. 136; 237].

Как и дивергенция, конвергенция имеет глоттогонический и структурно-диахронический характер. В глоттогонической конвергенции у родственных и неродственных языков в результате длительных интенсивных языковых

контактов возникают общие структурные свойства. Конвергенция охватывает или отдельные фрагменты языковой системы, или весь язык в целом [280, С. 234, 167, 278].

Сравнительно-сопоставительный анализ системы местной географической терминологии самодийских и монгольских языков показал наличие большого количества лексико-семантических параллелей, подтверждённых функционированием их в качестве детерминантов в структуре современных топонимов в региональной топонимии, позволяя исследователю констатировать, в первую очередь, очевидное наличие самодийского субстрата и предполагать о наличии явлений конвергентно-трансферентного характера [80].

Так, к примеру, в «Субстрате в топонимии Восточного Забайкалья» (2011) приводится целый ряд лексико-семантических параллелей в корпусе местной географической терминологии, являющейся субстратной по происхождению. В обнаруживаемых параллелях встречаются примеры переосмысления исходного значения апеллятива, при котором происходит изменение не только значения производящей основы, но и фонетического облика топонима. Как отметил В. Пизани, вследствие народной этимологии «слово или сближается с другими, близкими по звучанию, в результате чего меняет своё значение, или же сближается со словами, близкими по значению, и в результате меняет свою форму» [178, С. 131; 101, С. 33].

Отталкиваясь от утверждения о «связи между лексическим детерминативом, в роли которого обычно выступает географический термин, и классом географических объектов» [139, С. 24], исследователи субстратной топонимии Восточного Забайкалья приводят следующие типологические и сопоставительные ряды.

Так, к примеру, самодийские гидронимические термины *қыққе* ‘река’ /сельк./, *қықе* ‘река, речка, приток’ /сельк./, *қыэққе* ‘ручѐк’ типологически сопоставимы с бурятскими детерминативами *-хан/-хон/-хэн/-ген* (ср. с т.-ма. *-кан/-кэн*; як. *-кан, -чан*); селькупский гидронимический термин *ипэ* ‘речка, ручей’, к примеру, типологически сопоставим с бурятским оронимическим термином *хунды* ‘пустой, полый; пустое пространство’, номинирующим понятие пади, распадка [80, С. 59]. Кетский гидронимический термин *ул/уль* можно сопоставить

с бурятским гидронимическим термином *гол* ‘река’ через тюркское *кул ~ дьул* [80, С. 91-92]. Селькупский лимнологический термин *то/ту-* ‘озеро’, как и ненецкое *тō*, нганасанское *турку* ‘озеро’ типологически сопоставимо с бурятским лимнологическим термином *тоором* ‘горько-солёное озерко’, функционирующем только в хоринском диалекте бурятского языка [80, С. 72].

Любопытно отметить, что в обско-угорских языках, в частности, хантыйском и его диалектах, встречаются такие апеллятивы, как *tow, tuw, tog* в значении ‘небольшое озеро’, имеющие лексико-семантическое сходство с бурятским *тоором* ‘горько-солёное озерко’.

Селькупский тельмографический термин *н’ар (н’арр’)* ‘болото’ типологически сопоставим с бурятским лимнологическим термином *нуур* ‘озеро’. Подобная семантическая корреляция наблюдается при сопоставлении селькупского лимнологического термина ‘большое озеро с истоком; место, покрытое кустарником и затапливаемое водой; узкое длинное озеро; старое русло реки; старица; протока в пойме реки’ *чвор~чъвор~чъвэр~тъвэр* и бурятского тельмографического термина *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’ [80, С. 69]. Самодийский терминованный апеллятив *тяндал* ‘влажный, сырой’ типологически сопоставим с тунгусо-маньчжурским термином *типкъ* ‘чаща, заросли, дебри’/эвен/ [80, С. 68].

Приводимые выше лексико-семантические параллели могут выступать как следствие родо-видового перехода исходного адстратного или субстратного термина уже в монгольских языках, так и результатом диахронных межъязыковых связей [80, С. 66].

В своё время Ц.Б. Цыдендамбаевым, историком бурятского языка, было высказано предположение о сходстве языковых черт бурятского языка с енисейскими. Им было выявлена типология в системе консонантизма данных языков: наличие сонорных *p* и *l*, не употребляющиеся в анлауте, чередование *m* и *b*. Кроме этого, обнаружено явление взаимозаменяемости палатализованных шумных звуков *t’, c’, ш’*, которые наблюдаются в западно-бурятских говорах (ср. *тамт’и // тамс’ // тамш’и* ‘табак’). По мнению Ц.Б. Цыдендамбаева подобного

рода примеры (например, очевидное сходство суффиксов *-ту* енисейских языков и *-та* (*-тэ*, *-то*) бурятского языка, присоединяемых к основе существительного и образуемого прилагательное со значением обладания) и в области морфологии могут являться доказательством наличия какого-то языкового взаимодействия, отражённого в морфологии и семантике субстратных топонимов [258, С. 3-23].

Распространение многочисленных топонимов с формантом *-кан/-кэн* в топонимии Восточного Забайкалья, обнаруживающих параллели в эвенкийском языке с ‘речными’ аффиксами *-кан/-кэн*, эвенским *-кан/-кэн*, монгольских *-хан/-хон/-хэн/-гэн* (аффиксы со значением уменьшительности), позволили Р.Г. Жамсарановой предположить о субстратном источнике данных формантов, связанных с самодийским гидронимическим термином *қы~қэ* ‘река’ или *кыэкке* ‘река’ [80, С. 70]. Селькупский гидронимический термин *қы~қэ* в монгольских языках «перешёл» при морфологической адаптации в формантное *-хан/-гэн/-хен/-хон*: р. *Гычехен* – пр.пр.р. Хилок, р. *Ара-Гыгээхэн*, р. *Убыр Гыгээхэн*, р. *Харгытуй Гыгээхэн*, р. *Хурай Гыгээхэн* – пр.пр.р. Хилок [80, С. 72].

Так, к примеру, в топонимии Восточного Забайкалья присутствует целый ряд лексико-семантических параллелей в корпусе местной географической терминологии, являющейся субстратной по происхождению: *кыккe* ‘река’/сельк./, *кыке* ‘река, речка, приток’/сельк./, *қыэккe* ‘ручeёк’ сопоставимо с формантными *-кан-кэн/т.-ма./*, *-хан/-хон/-хэн/-гэн/бур./*, *-кан*, *-чан/як./*, *ипж* ‘речка, ручей’/самод./ и *хунды* ‘пустой, полый; пустое пространство’ /бур./, *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’/сельк./ и *нуур* ‘озеро’/монг./, /бур./, *тяндал* ‘влажный; сырой’/сельк./, *чвор~чвор~чвэр~тьвэр* ‘большое озеро с истоком; место, покрытое кустарником и затапливаемое водой; узкое длинное озеро; старое русло реки; старица; протока в пойме реки’ и *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’/бур./, *мө~мӯ* ‘вода; жидкость, влага’ <*тиһ* ‘вода’/чж./ и общесамодийское *ба/бу* ‘вода’, *то-/ту-* ‘озеро’/сельк./, *тõ/нен./* и *тоором* ‘горько-солёное озерко’/бур./, *ул/уль* /кет./ ~*кул* /тюрк./, ~*дьюл*/тюрк./, ~*гол*/монг./, *јехэ* (ях) ‘река; речка’/хант./ и *юрях* ‘река’/як./, *йинк* ‘вода’/хант./, *ехан/еган* ‘река’/хант./, *анга* ‘курья (озеро)’ и *йенга* ‘ручей’/нен./ [80, С. 66, 67, 69, 70-71, 74, 86, 99-100,

103]. Как правило, детерминатив со временем «переходит» в формант, «оформляющий» топоним.

Как известно, системный подход при анализе географических названий по их формантам создаёт объективные предпосылки для установления лингвоэтнической принадлежности топонима, также и его структуры и значений сегментов, что придаёт известную убедительность интерпретации топонимического этимона [249, С. 224-225].

Таким образом, анализ топонимических исследований в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах позволяет заключить следующее: результаты имеющихся работ по исследованию как географических имён собственных, так и номенклатурной географической терминологии в аспекте синхронии и диахронии имеют важное значение для установления былых лингвоэтнических контактов.

Дальнейшие возможности развития топонимистики А.К. Матвеев видит, прежде всего, «в изучении субстратных географических названий, интерпретация которых привлечёт ещё не одно поколение учёных: эти названия нередко служат единственным источником изучения того или иного вымершего языка, определения этноса и территории его бывшего распространения. Другая важная перспектива открывается в очень актуальной сфере прикладной топонимистики, занимающейся проблемами первоименования» [142, С. 4-5].

Перспективы развития диахронических исследований ономастической лексики, по мнению А.Н. Куклина, «будут зависеть от того, насколько последовательно в них будут реализовываться принципы системности и историзма в подходе к топонимическому материалу. Семантическая реконструкция реликтовой тополексемы, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексемы, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих

языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки» [124, С. 27].

Системное описание топонимических систем Республик Поволжья позволило выявить возможность реконструкции корней-архетипов, релевантных для тюркских и финно-угорских языков [113, С. 158-163], что подтверждает несомненную актуальность исследования топонимии в аспекте компаративистики, диахронических исследований ономастической лексики в целом.

Таким образом, анализ имеющихся работ по сравнительно-сопоставительному, типологическому исследованию топономастической лексики отдельных регионов свидетельствует о географической распространённости ономастических изысканий. Определённые достижения в той или иной научной области готовят как новое исследовательское поле, так и ставят вопросы, требующие уточнений и дальнейших разработок.

Методологическими основаниями работы являются положения, выработанные в трудах И.А. Воробьевой, Г.Ф. Глинских, К.Ф. Гриценко, Т.Н. Дмитриевой, А.П. Дульзона, Р.Г. Жамсарановой, Ю.А. Карпенко, Г.Е. Корнилова, А.К. Матвеева, М.Н. Мельхеева, О.Т. Молчановой, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, Л.В. Шулуновой.

Многие ученые сходятся во мнении, что географические термины, в отличие от географического имени собственного, обладают наибольшей сохранностью, менее подвержены как структурной, так и семантической трансформации в условиях языковых контактов. Присвоение имени собственного природному объекту в сознании человека начинается с указания его физико-географических характеристик, закреплённых в апеллятивной лексике – географических номенклатурных терминах. Поэтому *метод географических терминов* при этимологизации субстратного топонима представляет собой один из наиболее убедительных и обоснованных методов в русле исследований В.А. Никонова [173], Ю.А. Карпенко [103], Е.М. Поспелова [187], А.К. Матвеева [135].

Следующими основополагающими методами при исследовании топономастической лексики Восточного Забайкалья являются *сравнительно-*

сопоставительный и *типологический* методы, позволяющие сравнить, сопоставить и выявить типологически релевантные характеристики в топонимической лексике с точки зрения сходства и различия, независимо от этноязыковой принадлежности, например, в границах самодийских и монгольских языков. С помощью сопоставительного метода изучаются языки в синхронии; метод позволяет установить общие черты и отличительные особенности фонологических систем данных языков с привлечением отдельных исследований по конкретным языкам: самодийским (Н.М. Терещенко; В.В. Быконя; Е.А. Хелимский) и монгольским (Б.Я. Владимирцев; Н.Н. Поппе; В.И. Рассадин).

Опора на сравнительно-исторические изыскания как в области бурятского [191], так и тюркских языков [214], позволяют верифицировать полученные результаты исследования топонимической лексики Восточного Забайкалья.

Другим важным методом исследования является *описательный*, с помощью которого выявлены и представлены регулярные фонологические чередования в апеллятивной лексике алтайских и самодийских языков.

Использование *принципа лексико-семантической мотивированности* при описании субстратных апеллятивов позволяет восстановить исходное значение географических терминов как топонимических основ – А.К. Матвеев [136], Н.Б. Ковалева [109], И.А. Стернин [216].

Применение *метода формантного анализа* при исследовании субстратной топонимической лексики позволяет выявить в структуре топонима детерминант, выступающий, главным образом, в качестве географического термина субстратного происхождения – В.А. Никонов [173], Г.Е. Корнилов [114], Е.М. Поспелов [187], А.К. Матвеев [135; 137].

У каждого народа, населяющего тот или иной регион, выработалась своя система как географических имён собственных, так и географической терминологии, семантическое наполнение которых связано не только с особенностями ландшафта, но и с историко-политическими, культурными событиями, образом жизни, хозяйственным укладом, мировосприятием –

М.Н. Мельхеев [146; 147], О.Т. Молчанова [154], Е.Л. Березович [20], Н.И. Данзанова [55] и др.

При изучении топонимической лексики Восточного Забайкалья в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах был применён *ретрогрессивный подход* исследования, позволивший выявить типологические сходные черты развития семантики топонимической лексики в диахронном аспекте – А.П. Дульзон [59], А.К. Матвеев [145; 139].

Безусловно, при формировании топонимической лексики региона огромна роль учёта межъязыковых контактов. Тесное контактирование на определённой территории народов и глубокое языковое взаимодействие приводят к тому, что часть топонимической лексики подвергается процессам псевдоморфологизации и псевдомотивации в условиях вхождения лексики одного языка в другой [80, С. 33].

Таким образом, системное описание топонимической лексики отдельных территорий, изучаемых разными российскими научными школами, ведётся в трёх направлениях. Первое связано с теорией субстрата, второе с экспансивным воздействием языков-«победителей» на первичный язык и третье – в области исследований в рамках контрастивной лексикологии. Разрабатываемые в разных аспектах методы изучения топонимической лексики позволяют выявить возможные причины изменений как фонологической и морфологической структур, так и семантики субстратных географических названий.

1.2. Топонимическая лексика алтайских языков региона

Задачей параграфа является обзор трудов по изучению топонимической лексики алтайских языков Восточного Забайкалья – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских.

В кругу алтаистических исследований научный интерес к изучению топонимической лексики с применением различных подходов неизменно растёт. В данной работе алтайские языки изучаемого региона, – Восточного

Забайкалья, – представлены согласно стратификации топонимической системы. В результате комплексного исследования топонимической системы Восточного Забайкалья обнаружилось, что субстратные названия, в основе которых лежат детерминанты, связаны языковым происхождением не только с алтайскими (древнетюркским, тунгусо-маньчжурскими и монгольскими), но и палеоазиатскими (кетским, юкагирским), и самодийскими языками [82].

Одним из наиболее ранних топонимических пластов, среди названных выше, является, безусловно, древнетюркский. Впервые о древнетюркских топонимах в топонимической системе Восточного Забайкалья, соответственно и о географических терминах, было написано в трудах М.Н. Мельхеева [147], Э.М. Мурзаева [168], Л.В. Шулуновой [270], В.И. Рассадина [195], Р.Г. Жамсарановой [82; 83; 80]. Известные достижения отечественной тюркологии и труды по топонимике тюркских языков представлены в трудах Н.А. Баскакова [14], Г.И. Донидзе [56], Дж. Г. Киекбаева [105], А.А. Камалова [100], Г.Е. Корнилова [114; 113; 116; 117], В.А. Лезина [129], О.Т. Молчановой [157; 160], Б.К. Ондар [176], М.А. Сагидуллина [203], В.И. Супруна [224], Е.И. Убрятовой [233; 234], Н.К. Фролова [249; 247], А.Г. Шайхулова [262; 261], Н.Н. Широбоковой [264; 266] и др.

При этом статистический анализ диссертационных исследований по тюркоязычной топонимике с конца 1990-х по настоящее время показывает, что интерес к исследованию топономастической лексики в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах значительно снизился. Имеются диссертационные исследования в русле сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания – Р.Г. Сунгчугашев [221], К.М. Головина [43], А.С. Иванова [88], Л.С. Сулейманова [217], Ю.В. Исламова [94], Р.Р. Тимиров [226].

Статистический анализ диссертационных исследований по монгольской топонимике с конца 1990-х по настоящее время свидетельствует о превалировании лингвокультурологического, этнолингвистического подходов к исследованию топонимов, внимание акцентируется на мотивах номинации,

семантике основ, связи языка и культуры при номинации географических имён собственных – Л.Е. Золтоева [87], Е.В. Сундуева [218], А.Л. Ангархаев [2], Р.Г. Жамсаранова [82], Т.В. Лиштованная [130], Ю.Ф. Манжуева [131], И.А. Дамбуев [54], Н.И. Данзанова [55].

В работе «Гидронимические термины в тюркских языках» отмечено, что в топонимии тюркских языков большую роль играет суффиксальный способ словообразования. При исследовании роли суффиксов в тюркских языках Г.И. Донидзе приходит к выводу, что по сравнению со славянской топонимикой в тюркских языках отмечено отсутствие специфических аффиксов, образующих топонимы [56]. В исследованиях Б.А. Серебренникова [209], А.В. Суперанской [222], Г.Е. Корнилова [114], О.Т. Молчановой [157; 159], Г.П. Бондарук [25], А.С. Шайхулова [262], А.А. Сосаевой [213], Дж.Г. Киекбаева [105] и др. также упоминается особая роль суффиксов при образовании топонимов.

Данный тезис подтверждается результатами исследования по чувашской топонимии. Так, Г.Е. Корнилов в статье «О типах топонимов в агглютинативных языках» считает эллиптирование определяемой части топонимов особым топонимическим типом, свойственным агглютинативным языкам [110]. Также исследователем проводится ряд исследований по топонимии республик Поволжья (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Коми, Мордовия, Марий Эл). На примерах топонимов и апеллятивов с компонентами тюркских и финно-угорских языков Поволжья предпринимаются попытки реконструкции архетипов с применением данных монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых индоевропейских языков [113].

Так, при сравнении с соответствующими общетюркскими и межтюркскими, урало-алтайскими, индоевропейскими, афразийскими, австронезийскими (малайскими), японскими данными Г.Е. Корниловым впервые приведены 1937 чувашских и 664 русских слов, словоформ, корней и основ (считая реконструкции и варианты) в сравнительно-сопоставительном аспекте [111].

Исследование чувашской топонимии при детальном исследовании не только словообразовательных моделей, но и фонетико-морфологических

показателей тюркоязычных топонимов результирует о наличии древних языковых связей таких регионов, как Восточная Сибирь и центральная часть России – В.Г. Егоров [71], М.Р. Федотов [236], Н.И. Егоров [72].

В исследовании А.С. Ивановой «Типология чувашских гидронимов» [88] анализируется основной массив чувашских гидронимов, описывается система гидронимических терминов в сравнительно-сопоставительном аспекте. Изучены основные принципы номинации, выявлены лексико-семантические типы гидронимов, а также предложен ряд новых этимологий гидронимов.

Монографическое исследование О.Т. Молчановой «Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая» (1982), «Grammar of Turkic Place-Names in the Mountain Altai» (1998) выявило наличие топонимических моделей на уровне языковых знаков, вскрыло механизм их появления с точки зрения их семиотического назначения.

Таким образом, современное языкознание по тюркологии располагает значительным сводом работ, посвящённых описанию тюркоязычных элементов в разных ярусах лексического состава – как на уровне апеллятивной, так и проприальной лексики – М.Р. Федотов [236], В.И. Сергеев [207], Г.Е. Корнилов [116], Н.И. Егоров [72], О.Г. Михайлов [152].

Ряд теоретических проблем ономастики как науки во многом решается с учётом данных исследования и по тюркской топонимике.

Известны результаты изучения тюркских языков Сибири новосибирских учёных школы профессора Е.И. Убрятовой [234; 233] – Н.Н. Широбоковой [264; 266; 267], А.Е. Шамаевой [263], А.А. Кузьминой [122]. В работах Е.И. Убрятовой по изучению якутского языка было установлено, «что в результате взаимодействия древнетюркского языка, близкого к языку орхонских текстов, с другими древними тюркскими языками через длительное двуязычие с каким-то монгольским языком и в результате распространения этого языка в тунгусоязычной среде складывается современный якутский язык» [235, С. 7; 265, С. 44].

Исследователем А.Е. Шамаевой были сопоставлены диалектные монгольско-якутские параллели, описаны их фонетические, лексико-семантические и

функциональные особенности в сопоставлении с их эквивалентами в письменномонгольском и современных монгольских языках [263].

Таким образом, обзор научных публикаций по тюрко-монгольским контактам позволяет считать весьма перспективными и по-прежнему актуальными исследования топонимической лексики в данном направлении.

В работе А.А. Кузьминой «Типы корневых основ имён существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ)» (2017) освещены проблемы якутской морфематики. Проведён лингвистический анализ одно- и двусложных основ, сгруппированных по тематическим группам, а также их роли в исторической лексике. А.А. Кузьминой определены гипотетически древние языковые связи якутов, которые могли повлиять на фонологическую систему якутского языка.

Монголоязычная топонимическая лексика описана в трудах многих учёных – М.Н. Мельхеев [146; 147], Л.В. Шулунова [269], Т.А. Бертагаев [21], А.В. Шойжонимаева [268], В.И. Рассадин [194], Ц.Б. Цыдендамбаев [258], И.Д. Бураев [28], А.Г. Митрошкина [150], Е.Л. Золтоева [87], Р.Г. Жамсаранова [77; 80; 81; 83], Ю.Ф. Манжуева [131], А.В. Ринчинова [200], И.А. Дамбуев [54], Е.В. Сундуева [218; 219], Н.И. Данзанова [55].

Кроме того, статьи и тезисы по топонимии Республики Бурятия были представлены в сборниках «Ономастика Бурятии» (1976); «Бурятские антропонимы и топонимы» (1981); «Исследования по ономастике Бурятии» (1987); «Исследования по ономастике Прибайкалья» (1990).

Работа М.Н. Мельхеева «Местные географические термины Восточной Сибири» (1958) базируется на обширном фактическом материале. Проведённый анализ топонимического материала позволил осветить вопросы, связанные как с историей, языковым происхождением, так и семантикой названий Бурятии, районов Иркутской и Читинской областей. Последующие работы «Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области» (1969), «Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий» (1969) освещают вопросы этимологии монголоязычных топонимов.

В работе «Ономастика Прибайкалья» описана географическая терминология, которая позволила Л.В. Шулуновой в сравнительно-сопоставительном плане установить типы номинации географических объектов, семантические модели топонимов, а также сравнить топонимы с точки зрения словообразовательной структуры, грамматических показателей с учётом диалектной раздробленности бурятского языка [270].

Комплексный сопоставительный анализ топонимов крупных озёрных регионов, находящихся на значительном географическом отдалении друг от друга, был проведён в работе Т.В. Лиштованной «Гидронимы бассейнов озёр Байкала и Лемана» (2002). Автором были рассмотрены гидронимические системы, представляющие культурные ареалы, сходные по материально-естественным параметрам существования, однако исключающие прямые контакты друг с другом.

В монографическом исследовании «Топонимия Восточного Забайкалья» (2003) Р.Г. Жамсарановой, Л.В. Шулуновой было впервые комплексно описана топонимия Восточного Забайкалья в аспектах синхронии и диахронии. Посредством типологического анализа была проанализирована топонимическая система Восточного Забайкалья, выявлены закономерности её формирования, как и специфика её становления и развития. В монографическом издании описаны стратиграфические пласты региональной топонимии, представлены основные принципы номинации топонимов. При этом дана классификация географических имён собственных Восточного Забайкалья, определены специфические черты, роль и степень участия местных географических терминов при образовании топонимов. В работе комплексно описаны родо-видовые сдвиги географических терминов и их лингвистическое «оформление» в разных языковых пластах.

Работа Ю.Ф. Манжуевой «Гидронимия Циркумбайкальского региона» (2003) представляет собой опыт лингвистического исследования гидронимии Циркумбайкальского региона. В частности, в исследовании с точки зрения словообразовательных моделей изучены особенности возникновения, развития, формирования системы гидронимии Циркумбайкальского региона.

А.В. Ринчиновой, Л.В. Шулуновой в работе «Ойконимия этнической Бурятии» (2005) были рассмотрены особенности возникновения, развития, формирования ойконимической системы региона. В ходе лингвистического анализа онимов определена их грамматическая характеристика, набор формантов, особенности функционирования ойконимов в языке и речи.

И.А. Дамбуевым, Л.В. Шулуновой в исследовательской работе «Названия городов и сёл Циркумбайкальского региона» (2005) были проанализированы факты истории и культуры населения Циркумбайкальского региона на основе ойконимии. Применение функционального подхода позволило по-новому оценить «природно-географические» ойконимы.

Е.В. Сундуевой в работе «Топонимия Ольхона и Приольхонья» (2010) исследована семантика единиц онимической системы Ольхона и Приольхонья с точки зрения принципов номинации.

Тувшинтогсом Бямбажав в работе «Глагольная лексика монгольских и маньчжурских языков: Историко-сопоставительный анализ» (2005) предложены основные приёмы историко-сопоставительного анализа, позволяющие переходить от сопоставительного анализа внешнего вида лексических единиц, их семантики и образуемых ими словообразовательных гнезд к сравнительно-историческому анализу, позволяющему надёжно определять направление лексических заимствований или относить сравниваемые слова разных языков кобщему словарному фонду этих языков.

Работа «Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья» (2011) Р.Г. Жамсарановой посвящена описанию субстратной топонимии Забайкалья. Представлен языковой субстрат самодийского, тюркского и палеоазиатского происхождения, описаны явления конвергентно-интерферентного характера в корпусе местной географической терминологии на обширном микро-топонимическом материале. Дано описание как синхронических, так и диахронических коррелятов в географической терминологии, представлено лингвистическое обоснование конвергентных явлений в топонимии.

Работа Н.И. Данзановой «Орографическая терминология в монгольских языках (формы возвышенного рельефа)» (2012) системно осветила отдельный лексический слой терминологической лексики монгольских языков, а именно наименования возвышенного рельефа.

С учётом исторических и иных событий в жизни автохтонного населения Восточной Сибири исследователи-языковеды часто обращаются к описанию лексических систем разных языков алтайской языковой семьи в сравнительно-сопоставительном аспекте. Установлено, что именно топономастическая лексика, включая, прежде всего, географическую терминологию субстратного происхождения, иллюстрирует наличие межъязыковых контактов.

Известны топонимические словари восточно-сибирского региона, в которых дано описание топонимов, происхождение которых связано с былым функционированием языков ныне исчезающих народов Сибири. В издании «Географические названия Иркутской области: топонимический словарь» (2015) рассмотрены географические названия Иркутской области как современные, так и уже утраченные. Представлена солидная историко-этнографическая база для этимологической расшифровки топонимов, приведены исторические сведения об их появлении. Издан словарь «Географические названия Республики Бурятия», в котором приводится этимология многих географических названий с учётом наличия исторической топонимике элементов кетских, самодийских и алтайских языков [41]. Для данной работы являются ценными результаты исследования «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)» (2012), в которой рассмотрены общие лексические элементы бурятского и эвенкийского языков. Результаты исследования полезны не только в аспекте генетически и структурно близких языков, но и в плане исследования географической терминологии. Оказалось, что часть общей лексики появилась в этих языках как в результате исторического взаимодействия, так и взаимных заимствований.

Таким образом, анализ работ, посвящённых изучению разных алтайских языков, обнаружил наличие исследовательского интереса, как к проблеме, так и к

вопросам исследования топонимической лексики, взаимовлияния и контактирования в синхронии и диахронии.

Следует отметить, что наличие исследований, посвящённых описаниям, как древних, так и современных языковых контактов на евразийском континенте, представлено неравномерно. Представляется, что наиболее изученным являются такие регионы, как центральная часть России – Н.И. Егоров, А.А. Камалов, Г.Е. Корнилов, А.Н. Куклин, Г.П. Смолицкая; северо-западная часть России – В.Л. Васильев, Л.Г. Гусева, С.А. Мызников, И.И. Муллонен; Урала – Дж.Г. Киекбаев, К.М. Мусаев, А.Г. Шайхулов; Русского Севера – Е.Л. Березович, Г.В. Глинских, Л.М. Дмитриева, Н.В. Кабинина, А.К. Матвеев, О.А. Теуш, Н.К. Фролов, Западной Сибири и Алтая – Э.Г. Беккер, А.П. Дульзон, Осипова 1969; И.А. Воробьева, Л.Е. Калинина, О.Т. Молчанова, А. Абдрахманов, К.Ф. Гриценко, П.М. Коптелов, Г.П. Вуоно, К.И. Юргин. Относительно регионов Восточной Сибири исследования подобного рода немногочисленны.

Данная работа представляет собой продолжение изучения топонимической лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте вслед за вышеназванными работами по субстратной топонимике регионов. Исследование топонимической лексики монгольских языков в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах, которое до настоящего времени не являлось объектом специального научного обобщённого рассмотрения, содержит в себе значительные перспективы будущих изысканий в региональной ономастике.

1.3. Сопоставительный аспект изучения топонимической лексики

Задачей данного параграфа является описание результатов основных работ по изучению топонимической лексики в сопоставительном аспекте.

Топонимическая лексика, включающая географические имена собственные (топонимы) и географические термины, как апеллятивную лексику, в сопоставительном аспекте представляет собой объект исследований для ряда учёных. Обнаруженные типологически схожие элементы в структуре и семантике

топонимической лексики генетически неродственных языков могут свидетельствовать о давних историко-культурных, политических, языковых связях племён и народов в пределах определённой территории в прошлом.

Так, сохранились путевые записи и очерки исследователей-лингвистов, путешествовавших по Сибири, в частности и по Забайкалью, к примеру, М.А. Кастрена, В.В. Радлова, которые на всём протяжении экспедиционных поездок тщательно собирали географические названия. Собранные материалы по топонимике позволили М.А. Кастрену определить степень родства между финно-угорскими и тюркскими языками, принадлежащих к уральским и алтайским языкам. Безусловную значимость имеют данные этимологические пометы М.А. Кастрена и для забайкальских топонимов [74, С. 7].

Межэтнические и межъязыковые взаимодействия, происходившие с древнейших времён, отражаются не только в сравнительно-исторической фонологии, сопоставительной лексикологии, исторической морфологии, но и в топонимике. Актуальными для данного исследования являются исследования по топонимике Западной Сибири. Томская лингвистическая школа под руководством профессора А.П. Дульзона обогатила науку рядом крупных исследований не только по топонимике (прежде всего, субстратной, Западной Сибири), но и реконструкцией исчезнувших языков древних народов Сибири. К примеру, работы А.П. Дульзона «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (1950); «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения» (1959); «Былое расселение кетов, по данным топонимики» (1962); «Топонимия Западной Сибири как один из источников её древней истории» (1964); «Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения» (1969) и др. положили начало подлинно научному исследованию языков, этносов и топонимов Сибири. Крайне ценной является его методология анализа топонимического материала дорусского, субстратного и субсубстратного (адстратного), происхождения. Томская лингвистическая школа представила ономастике конкретные результаты исследования топонимической

лексики самодийских, тюркских и кетских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Особенность предложенных А.П. Дульзоном методов изучения топонимов субстратного происхождения заключается в том, что в них обязательно присутствует ретрогрессивный подход к исследованию. Ретрогрессивный анализ топооснов, принадлежащих к разным временным периодам, начинается последовательно – с верхнего стратиграфического пласта, то есть русского [59].

Изучение географических названий позволило установить как ареалы былого расселения этнических групп на территории Сибири, что уже само по себе имеет большое значение, так и определить направления доисторических передвижений населения и времени этих миграций. Так, А.П. Дульзоном установлены места проживания и миграции кетов в Сибири за последние два тысячелетия, проследить пути передвижения определённых групп тюркоязычных этносов в различные районы юга Сибири и Среднего Приобья [59; 60; 61; 62; 63; 64; 65].

Наиболее изученными оказываются связи селькупского языка с тюркскими, особенно чулымско-тюркским – Э.Р. Тенишев [214], Т.М. Филиппова [239; 240; 241; 242; 243; 244; 245], А.И. Кузнецова [121]; русско-самодийским (селькупскому) – А.И. Гашилов [40], Л.А. Ильина [90; 91; 92; 93], А.И. Кузьмина [123; 124], Е.А. Хелимский [253; 255]; кетско-селькупским языковым связям – В.Н. Топоров [230], А.П. Дульзон [59; 60; 61; 62; 63; 64; 65], Е.А. Крюкова [120]; хантыйско-селькупским – Г. Зауер [86]. При этом проблема межъязыковых контактов, лексических заимствований также оставалась постоянным предметом этих исследований.

Так, в работе Т.М. Филипповой «О некоторых тюркских заимствованиях в селькупском языке» выделено два основных периода тюркских заимствований в селькупском языке: древний /прасамодийский/ и сравнительно поздний /после отделения селькупского от северносамодийских языков/ [239, С. 88-90].

Изыскание селькуповеда Е.А. Хелимского по южносамодийским языкам, в частности, селькупскому, позволили описать наличие языковых контактов

древних самодийцев с не менее древним (в этноязыковом отношении) тунгусским населением Сибири. Результаты этого исследования отражены в ряде его работ, прежде всего, в труде «Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации» (2007).

Для нашего диссертационного исследования важно предположение авторов «Самодийско-тунгусо-маньчжурских лексических связей» А.Е. Аникина и Е.А. Хелимского о вовлечении каких-то отдельных групп самоедоязычных народов в миграционные волны тунгусо-маньчжурских племён. По их мнению, эти миграции были направлены на Дальний Восток из енисейско-прибайкальского региона, вовлекая, таким образом, в свой этногенез и «восточных тунгусо-маньчжуров» [7].

В работе Л.И. Калининой «Хантыйские топонимы Западной Сибири» (1959) рассмотрены хантыйские географические названия рек *Васюган* и *Юган*, их структура и значение, сопоставлены устный и письменный виды топонимов. Другие исследования [95; 96; 97; 98] нацелены на установление основных типов хантыйских топонимов и ареалов их распространения в Западной Сибири. Кроме того, по данным топонимии были предприняты попытки определения ареала прежнего расселения хантов и выявления закономерностей русской адаптации хантыйских топонимов.

Поэтому предложенная методология изучения дорусской топонимии Западной Сибири положила начало исследованиям топонимической лексики не только в диахронном, но и в синхронном аспектах. Предложенный А.П. Дульзоном ретрогрессивный подход к исследованию оправдывается результатами изучения русскоязычных топонимов Западной Сибири и в плане синхронии.

В синхронном аспекте для нас большую ценность представляют работы по топонимической лексике Западной Сибири – Л.И. Калинина [99], И.А. Воробьева [33; 35; 36], Г.П. Вуоно [39], Н.Б. Ковалева [109], Э.Г. Беккер [19], К.Ф. Грищенко [48].

И.А. Воробьевой в работе «Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке» (1966) проведён анализ самого

верхнего топонимического слоя Сибири – русской топонимии. Исследование обширного полевого материала проводилось с учётом анализа русских топонимов как во взаимосвязи с субстратной иноязычной топонимической лексикой, так и в сравнении со славянской топонимикой других территорий. Изучение закономерностей и путей русской адаптации сибирских аборигенных названий позволило И.А. Воробьевой сделать вывод, что при адаптации субстратных топонимов языком-реципиентом большое влияние на структуру топонимов играет не столько сам язык, сколько топонимическая система, сложившаяся на базе языка [33; 35; 36].

Изучение якутско-русской топонимической лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте позволило К.Ф. Гриценко согласиться с мнением И.А. Воробьевой о том, что «на характер русской адаптации влияет давность употребления названий в русской языковой среде» [47, С. 29].

Современные изыскания в границах самодийских языков помимо создания лексикографических и иных источников по селькупскому языку – Э.Г. Беккер [15; 16; 17; 19], Ю.А. Морев [161; 162], Е.А. Хелимский [252; 253; 254; 255; 256], В.В. Быконя [29; 30; 31], Ю.А. Карманова [101] подытожены появлением исследований концептуальных структур селькупского языка в сравнении с русским – А.В. Головнев [44; 45], В.В. Быконя [29; 31], А.А. Ким [106], Н.В. Полякова [184]. К примеру, в работе Н.В. Поляковой «Особенности вербализации концепта «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским» (2004) был проведён сопоставительный анализ языковых средств, вербализующих один из ключевых концептов в концептосфере селькупского и русского этносов – концепт «пространство» [184].

Любопытна методология изучения русской топонимии и описания её структуры под влиянием иноязычной автохтонной топонимии в работе Н.Б. Ковалевой «Русская топонимия бассейна реки *Ини* (семантический анализ)» (1972). Н.Б. Ковалева на значительном топонимическом материале (около 5 000 единиц, включая микротопонимы) описывает семантические изменения, происходящие в топонимах в процессе их функционирования, прослеживает

развитие и изменение разных планов изучения топонимов. Она описывает принципы номинации и мотивировочные признаки, при этом, стратифицируя топонимию бассейна реки *Ини*, выделила русские и иноязычные (тюркские, кетские, южносамодийские, палеосибирские) топонимические пласты; выявила систему регулярных топоформантов для каждого топонимического пласта. *Принцип лексико-семантической мотивированности* русскоязычных топонимов, предложенный Н.Б. Ковалевой, актуален и для нашего исследования.

Принцип лексико-семантической мотивированности, по мнению Н.Б. Ковалевой, должен основываться на сопоставлении современного значения (иногда народно-этимологического) географического названия и его дотопонимического значения. Данный метод позволил ученому проследить изменение семантики топонимов, выявить моменты сдвигов их значений. Он смог отметить происходящие при этом преобразования на всех уровнях языка, случаи семантического переосмысления и замены мотивировочного признака [109].

Другая крупная лингвистическая школа в России, которая занимается изучением топономастической лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте это – Уральская топонимическая школа профессора А.К. Матвеева.

А.К. Матвеевым в работе «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала» была отмечена особая семантическая группа топонимов, образованная географическими терминами, которые воспринимаются и как нарицательные, и как собственные. Это свидетельствует о тесной связи топонимики и географической терминологии, открывает дорогу к этимологии топонимов, установлению дорусских пластов топонимии и выявлению древнеуральских топонимических элементов [144].

Многочисленные исследования А.К. Матвеева посвящены методологическому аспекту выявления и исследования субстратных топонимов, в частности, роли географических терминов в субстратной микротопонимии, принципу семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов [132; 134; 135; 136; 137; 138; 140; 145].

Следовательно, весьма важно проводить глубокий анализ топонимической лексики на всех уровнях языковой системы: фонетическом, структурно-словообразовательном, морфологическом, семантическом.

Как показало изучение русской топонимии мансийского происхождения в бассейне реки *Тавды* (л.пр.р. *Иртыш* в нижнем течении) Г.В. Глинских, «мансийские субстратные топонимы довольно часто не имеют в исходе формантов, восходящих к географическим терминам. Осуществляя классификацию топонимов по формантам, следует постоянно иметь в виду, что это лишь вспомогательный приём, далеко не всегда обеспечивающий успех при исследовании. Тем не менее, группировка по формантам является необходимым этапом в изучении субстратной топонимии» [42, С. 14].

Исследователями тюркоязычной топонимики отмечается «чрезвычайная скудость репертуара аффиксов в топонимах», в частности, чувашских [114, С. 122; 159, С. 104].

Подтверждает это и современное исследование по языковой адаптации тюркских названий в славянских языках. Так, Д. Хамуркопаран пишет о том, что нарушение закона сингармонизма, типичного для тюркских языков, в процессе заимствования в большинстве случаев влияет на звуковую и графическую форму географических названий. Ценным является вывод о том, что результатом морфолого-грамматической адаптации иноязычных топонимов языком-реципиентом является их приспособление к морфологическим законам. К примеру, иноязычный топоним приобретает такую грамматическую категорию как род, начинает прослеживаться очевидная связь топонимов с географическими терминами, выступающими в качестве мотивирующих слов. К тому же, результаты адаптации позволяют определить основные принципы функциональной значимости заимствованных (или субстратных) топонимов в структуре славянского предложения [251].

Исследования топонимии отдельных регионов ведутся в различных аспектах. Так, по территории республики Марий Эл в сравнительно-сопоставительном аспекте наиболее примечательна работа А.Н. Куклина

«Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)» (1998). Были выявлены субстратные тополексемы географических названий с применением лингвогеографического, структурно-фонетического и типологического анализа; установлены типичные модели семантических типов финно-угорских топонимов и определены ареалы их распространения. Одновременно с многоплановым анализом географических названий в монографии затрагиваются спорные вопросы. Изучение спорных вопросов этногенеза и этнической истории народов уральской языковой общности позволило автору скорректировать отдельные существующие положения по теории этнологии финно-угорских и самодийских народов.

Исследования учёных центральной части России, особенно Поволжья, также постулируют ценность изучения топонимической лексики в сравнительно-сопоставительном, типологическом аспектах – А.И. Попов [185], Б.А. Серебренников [208], В.А. Никонов [174], М.Г. Атаманов [8], С.Г. Моторкина [163], Э.В. Фомин [246]. Исследователи приходят к общему выводу о том, что усвоение топонимов иноязычного (субстратного) происхождения средствами русского языка происходит поэтапно: субстратный топоним изменяется в плане артикуляционно-акустических характеристик, составляющих их фонем; добавляется морфологический показатель русского языка; выделение предполагаемого детерминанта иногда не соответствует географическому термину «принимающего» языка.

Изучение топонимической лексики топонимии ближайшего к Забайкалью – Амурского региона, подтверждает особенности концептуальной адаптации субстратных названий к нормам русского языка. Е.Л. Калининой изучены особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимов Амурской области) [95]. Впервые проанализировано системно-языковое, функциональное, этнокультурное и концептуально-ассоциативное содержание субстратных географических названий Амурской области. В результате контрастивного описания выявлены особенности адаптации субстратных ойконимов в концептосфере принимающего языка.

Вопросы контактирования этносов и языков в диахронном аспекте описаны в работе Н.Н. Широковой «Историческое развитие якутского консонантизма». Выявлены исторические фонологические явления, доказывающие наличие самодийско-якутских языковых контактов. Немаловажно то, что результаты исследования выявили определённое сходство якутских изменений спирантов с развитием сибилантов угорских и самодийских языков [264, С. 108]. Для нашего исследования очень важен авторский вывод о наличии двух ареалов развития сибилантов на территории современной Сибири, «один из которых объединяет угорские, самодийские и пумпокольский диалект тунгусо-маньчжурских языков, другой – якутский и бурятский языки, имеющие типологически схожие черты» [264, С. 106-109].

Таким образом, изучение топономастической лексики в сравнительно-сопоставительном и типологическом аспектах на примерах топонимии разных регионов позволяет констатировать несомненную важность и ценность исследований данной лексики.

Подобного рода исследования дают основание делать выводы не только в плане сравнительно-исторического языкознания, но и сопоставительного и типологического. *Ретрогрессивный подход* исследования наряду со *сравнительно-сопоставительным, описательным методами, принципом лексико-семантической мотивированности* позволяет выявить типологические схожие черты развития семантики топономастической лексики.

Исследование фонологических и морфологических особенностей формирования типов одно- и двусложных основ позволяет: 1) выявить древние реликты, сохранившие архаичные черты; 2) факты и факторы, воздействовавшие на эволюционные процессы; 3) объяснить происхождение этимологических корней. Изучение топономастической лексики позволяет установить причины заимствования, связанные с природными и климатическими, а также социальными, историческими, культурными и духовными факторами [122].

Об этноязыковых тюрко-монгольских контактах имеется солидная источниковая база – Ц.Б. Будаев [26; 27], А.М. Щербак [271; 272; 273],

В.И. Рассадин [189; 190; 191; 192; 193; 194; 195; 196; 197; 198; 199], Н.И. Егоров [73], П.В. Желтов [85]. Менее всего изучены тунгусо-маньчжурские языковые связи и контакты – В.И. Рассадин [195; 196; 197], Г.Н. Чимитдоржиева [260]. Языковая адаптация монголизмов в эвенкийском языке на уровне морфологии и семантики иллюстрирует глубину проникновения заимствований из монгольского языка в лексическую систему эвенкийского языка и его диалектов. Отдельное внимание уделялось рассмотрению монголизмов, проникших через посредство якутского языка в эвенкийский язык. Отмечается степень глубокого и прочного закрепления и освоения монголизмов в лексической системе, как якутского языка, так и эвенкийских говоров и диалектов. Наблюдаются и обратные заимствования из тунгусо-маньчжурских языков в монгольский и бурятский языки [260].

В последнее время активно изучается проблема бурятско-русских языковых контактов в плане взаимовлияния и вопросов заимствований – В.М. Егодурова [70], В.В. Базарова [12], В.Д. Патаева [178].

Так, в работе В.М. Егодуровой «Сопоставительно-типологическое исследование глаголов движения бурятского и русского языков» (1988) выявлено, что агглютинативный характер бурятского языка обусловлен довольно значительной ролью черт аналитического строя языка в процессах словообразования и формообразования; приведены результаты типологического исследования способов словообразования в бурятском и русском языках.

В.В. Базарова в работе «Типология процессов обогащения лексики русского и бурятского языков за счёт иноязычных заимствований» (1995) впервые применила системный и сопоставительно-типологический методы анализа процессов развития лексических систем бурятского и русского языков, что позволило выявить их типологию и специфику.

В.Д. Патаевой в работе «Этнокультурная лексика тункинских бурят (на примере обрядовой)» (1996) изучены особенности словарного состава тункинского говора на примере обрядовой лексики. Выполнен этнолингвистический анализ соответствующей лексики и сделано её сопоставление с фактами диалектов бурятского и других языков. Установлены

общие и специфические черты, выявлены моменты историко-культурных контактов не только с монгольским миром, но с иными этносами [178].

Чрезвычайно важным для нашего исследования является труд «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» (2007), в котором А.Е. Аникиным и Е.А. Хелимским представлены лексические параллели самодийских и тунгусо-маньчжурских языков, отражающие, по меньшей мере, двухтысячелетнюю историю контактов между этими этносообществами в различных частях Енисейской Сибири и в прилегающих регионах.

И.Н. Новгородовым в работе «Якутско-эвенкийские языковые контакты» (2009) изучены сходства, обнаруживаемые в якутском и эвенкийском языках, с позиции их контактов, исключая их генетическое родство. Проанализированы в сравнительном плане якутские заимствования в эвенкийском языке и наоборот, изучено влияние эвенкийского языка на фонетику и морфологию якутского. Любопытно утверждение об отсутствии эвенкийского субстрата в формировании якутов и их языка; определяется время возникновения якутско-эвенкийских языковых контактов на территории современной Якутии.

В синхронном аспекте важной для исследования представляется работа «Реализация сегментных единиц в интерферированной речи билингов (сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков)» (2016), где проведено сопоставление фонологических систем, генетически и типологически разных, русского и эвенкийского языков.

При этом следует учесть, что проблемы языковой адаптации субстратных географических терминов в составе русских названий географических объектов на территории Восточного Забайкалья в сравнительно-сопоставительном аспекте не подвергались широкому лингвистическому описанию ни в отечественной, ни в зарубежной топонимике.

Менее исследованными представляются языковые контакты самодийских и монгольских языков, на которые одним из первых обратил внимание Г.Н. Румянцев [202, С. 1-13], исследуя вопросы этногенеза хори-бурят.

В топонимии Восточной Сибири, в частности, бурятской топонимии, М.Н. Мельхеевым было выделено значительное количество субстратных названий: тюркоязычных (более 70 ед.), самодийских (около 50 ед.), кетоязычных (более 30 ед.), а также названия с ираноязычными субстратными элементами (около 30 ед.) [146].

Эта гипотеза была развита в статьях видного бурятского ученого-филолога Ц.Б. Цыдендамбаева, который в своих статьях отмечал элементы сходства бурятского с самодийским и кетским языками [258].

Эти предположения нашли подтверждение в работах Р.Г. Жамсарановой [77; 79; 80; 81; 83], в которых на широком ономастическом материале отдельного региона выдвигается идея о том, что давние историко-этнические процессы, затронувшие и северные регионы Центральной Азии, включающие и Восточное Забайкалье, были именно тем ареалом, где функционировала некогда урало-алтайская сообщность. Региональная топонимия Восточного Забайкалья, согласно исследованиям Р.Г. Жамсарановой, имеет довольно плотный слой самоедоязычного и кетоязычного субстрата [83; 76; 77; 78; 79, С. 32-42]. Обнаружены убедительные лексико-семантические параллели бурятского и селькупского языков [76; 78; 80; 83].

Вышеприведённый краткий обзор работ по изучению языковых контактов разных территорий, включая и Восточное Забайкалье, достаточно убедительно демонстрирует наличие постоянного научно-исследовательского интереса к данной проблематике.

Исходя из цели и задач настоящего исследования, следует отметить реализацию некоторых аспектов изучения бурятско-русских, бурятско-эвенкийских, бурятско-селькупских языковых контактов на примере определенного языкового материала.

Выводы по главе 1

Согласно совокупным результатам рассмотренных нами в данной главе исследований предшественников,

1) топонимическая лексика в сравнительно-сопоставительном аспекте способна обнаружить:

а) этапность её усвоения;

б) изменения фонетического «облика» заимствуемой лексики вследствие приспособления онама к нормам языка-реципиента;

в) изменения морфологических показателей;

г) изменения фонетических, морфологических и семантических характеристик исходного детерминанта;

2) географическая терминология способна видоизменяться в отношении семантических характеристик вследствие родо-видового сдвига, особенно внутри лексики алтайских языков;

3) при сопоставительном анализе географической терминологии становится достаточно очевидной типология принципов номинации.

ГЛАВА 2. ТОПОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Цель данной главы – представить обзор сравнительно-сопоставительного изучения топонимической лексики субстратного происхождения. Глава состоит из трёх параграфов, посвящённых описанию географического термина в качестве детерминанта топонимической лексики субстратного происхождения; описанию топонимической лексики алтайских языков; описанию топонимической лексики самодийских языков.

2.1. Географический термин как детерминант субстратного происхождения

Задача параграфа – представить методологические аспекты определения географического термина в роли субстратного детерминанта с целью семантизации топонимов.

Для теоретико-методологического обоснования данной работы необходимо разграничить понятия «лексическое заимствование», «субстрат». При исследовании топонимии Русского Севера А.К. Матвеев пришел к выводу о том, что «решающим фактором при различении субстрата и заимствования является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, поскольку субстратные элементы могут возникать только при поглощении одного народа другим» [141, С. 101-102].

По мнению С.А. Мызникова, в лингвистике пока не достигнуто консенсуса в отношении споров о природе лексического заимствования. Хотя многие исследователи отмечают преобладание заимствованной лексики в виде номинативной как в литературных языках, так и диалектах [171, С. 13]. Согласно его мнению, «лексическое заимствование, возникающее в условиях билингвизма, является словом, пришедшим из инородного языкового континуума и изменившимся под влиянием фонетических и грамматических законов языка-

реципиента. Заимствование возникает как результат тесных языковых контактов, тогда как лексика, «оставшаяся в языке населения, перешедшего на другой язык, оценивается нами как реликтовая, субстратная лексика» [171, С. 17].

Опираясь на это положение, попытаемся определить географическую терминологию (субстратного происхождения) как лексическое заимствование, а проприальную лексику (субстратный топоним) – как субстратную лексику. При этом следует заметить, что подобное разведение понятий в топонимической лексике предварительно и поэтому неоднозначно.

При выявлении субстрата в топонимии определённой территории А.К. Матвеев предлагает применять ретроспективный подход к материалу исследования, предполагающий последовательное изучение топонимических пластов, начиная с более позднего. В подавляющем большинстве случаев, как отмечает А.К. Матвеев, первоначально следует изучить микротопонимию, более позднюю по сравнению с гидронимией или одновременную с ней, но никак не более раннюю [141, С. 158].

Анализ микротопонимического материала исследуемого региона позволяет констатировать факт активного функционирования в основе большинства географических имён собственных географических терминов, имеющих субстратное начало [75; 77; 80; 82]. Микротопонимический материал, включающий и переосмысленные названия, является ярким примером видоизменения исходных субстратных географических терминов.

Вопросы взаимосвязи топонима и географического термина были затронуты в статьях Ю.А. Карпенко [103], А.К. Матвеева [135], Е.М. Поспелова [187], А.С. Суперанской [223], Н.И. Толстого [228], отмечавших несомненную связь наименования природного объекта и его физико-географической характеристики. Из этого следует, что при анализе топонимической лексики субстратного происхождения важно учитывать физико-географическую привязку топонима, наиболее объективно объясняющую его семантическое содержание.

Известно, что топонимическая лексика, имеющая субстратное происхождение, при вхождении в топонимическую систему «принимающего»

языка подвергается языковой адаптации на всех его уровнях. В первую очередь, субстратный топоним или термин приобретает морфологические признаки «принимающего» языка. Например, в забайкальской топонимии географические имена собственные бурятского языкового происхождения имеют суффиксальные окончания: *-тай/-тэй/-той/-туй* < бур. *тэ-* ‘с (чем-то)’: п. *Аршантуй* (Длд. р-н) ‘с аршанами’/букв./; р. *Бугутуй* – пр.пр.р. Хохир-Оленгуйский ‘с изюбрями’/букв./; п. *Дунда-Шабартуй* (Длд. р-н) ‘п. Средняя с грязью’/букв./; ур. *Булактуй* (Длд. р-н) ‘с ручьями’/букв./; р. *Хужартай* (Мгт. р-н) ‘с травой-хужир’/букв./ и т.д.

Принято считать, что бурятские суффиксы со значением принадлежности *-тай/-та*, *-тэй/-тэ*, *-той/-то*, при помощи которых от имён существительных образуются имена прилагательные, передаются русским *-туй*. Учитывая действующий закон гармонии гласных в монгольских языках, возможно объяснить употребление других вариантов суффиксов принадлежности *-тай/-тэй/-той/-туй* в приводимых топонимах.

Двухкомпонентные субстратные названия сопровождаются наличием аффиксов или топоформантов, состоящих из нарицательной лексики и суффиксального приращения, несущего определённый смысл. Так, к примеру, название *Диктэ + нгдэ* – «голубичная», *Дэли + нгда* – «тайменная», где аффиксы *-нгда/-нгдэ* образуют прежде гидронимы, затем «переходят» на другие классы топонимов [80, С. 63].

Г.М. Василевич отмечает участие эвенкийского суффикса *-ча*, присоединяющегося к мужским именам у тунгусоязычных эвенков в образовании отантропонимных названий [274]. В региональных топонимах данный суффикс встречается в таких топонимах, как *Букачача*, *Богоча*, *Могоча*, *Нерча*, *Чача* и др.

М.Д. Симонов выделяет словообразовательные типы эвенкийских гидронимов – производные с аффиксами *-кйт* (*Гулакит*<*гулэ-кйт* ‘место ночёвки, жилья’), *-дяк* (*Аланджак*<*алан – дяк* ‘место, где переваливают через горный хребет, от *алан* – переваливать через горный хребет’), *-кән* (*Байчакан большой*<*байча-кән* – уменьшительная форма от *байча* ‘скала’), *-кта* (*Бугарикта*<*бугарик – та*, от *бугар* ‘гарь’), *-ли* (*Ашагли*<*ашиг – г – ли* ‘ельниковая’ от *ашиг* ‘ельник’),

-гда (*Марегда*<*мари* – гда от *мар* ‘марник’ (поросль берёзы на торфянике)),
 -гда (*Джилinda*<*дел̄и* – гда от *дел̄и* ‘таймень’, ‘лосось сибирский’), -ч̄и
 (*Ковачи*<*кэвэ* – ч̄и ‘луговая’, ‘болотная’ от *кэвэр* ‘луг’, ‘болото’) [210, С. 226, 228, 231, 232, 234, 235].

Заметим, что приведённый ряд топонимов может быть связан этимологически не только с монгольскими или тунгусо-маньчжурскими языками, но и с субстратными.

Немаловажно отметить наличие таких явлений при языковой адаптации субстратной топономастической лексики нормами «принимающего» языка, как псевдоморфологизация и псевдосемантизация. Данные явления могут быть следствием топонимических перестроек словообразовательных моделей [186]. Оба явления можно проиллюстрировать на примере названии *Яблонового хребта*, названия одного из горных хребтов Восточного Забайкалья.

Так, придерживаясь мнения Р.Г. Жамсарановой о древнетюркском происхождении топонима, констатируем, что бурят-монгольское название *Ябленни/Ябалга-Дабан* ‘пеший перевал’ [13, С. 74-75] сопоставимо с названием *Ибаганны-Боочы* ‘горная цепь, горный хребет’ [186], функционирующим в топонимии Горного Алтая [80, С. 29], получившим вариант типа *Ийбаганны/Ййбагальни(н)*. Предполагается, что древнетюркский *jibe* ‘горная цепь, горный хребет’ при освоении бурятским языком с последующим присоединением к корневой основе бурятского термина *дабаа(н)* ‘горный хребет’ получило форму *Ийбаганны/Ййбагальни(н)-Дабан*.

Далее название оформилось в соответствии с фонетико-лексическими нормами бурятского языка и стало звучать как *Ябагальни-Дабан* ‘пеший перевал’/букв./ . Позже первыми русскими людьми бурятского *Ябагальни-Дабан/Ябленни-Дабан* также в соответствии с нормами русского языка было переименовано в понятное русским *Яблоновый*, так как бурятское *Ябленни* (от бурятского *ябагальни*) было похоже на слово *яблони*. Отсюда вариации названия хребта – *Яблонный, Яблошный, Яблочный, Яблоновый* [80].

Известно, что географическая терминология – это система наименований объектов природной среды, в которых отражены фундаментальные представления человека об особенностях окружающего его природного ландшафта. Местные географические термины являются основой многих географических названий, определяя при этом их семантическую сущность.

Отмечена объективная закономерность между развитостью географической терминологии и ролью соответствующих физико-географических характеристик природных объектов. Естественно, что у каждого народа имеет значимость определённая географическая терминология, которая имеет наибольшую дифференцированность. Эта терминология связана с основной формой хозяйства и важнейшими условиями географической среды. Примеры подобного рода многочисленны и касаются как народов, стоящих на низших ступенях общественного развития и занимающихся собирательством, рыболовством и охотой (например, обилие терминов для обозначения источников водоснабжения у австралийских аборигенов), так и народов, ведущих оседлое земледельческое хозяйство (например, нидерланды с их развитой водохозяйственной терминологией) [187, С. 97].

Общепринято, что географический термин – это слово или словосочетание, обозначающее определённую географическую реалию. Это обычно родовое понятие, объединяющее группу сходных объектов. Например, посёлок, деревня, город, село; родник, источник, ключ, озеро, залив; болото, пустыня, вершина; гора, овраг, ледник, вулкан и др.

Географический номенклатурный термин или географический термин как имя нарицательное синонимично термину *апеллятив*. Поэтому в данной работе под географическим термином подразумевается апеллятив, выступающий в качестве детерминанта определяемой части топонима.

Различают общегеографические термины (гора, озеро, река, океан, вулкан, ледник, пещера и пр.) и местные географические термины: *веретье* ‘сухая гряда среди болот’ (Рязанская, Тамбовская обл., Полесье), *вертеп* ‘карстовая поглощающая воронка’ (Московская, Тульская области), *верховка* – ветер,

дующий из долины Чулышмана (Прителецкий р-н), *согра* ‘болото, поросшее мелким сосняком’, *падун* ‘порог на реке’, *песок* – мель на Оби, удобное место для ловли рыбы, *булаг* ‘ключ, источник, родник’, *жалга* ‘лощина, ложбина; овраг, балка, ров, падь, ров’, *дабаа(н)* ‘возвышенность; горный перевал’, *горхо(н)* ‘речка, ручеёк’ (Забайкальский край).

Анализ топонимической системы Бурятии позволил М.Н. Мельхееву выделить наиболее продуктивные топонимообразующие географические термины, например, оронимические – *хада*, *уула* ‘гора’, *болдог* ‘бугор’, *байса* ‘скала, утёс’, *жалга* ‘падь, овраг, лощина’ [146, С. 88].

Географические термины в далёком прошлом не были изначально первыми понятиями древнего человека, хотя следовало бы этого ожидать: ведь географические объекты (вода, дерево и пр.) – это были первые реалии природной среды, которые окружали человека. Географические номенклатурные термины в ономастике являются уже вторичными понятиями, образованными от апеллятивной лексики.

Естественно, что называя окружающие географические объекты люди давали им названия по их основным физико-географическим признакам: река, гора, падь, увал, болото и т.д. Эти слова нарицательной лексики языка в топонимике называют *апеллятивной лексикой*. Причём, эта лексика в большинстве своём состоит из географической терминологии. Эта географическая номенклатурная терминология в каждом языке имеет свои диалектные вариации.

В последующем, географические названия давнего происхождения со временем, а также и со сменой языкового состава населением региона становятся непонятными для последующей этноязыковой общности. Подобные географические названия с «затемнённой» семантикой называются *субстратными*. Методика их исследования стоит особняком в топонимике. Исследователь Е.М. Пospelов при исследовании субстратной топонимии предлагает применение *метода географических терминов* [187].

У каждого этноса имеется развитая система географической терминологии. Некоторые народы выделяют специальными терминами большие и малые реки,

речки, протоки, притоки, рукава, ответвления, ключи, родники, источники, подземные ручьи и т.д. Другие, исходя из приоритетности выделения и обозначения иных географических реалий, считают необходимым, например, иметь развитую систему орографических и оронимических особенностей окружающего ландшафта. Влияют на это и особенности хозяйственной деятельности. Например, развитое скотоводство заставляет различать орографическую терминологию в тюркских и монгольских языках. В этих языках отдельными терминами обозначены северные и южные склоны гор, хребты и их разновидности (пологий, крутой, обрывистый, скалистый и т.д.), переходы, перевалы, склоны, отроги, вершины, логи, пади, возвышенности и низменные места с разной почвой и растительным покровом. Многие термины имеют к тому же диалектные варианты.

Например, в бурятской топонимии термин *хада* ‘гора’ имеет не только диалектную, но и семантическую вариативность: *бильчир/ бэлиээри* ‘пастбище, выгон (для скота)’, *боори* ‘возвышенность, возвышенное место’, *добо* ‘холм, бугор, курган’, *уула* ‘гора’, *үндэр* ‘высокая вершина’, *шэлэ* ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок, холм; хребет’ [259, С. 115, 145, 211, 489, 510, 713]. Эта диалектная географическая терминология является основой для многих топонимических названий в Забайкалье: г. *Цаган-Ундэр*, г. *Цаган-Ула*, микротопонимы *Улан-Добо*, *Гангатын Хада*, *Бадын Шэлэ*, *Шиля* и проч., где бурятские географические термины являются топоосновой названия [82].

Особое значение имеет применение этого метода для этимологизации субстратной топонимии. Е.М. Пospelов считает, что древность субстратной топонимии Севера позволяет ожидать здесь наличие помимо разноязычных и разновозрастных, также финно-угорских по происхождению гидронимических терминов, значительно дифференцированных по различным типам рек и озёр, с которыми была теснейшим образом связана хозяйственная деятельность населения этого края со времён неолита.

При этом необходимо учитывать возможность самостоятельного употребления терминов в качестве имени собственного. Рассматривая вопросы

изучения некоторых неясных по языковому происхождению топонимических названий Севера, Е.М. Поспелов отмечает, что «в процессе *формантного анализа*, бывшего до сих пор основным методом изучения субстратной топонимии Севера, выделяется значительное количество (иногда до 120) топонимических формантов, абсолютное большинство которых представляет собой географические термины. Терминологическое значение некоторых из топоформантов очевидно. Как правило, это гидронимические термины, многие из которых сохранились в современных финно-угорских языках» [186, С. 97].

Выявление исходного географического термина, послужившего основой для появления топонимического имени, имеет огромное значение для анализа двусложных забайкальских названий типа *Дага-чи*, *Сама-чи*, *Иста-ши* и т.п., где конечное *-чи/-ши*, возникшее на эвенкийской почве, вероятно имеет утраченную или трансформированную терминологическую основу кетских гидронимических терминов *-шет/-сет* [80].

В региональных субстратных географических именах собственных таких, как кл. *Дырында*, р. *Елкинда* – л.пр.р. Ундурга, р. *Ендэ* – л.пр.р. Киркун, р. *Исинда* – пр.пр.р. Ингода, р. *Кильгенда* – л.пр.р. Нерча, р. *Ендэ* – л.пр.р. Кирлун и пр. отмечается наличие северно-самодийского *енд*”(д) ‘течение’/нен./, в некоторых случаях выступающее в качестве детерминанта, в других – детерминатива. Данное свидетельствует, по мнению Р.Г. Жамсарановой, о том, что субстратный детерминант может остаться в современных топонимах в качестве детерминатива и со временем утратить своё первоначальное значение [80, С. 115-116].

О важной роли географических терминов для лингвистических исследований пишет И.А. Дамбуев, ссылаясь на Л.В. Шулунову, что «явление диалектизмов обнаруживается в основном в географических терминах и топонимах, происхождение которых связано с терминами географии» [53, С. 140]. В них нередко наблюдаются семантические сдвиги, что заставляет выяснять употребление термина у местного населения для облегчения анализа топонима.

Также исследователь предлагает учитывать наличие фонетических диалектных различий *Жалгай||Ялга*, *Хужир||Гужир*, *Челутай||Шулута*,

Саган||*Цаган* и др. Такой анализ обнаружит диалектные особенности языка и наличие терминов локального значения, – бытующих в пределах определённого региона [53, С. 140].

Метод географических терминов, как отмечает Р.Г. Жамсаранова, ссылаясь на Е.М. Пospelова, не даёт результата без учёта разного рода смысловых сдвигов, когда термины приобретают новые значения. Установлено, что изменение смысла в словах терминологической лексики ведёт за собой и изменение формы слова. Будучи разными, несхожими по фонетическому звучанию, лексемы, ставшие топонимами, могут быть объединены в один семантический ряд.

К примеру, этой способностью обладают гидронимические и орографические термины. Исследователи приводят множество примеров смысловых сдвигов, в частности, на тюркском материале – Э.М. Мурзаев, Н.И. Толстой в славянской терминологии. Е.М. Пospelов считает, что «в ряде случаев смысловой сдвиг сопровождается изменением формы слова, иллюстрируя это примерами изменения формы, связанной с термином *сор* (*шор*) [186; 187].

Исследователь Е.М. Пospelов, суммируя значения, приводимые в ономастической литературе, выстраивает следующий семантический ряд, реконструирующий последовательность смысловых сдвигов: *солончак* → *солончаковое озеро* → *озеро* → *озеро с топкими берегами* → *болото* → *река*; *ручей* → *речная протока* → *морской пролив* → *остров* [186, С. 130]. Очевидна географическая распространённость этих слов в такой же последовательности по географическим зонам: от южно-сибирской зоны контакта с тюркоязычным населением к северу через всю Западную Сибирь и далее – за Урал, на запад, до Финляндии. Е.М. Пospelов считает, что термин в различных частях указанной территории представлен в формах: *сор*, *тор*, *тур*, *лор*, *шор*, *шур*, *шар*, *шарь*, *сарь*, *шоари*, *соари*, *сари*, *saar*, *saari*, куда органично входят и форманты-термины субстратной топонимии *сор(а)*, *шор(а)*, *сар(а)*, *зар(а)*.

Е.М. Пospelов отмечает, что однозначного соответствия между формой и содержанием нет. Он приводит в качестве примера термин *шур*, который в

различных языках означает ‘солончак’, ‘река’, ‘болото’, а в бесермянском – ‘лог’, т.е. имеет место боковое ответвление от приведённого выше ряда смысловых значений.

«Сказанное относительно смысловых сдвигов позволяет понять, почему, например, субстратный термин, установленный в качестве речного, оказывается вдруг применённым и к озёрам, и к болотам. Одновременно намечается новое направление исследования субстратной топонимии – выявление зон употребления термина в том или ином значении, что может помочь проследить былые диалектные границы» [187, С. 103-104].

Подтверждают это положение о смысловом сдвиге данные региональной топонимики Восточного Забайкалья. В один семантический ряд объединены такие топонимические названия, как с. *Черен*, д. *Широкое*, с. *Красноярово*. В качестве топоосновы в этих названиях исследователем Р.Г. Жамсарановой выделяется древнетюркский термин *яр-(jar)/ер-*, «превратившийся» в разных сибирских языках в *чер-/шир-/яр-*, именующие не только возвышенности, высокие обрывы (рек), а также пади и разлоги. «Многочисленные названия типа п. *Черёмуховая*, располагающиеся в степных местностях региона, где рельеф представляет собой крутые, обрывистые склоны возвышенного места, на которых, согласно сведениям информантов никогда не наблюдалось наличие черёмуховых кустов» [80, С. 45-46], иллюстрирует очевидный семантический сдвиг, обусловленный межъязыковой омонимией.

Исследователь З.В. Рубцова считает, что гидронимические и оронимические термины, обозначающие рельеф местности, только по истечении определенного времени входят в состав названий поселений, «...пройдя ступень гидро- и оронимических названий» [201, С. 248].

Не всегда вся терминологическая лексика какого-либо языка может со временем стать топонимическим названием. Иногда в топонимии обнаруживаются географические названия, терминированная основа которых не вошла в систему терминов отдельного языка, а стала именем-реликтом. Например, термин *яха-/яга-* ‘река’ из обско-угорских языков не вошёл в систему географической терминологии

Восточного Забайкалья, а «сохранился» лишь в отдельных топонимах: д. *Усть-Ягъё*, д. *Верхнее Ягъё*, р. *Ягъя*, г. *Яхима-Ундур-Хада* [80, С. 98].

Исследование географических имён собственных неразрывно связано с изучением апеллятивной лексики, как «географического номенклатурного термина в топонимическом употреблении» [114, С. 121]. Считается, что географический номенклатурный термин или просто географический термин – это апеллятив, который используется в топонимике в качестве собственного имени (топонима) посредством трансонимизации, определяя тем самым, смысловое содержание топонима. Географический термин выделяет определённое понятие, апеллятив же содержит большое количество различных значений, включая и метафорические (употребляющихся метафорически), отражая наличие различных семантических сдвигов, допускающие многозначность или определённую значимость.

Однако, несмотря на разнообразие названий географических объектов, в роли апеллятивов-детерминантов выступает ограниченное количество лексем. Основное ядро детерминантов – это слова, обозначающие физико-географические реалии природных объектов. В связи с этим, выбор лексем определяет особенности ландшафта той или иной местности.

В корпусе географической терминологии возможно наблюдать проявление лингвистических процессов в виде трансференции, когда при попытках выявления языковой принадлежности топонима обнаруживается субстратный детерминант (топооснова). Среди детерминантов или географических терминов принято вслед за работами Э.М. Мурзаева, М.Н. Мельхеев и др. выявлять родовые и видовые термины [165, С. 100].

Первые, то есть родовые термины, призваны обозначать крупно-рельефные элементы ландшафта, его особенностей, а также особенности гидрографических объектов, почвенный и растительный покров. Данная категория терминов обобщает физико-географические реалии в виде крупных объектов: хребтов, возвышенностей, гор, рек, озёр, болот. От родовых терминов появились через посредство географического номенклатурного термина обозначения основных

ландшафтных подразделений, географических зон: тундровой, таёжной, лесной, степной, пустынной. К примеру, тюрко-монг. *тайга*, ф.-уг. *тундра*, индоевр. *лес*, рус. *пустыня*, индоевр. *степь*.

Таким образом, анализ методологического аспекта определения понятия географического термина при изучении субстратной топонимии показал, что при попытках семантизации топонимов в роли субстратного детерминанта выступает, как правило, географический термин. В ряде случаев в топонимии встречается функционирование географического термина в роли форманта (детерминатива), присоединяемого к основе топонима, имеющего как субстратное, так и суперстратное начало. При этом отмечается важность ретрогрессивного подхода к анализу топонимического материала.

2.2. Топономастическая лексика алтайского языкового происхождения

Задачей параграфа является описание топономастической лексики (топонимов и географических терминов), адекватно семантизируемой из апеллятивной лексики алтайских языков.

Известно, что в топонимике важную роль играет транстопонимизация как вид трасонимизации, «переход топонима одного вида в другой», т. е. географическое имя водного объекта «переходит» в имя собственное, например, населённого пункта или орографического / оронимического объекта [182, С. 153]. Подобные явления в топонимии Восточного Забайкалья многочисленны. К примеру, гидроним *Чита* (р. *Читинка*) «образовался» от ойконимного *Чита*, в основе которого лежит апеллятив уйгурского языка *чит* ‘поселение’ [128; 82].

В топонимике, как разделе ономастики, устойчиво закрепилось мнение о том, что географические термины принимают важное участие в образовании природных географических имён. Так, к примеру, 48,7 процентов тюркских географических наименований Горного Алтая содержат в своём составе географический апеллятив [155].

Сочетание географических зон Евразии, от ледяных просторов Арктики до пустынь Средней Азии, субтропиков Кавказа и степей Монголии, горнотаёжных и местами тундровых зон Забайкалья, где каждая зона имеет свои специфические только ей присущие природные ландшафты и процессы, обозначаются словами совершенно или почти не повторяющимися в другой географической обстановке.

В научных трудах известного географа, историка географической науки, Э.М. Мурзаева [166; 167; 168], которого принято считать основоположником современного географического терминоведения, представлены географические термины, зафиксированные на территории, ныне бывшего, Советского Союза. Главное место в его работах отводится словам, определяющим морфологию суши, гидрологических особенностей рек и озёр, климатических явлений, растительных ассоциаций, ландшафтные термины, обозначение различных типов населённых пунктов, получивших отражение в топонимике городов, сёл, деревень и железнодорожных станций.

Анализ географических терминов позволил Э.М. Мурзаеву отметить общность между терминологией Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии и Закавказья, обусловленной близостью тюркских языков, распространённых на этих территориях. Устойчивость тюркских элементов в топонимике этих территорий послужила свидетельством включения её в образование географических названий, занимающих обширные пространства. География функционирования тюркских элементов в топонимах простирается от Балканского полуострова на западе до берегов Тихого океана и Приамурья на востоке, от Тибета на юге до Таймыра на севере [167, С. 12].

Э.М. Мурзаевым отмечаются удивительные «миграции» отдельных географических терминов, встречающихся на территориях очень далёких друг от друга, разобщённых друг от друга и заселённых народами, говорящими на языках, относящихся к различным семьям. Очевидно, такое явление объясняется древними связями, которые существовали между Южной Сибирью и югом СССР, между странами Ближнего Востока и Центральной Азии [167, С. 12].

2.2.1 Орографические термины

Под орографическими терминами в данной работе понимаются именованные горных перевалов, хребтов, пастбищных угодий, скал, возвышенностей, холмов, сопков и горных образований. Широко употребляемыми в составе географических названий, служащих для обозначения возвышенностей, в региональной топонимии являются такие орографические термины, как *даба/дабаа(н)/даван/дава* ‘высокий, трудный перевал через горы, седловина в хребте’ [167, С. 69], *дабан*, *добо* ‘холм, бугор, курган’, *добун* ‘возвышенное место, холм, увал’ [149, С. 93].

В бурятской географической терминологии термин *дабаа(н)* ‘возвышенность, горный перевал’ [259, С. 196] функционирует в региональных топонимах: хр. *Аргалин-Дабан*, р. *Дабаган-Гор* – л.пр.р. Кумы, р. *Дабан-Горхон* – пр.пр.р. Киркун, п. *Хусан-Дабан* (Крн. р-н), ур. *Добатуй* (Агн. р-н), п. *Даба-Удо* (Мгт. р-н), хр. *Цаган-Дабан*, хр. *Шунусин-Дабан*, хр. *Улястуй-Дабан*. Данный термин имеет лексические варианты от исходного термина *дабаа(н)*: а) *дабаатай* 1. гористый 2. имеющий перевал; 3. (перен.) трудный; б) *дабалга* 1. переход; 2. преодоление; 3. (перен.) достижение (в работе); в) *дабаха* 1. переходить через перевал; переваливать через горный хребет; г) *даба дабаха* 1. брать перевал, переваливать; 2. переходить (или переезжать) через что-либо’ [259, С. 179]. Подобного рода лексическая вариативность не может не иметь лексико-семантических параллелей в других алтайских языках.

Так, в старописьменном монгольском языке зафиксированы следующие термины стп.-монг. *добуцау* ‘бугор, холмик’; в монгольском *дов* ‘бугор, холмик; взгорье; кочка’, *товон* ‘бугорок’, имеющие лексико-семантическое сходство с термином бурятского языка *добо* ‘холм, бугор; курган’, *дабаа(н)* ‘возвышенность, горный перевал’. В тунгусо-маньчжурских языках данный термин, возможно, сопоставим с эвенкийским термином *дав-ми* ‘переваливать через горный хребет’. Производными от эвенкийского *дав-ми* являются: а) *дав-ми* ‘переехать через реку’; б) *давакйт* ‘место перевала через горный хребет’; в) *давакйт* ‘название

горного хребта»; г) *дāвкīt* ‘место переправы (через реку)’; д) *дувā* ‘вершина горы (одно из значений)’; е) *дувāткән* ‘горка’ [274, С. 102].

Тунгусо-маньчжурскими топонимами в топонимии Восточного Забайкалья можно считать следующие названия: оз. *Довочан*, р. *Дывэктэ* – л.пр.р. Сулумат (Клр. р-н), р. *Дивукинда* – л.пр.р. Нерчуган (Чрнш. р-н), г. *Голец Давакша*, руч. *Давакина* – пр.пр.р. Газимур, р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир, р. *НижниеДавагичи* – л.пр.р. Шилка (Мгч. р-н), р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир (Тнг.-Олкм. р-н), распознаваемые не только по свойственным им топоформантам *-чан/-ктэ/-нда/-кан/-ган/-чи/*, но и по топооснове *дав-*. Распространены эти названия по северо-восточным районам Восточного Забайкалья.

Древнетюркский термин *qарсаq* ‘место слияния реки с притоком’ имеет материальное сходство с монголоязычными терминами: *qabci* ‘сжимать, ущемлять’, *qabca* ‘ущелье, теснина’/стп.-монг./, *хабсагай* ‘скала, утёс; каменные гольцы; западное предгорье, скалистый’ /монг./, /бур./ [259, С. 529]; с тунгусо-маньчжурским терминами: *канчан* ‘теснина; скалы (на берегах реки)’ [215, С. 378]. В основе названий п. *Каптурчанка* (Алек.-Зв. р-н), п. *Капчил*, п. *Капчаранга*, п. *Малый Капчил*, п. *КривойКапчил* (Приарг. р-н), г. *Хапчаранга*, кл. *Хаптагой-Торм* (Онн. р-н), с., п. *Капцегайтуй* (Крснк. р-н), р. *Хопшу* – л.пр.р. Хохир-Оленгуйский, оз. *Хапцагайтуй-Нур* (Агн. р-н), п. *Хапчуй* (Крн. р-н), предположительно, лежит географический термин *qарсаq* ‘место слияния реки с притоком’ древнетюркского языкового происхождения, позволяющий отнести их к тюркоязычным топонимам.

Развитие семантики исходного древнетюркского термина *qарсаq* ‘место слияния реки с притоком’ в других алтайских языках можно объяснить явлением родо-видового перехода. В данном случае семантическое разложение древнетюркского родового термина получило своё лингвистическое оформление в алтайских языках, «превратившись» в орографический термин.

Тунгусо-маньчжурский орографический термин *кадар* ‘скала’ [215, С. 360] имеет лексико-семантическую параллель с бурятским *хада* ‘гора’ [259, С. 532], и очевидно начало от древнетюркского термина *gadyr* ‘крутой, отвесный (о скале)’

[81, С. 78]. Эти примеры свидетельствуют о развитости семантической и терминологической полисемии в забайкальской топонимии.

Поэтому исследование топонимикона, в частности, тех географических имён собственных, семантика которых связана с орографической терминологией, выявило наличие конвергентных изоглосс, обусловленных генетическим родством языков алтайской семьи [82].

Вероятное функционирование орографических терминов алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Орографические термины алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края

Местные географические термины (согласно стратиграфическим пластам)					Верифицированность термина в топонимах Забайкальского края
Deberegea	<i>Dabaγan</i> 'перевал, переход через горный хребет'	ДОВСЕН (	<i>dobiɕaγ</i> 'холм, бугор'/с тп.- монг./;	<i>дов</i> 'бугор, холмик; взгорье; кочка'/монг./; <i>дабаа(н)</i> 'возвышенност ь, горный перевал'/бур./; <i>дав-ми</i> 'переваливать через горный хребет'/эвенк./	
Орографические					хр. <i>Аргалин-Дабан</i> , хр. <i>Цаган-Дабан</i> , хр. <i>Шунусин-Дабан</i> , хр. <i>Улястуй- Дабан</i> , г. <i>Голец Давакша</i> , г. <i>Улан-Добо</i>
Оронимические					ур. <i>Добатуй</i> (Агн. р-н), п. <i>Даба-Удо</i> (Мгт. р-н), п. <i>Хусан-Дабан</i> (Крн. р-н)
Гидронимические					р. <i>Дывэктэ</i> – л.пр.р. Сулумат Каларский, р. <i>Дивукинда</i> – л.пр.р. Нерчуган (Чрнш. р-н), руч. <i>Давакина</i> – пр.пр.р. Газимур, р. <i>Даваган</i> – л.пр.р. Тунгир, р. <i>Нижние Давагичи</i> – л.пр.р. Шилка (Мгч. р-н), р. <i>Даваган</i> – л.пр.р. Тунгир (Тнг.-Олкм. р-н), р. <i>Дабан- Горхон</i> – пр.пр.р. Киркун
Лимнологические					оз. <i>Довочан</i>
Итого топонимов					18

<i>qarṣaq</i> ‘место слияния реки с притоком ’/др.- тюрк./	Нерсіг	<i>qabčil</i> ‘горная теснина, ущелье, горный тесный проход’/стп.- монг./	<i>хабсагай</i> ‘скала, утёс; каменистые гольцы; западное предгорье, скалистый’ /монг./, /бур./; <i>капчан</i> ‘теснина; скалы (на берегах реки)’/ т.-ма./	
Орографические			г. <i>Хапчеранга</i>	
Оронимические			п. <i>Каптурчанка</i> (Алк.-Зв. р-н), п. <i>Капчил</i> , п. <i>Капчаранга</i> , п. <i>Малый Копчил</i> , п. <i>Кривой Капчил</i> (Приарг. р-н), п. <i>Капцегайтуй</i> (Крснк. р-н)	
Гидронимические			кл. <i>Хаптагой-Торм</i> (Онн. р-н)	
Ойконимические			с. <i>Капцегайтуй</i>	
Итого топонимов			10	
<i>gadyr</i> ‘крутой, отвесный (о скале)’/др.-тюрк./; <i>хада</i> ‘гора’/бур./; <i>кадар</i> ‘скала’/т.-ма./				
Орографические			ув. <i>Кадарчинский</i> (Алек.-Зв. р-н), г. <i>Када</i> (Брз. р-н)	
Оронимические			п. <i>Кадай</i> , п. <i>Кадай-Ивановский</i> (Блск. р-н), п. <i>Кадакан</i> (Алек.-Зв. р-н), ур. <i>Хадатуй</i> (Агн. р-н), п. <i>Кадарча</i> (Приарг. р-н), п. <i>Кадача</i> (Срт. р-н), п. <i>Хадаवासун</i> (Зб. р-н)	
Гидронимические			р. <i>Кадак</i> – л.пр.р. Газимур, р. <i>Када</i> – л.пр.р. Олов, кл. <i>Кадатуйский</i> (Крснк. р-н), р. <i>Кадача</i> – пр.пр.р. Могоча	
Лимнологические			оз. <i>Хадатуй</i> , оз. <i>Хадосун-Нор</i> (Онн. р-н), оз. <i>Хадатуй</i> (Агн. р-н)	
Ойконимические			д. <i>Када</i> (Клг. р-н)	
Итого топонимов			17	

2.2.2 Оронимические термины

Известно, что *ороним* – это «собственное имя любого элемента земной поверхности» [181, С. 99-100], как географический термин он включает в себя понятия наименований как возвышенного, так и пониженного рельефа земной поверхности. В данной работе мы различаем *орографические термины* как наименования гор, хребтов, перевалов, холмов, сопок, то есть выступающих объектов земной поверхности, при этом под *оронимическими терминами*

понимаются и наименования пониженной части рельефа земной поверхности: равнина, степь, падь, лощина, низменное место, овраг, канава, разлог.

Оронимический термин *дала, тала* ‘равнина, широкое, просторное, открытое урочище, степь’ [163, С. 70], *тала* ‘степь, поле, равнина, обширное пространство’ [145, С. 97] активно участвует в топообразовании в монголо- и тюркоязычных топонимах. По мнению О.Т. Молчановой, некоторые географические названия Горного Алтая содержат в своей основе апеллятивное *тала* в значении ‘открытая ровная местность’ (например, кирг. *тала*, узбек. *дала*), проявляя тем самым лексическую и семантическую близость с монгольскими, бурятскими и эвенкийскими терминами: *тал/тал-а* ‘равнина, ровная местность, пространство, степь’; *tala* ‘открытая степь, ровная земля, большая или маленькая равнина»; бур. *тала* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство; 2) сторона, место’; эвенк. *тала* ‘солонец (узкая долина с солеными источниками)’; ма. *тала* ‘равнина’ [160, С. 94-95]. Изучение архивных документов показывает насколько частотен данный термин *тала* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’/бур./ в названиях бурятских улусов: *Болымь-Талаянь, Шара-тала, Талинский-болак, Тало, Мухор-тала, Убыр-Шара-тала* [75]. Эти топонимы по структуре двусоставные, состоят из основы и топоформантов, где термин *тала* (-*талаянь, -талинский, -тало, -тала*) есть основа.

Анализ географической терминологии алтайских языков позволил констатировать наличие следующих географических терминов: ма. *тала* ‘равнина, открытое пространство’, эвенк. *таллама* ‘гладкое место’, монг. *тал* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’, бур. *тала* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’, бур. *талаян* ‘лужайка; поляна, ровное открытое место (среди леса, гор)’, имеющих очевидное материальное сходство.

Исходя из этого, возможно отнести к тунгусо-маньчжурским топонимам следующие названия: р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла (Тнг.-Олкм. р-н), р. *Таллай* – л.пр.р. Витим, р. *Талакан* – л.пр.р. Витим (Клр. р-н), р. *Таллай*, р. *Талкан* (Клр. р-н), р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла (басс. р. Олёкма), р. *Талали* – л.пр.р. Бол. Амалат, р. *Талачи* – л.пр.р. Каренга, р. *Таликичи* – пр.пр.р. Витим, р. *Таликит* – л.пр.р. Ципа, г. *Талман*, р. *Талман-Борзя* (Алек.-Зв. р-н), которые могут быть

семантизированы от *тала* ‘равнина, открытое пространство’/ма./, *таллама* ‘гладкое место’/эвенк./.

Монголоязычные (бурятские) топонимы с основой *тала* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’ часто встречаются в микротопонимической системе бывшего Агинского Бурятского автономного округа: р. *Талача* (Длд. р-н), р. *Тала* (Агн. р-н), г. *Тэли* (Онн. р-н) и проч. Также анализ топонимов на *тала* обнаружил их наличие по степным районам Забайкалья: п. *Тала*, р. *Талый* – пр.пр.р. Харалга-Акш., п. *Тала*, р. *Талочи* – пр.пр.р. Жаргалантуй (Крн. р-н), п. *Даланго*, п. *Далатуй*, п. *Далюций* (Крн. р-н), ур. *Цунгурук-Тала* (Олв. р-н), р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, р. *Дальняя Талача* – пр.пр.р. *Талача*, р. *Большой Талман* – л.пр.р. Каменка, п. *Талуиха* (Алек.-Зв. р-н), п. *Талакан*, п. *Толохко* (Газ.-Зв. р-н), р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, п. *Талынга* Блск. р-н), р. *Талангуй*, п. *Талынга* (Блск. р-н), р. *Тала* – л.пр.р. Нижняя Борзя (Клг. р-н), р. *Тала* (Клг. р-н), с. *Верхняя Талача*, п. *Нарын-Талача*, р. *Талача*, хр. *Талачинский* (Крм. р-н), г. *Тэли* (Брз. р-н), п. *Талан-гозогор* (Крснк. р-н), *Талекта*, р. – л.пр.р. Исинда (Улт. р-н), с. *Долотуй* (Крснч. р-н), д., р. *Талман-Борзя* – л.пр.р. Борзя (Приарг. р-н), обусловленные географической привязкой.

Следующим оронимическим термином, широко распространённым, в основном, в микротопонимической системе, является бурятский термин *хунды* ‘узкая падь’: п. *Дэдэ-Мухор-Хунды*, п. *Мухор-Хунды*, п. *Урту-Кундуй*, п. *Салдан-Хунды*, п. *Бабу-Кундулей* (Длд. р-н); гг. *Мункуй-Кундуй*, п. *Мункуй-Кундуй*, п. *Нарын-Кундуй*, г. *Нары-Хундуй*, п. *Норы-Хундуй*, п. *Самого-Хунды*, п. *Урту-Кундуй*, г. *Барун-Хундуй* (Онн. р-н), п. *Арын-Хунды* (Мгт. р-н), п. *Тот-Кундуй* (Агн. р-н), п. *Малый Кундуй*, п. *Камень-Хундуй* (Алек.-Зв. р-н), ур. *Кундуки*, п. *Задний Хундуй*, п. *Карим-Хундуй*, с. *Кондуй* (Брз. р-н), п. *Буру-Кундуй*, п. *Болут-Кундуй*, п. *Дет-Кундуй*, п. *Дунда-Кундуй*, хр. *Нарым-Кундульский*, п. *Ордын-Кундуй*, п. *Уту-Хундуй* (Олв. р-н), п. *Шара-Хундуй* (Шлк. р-н), с. *Кунду* (Тнг.-Олкм. р-н) и др.

К числу менее распространённых оронимических терминов можно отнести монголоязычное *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’

[259, С. 612], функционирующий в следующих названиях: оз. *Хонхор-Торум*, ур. *Хонхор-Торум*, п. *Хунхур*, оз. *Кункур*, с. *Кункур* (Агн. р-н).

Среди названий бурятских улусов 1897 года зафиксированы такие ойконимы, как *Хонхоло*, *Аро-Хонхолой*, *Аро-Хонхолой*, которые можно семантизировать от бурятского предикатива *хонхойхо* ‘иметь углубление; быть впалым; втягиваться’, сопоставимого с апеллятивным *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’. Такое сопоставление возможно при наличии лексических вариаций оронимического термина *хунхэр* в бурятском языке.

В монголоязычной топонимии Восточного Забайкалья имеет определённую степень распространения термин *šili* ‘плоская возвышенность; низкая и плоская гора, пригорок; холм’/стп.-монг./: *Шилата*, *Шилотой*, *Бадинская-чала*, *Хотогор Шэлэ*, *Хотогор-Шила* [75], от которого образованы в современном монгольском термин *шил* ‘гребень горного хребта’, ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; высокое нагорье; верхняя часть хребта горного массива; перешеек, увал; альпийское пастбище, сырт’ [24, С. 1882], бурятском *шэлэ* ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок, холм; (геогр.) хребет’ [259, С. 713]. Монголоязычные термины *шил*, *шэлэ*, вероятно, стали основой следующих географических названий: хр. *Хангилай-Шилы*, ур. *Шилин-Торум* (Агн. р-н), ур. *Шилы-Худаг* (Агн. р-н), с. *Шиля* (Хлк. р-н).

Достаточно широкое распространение имеет тунгусо-маньчжурский географический термин *žanka* /эвен./ ‘промежуток, щель, трясина, расселина’; *чэпкэ-ки* /эвен./ ‘болото (во впадине, в лощине)’; *чэпкэ** /эвенк./ ‘яма, впадина’; *чопко~чэпки~чэпкэ* /эвенк./ ‘1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. лощина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье’ [215, С. 408].

Вероятно, что данные географические термины стали основой следующих географических названий на северо-востоке Забайкалья: п. *Депкагуча* (Газ.-Зв. р-н), р. *Жипкое* – пр.пр.р. Алеур (Чрнш. р-н); в центральных районах: р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия (Шлк. р-н), р. *Джупкоша* – л.пр.р. Нерча (Нерч. р-н), р. *Денака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, п. *Дыбыка*, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, л.пр.р.

Ульдурга, п. *Жипкошикен*, р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга, р. *Малая Дипака* – л.пр.р. *Дипака*, п. *Чепчелтуй* (Крм. р-н), р. *Чонко* – пр.пр.р. Гуля (Мгч. р-н); в юго-западных районах: р. *Шепшултай* – л.пр.р. Ингода (Улт. р-н), г. *Бэрхэ-Их-Шонху* (Онн. р-н), руч. *Генка* (Блск. р-н) [ТКЗ].

В историческом прошлом эти территории относились к ведомству Урульгинской Степной думы под началом тунгусского князя Гантимура. Поэтому топонимический ряд с основой на *дип(к)*- относим к субстрату, обусловленному этнической ассимиляцией бывшего тунгусского населения в среде пришлого русского и коренного – бурятского. По-видимому, именно сложностью различения механизмов «освоения» русским языком «тунгусского» субстрата и объяснимо наличие топонимических вариаций *Дипкоша*, *Депака*, *Жипкоша*, *Джупкоша*, *Чепчелтуй*, *Шепшултай*, *Бэрхэ-Их-Шонху*.

Очевидно, вариативность топонимических основ *джуп-/жип-/чеп-/шеп-/шоп-/шоп-*, приводимых выше географических имён собственных, является результатом влияния так называемого «тунгусского» языка, для которого характерно слитное сочетание согласных (аффрикат (дж); ч (т+ш); ц (т+с)) [227, С. 4-13].

Функционирование оронимических терминов алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Оронимические термины алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края

Местные географические термины			Верифицированность термина в топонимах Забайкальского края
DelemeT	talamai 'небольшая равнина, степь'/ стп.-монг./	<i>тала</i> 'поле, степь, равнина, открытое пространство'/ <i>бур./; тала</i> 'равнина, открытое пространство'/ <i>т.-ма./; таллама</i> 'гладкое место'/эвенк./	
орографические			г. <i>Тэли</i> (Брз. р-н), г. <i>Талман</i> (Алк.-Зв. р-н), г. <i>Тэли</i> (Онн. р-н)
оронимические			п. <i>Тала</i> , п. <i>Тала</i> , п. <i>Даланго</i> , п. <i>Далатуй</i> , п. <i>Далюций</i> (Крн. р-н), ур. <i>Цунгурук-Тала</i> , п. <i>Талуиха</i> , п. <i>Талакан</i> , п. <i>Толохко</i> (Газ.-Зв. р-н), п. <i>Нарын-Талача</i> (Крм. р-н), д. <i>Талман-Борзя</i>

	(Приарг. р-н), п. <i>Талан-гозогор</i> (Крснк. р-н), п. <i>Талынга</i> , п. <i>Тулин</i> , п. <i>Талынга</i> (Блск. р-н)
гидронимические	р. <i>Талача</i> (Длд. р-н), р. <i>Тала</i> (Агн. р-н), р. <i>Талочи</i> – пр.пр.р. Жаргалантууй, р. <i>Талый</i> – пр.пр.р. Харалга-Акш., р. <i>Талангуй</i> – л.пр.р. Унда, р. <i>Дальняя Талача</i> – пр.пр.р. <i>Талача</i> , р. <i>Большой Талман</i> – л.пр.р. Каменка, р. <i>Талман-Борзя</i> , р. <i>Талангуй</i> – л.пр.р. Унда, р. <i>Талангуй</i> , р. <i>Тала</i> – л.пр.р. Нижняя Борзя, р. <i>Таллай</i> – л.пр.р. Витим, р. <i>Талакан</i> – л.пр.р. Витим, р. <i>Таллай</i> , р. <i>Талкан</i> , р. <i>Таламам</i> – пр.пр.р. Мокла (басс. р. Олёкма), р. <i>Талали</i> – л.пр.р. Бол. Амалат, р. <i>Талачи</i> – л.пр.р. Каренга, р. <i>Таликит</i> – л.пр.р. Ципа, р. <i>Таликичи</i> – пр.пр.р. Витим, р. <i>Талача</i> , <i>Талекта</i> , р. – л.пр.р. Исинда, р. <i>Талман-Борзя</i> – л.пр.р. Борзя, р. <i>Таламам</i> – пр.пр.р. Мокла
ойконимические	с. <i>Верхняя Талача</i> (Крм. р-н), с. <i>Долотуй</i> Крснч. р-н), <i>Болымъ-Талянъ</i> , <i>Шара-тала</i> , <i>Талинский-болакъ</i> , <i>Тало</i> , <i>Мухор-тала</i> , <i>Убыр-Шара-тала</i>
	Итого топонимов 51
хунды ‘узкая падь’/бур./	
орографические	г. <i>Барун-Хундуй</i> , г. <i>Нары-Хундуй</i> , г. <i>Мункуй-Кундуй</i> (Онн. р-н), хр. <i>Нарым-Кундульский</i> , (Олв. р-н)
оронимические	п. <i>Дэдэ-Мухор-Хунды</i> , п. <i>Мухор-Хунды</i> , п. <i>Урту-Кундуй</i> , п. <i>Салдан-Хунды</i> , п. <i>Бабу-Кундулей</i> (Длд. р-н), п. <i>Мункуй-Кундуй</i> , п. <i>Нарын-Кундуй</i> , п. <i>Норы-Хундуй</i> , п. <i>Самого-Хунды</i> , п. <i>Урту-Кундуй</i> (Онн. р-н), п. <i>Арын-Хунды</i> (Мгт. р-н), п. <i>Тот-Кундуй</i> (Агн. р-н), п. <i>Малый Кундуй</i> , п. <i>Камень-Хундуй</i> (Алек.-Зв. р-н), ур. <i>Кундуки</i> , п. <i>Задний Хундуй</i> , п. <i>Карим-Хундуй</i> (Брз. р-н), п. <i>Буру-Кундуй</i> , п. <i>Болут-Кундуй</i> , п. <i>Дет-Кундуй</i> , п. <i>Дунда-Кундуй</i> , п. <i>Ордын-Кундуй</i> , п. <i>Уту-Хундуй</i> (Олв. р-н), п. <i>Шара-Хундуй</i> (Шлк. р-н)
	Итого топонимов 28
<i>жапка</i> /эвен./ ‘промежуток, щель, трясина, расселина’; <i>чэпкэ-ки</i> /эвен./ ‘болото (во впадине, в лощине)’; <i>чэпкэ*</i> /эвенк./ ‘яма, впадина’; <i>чопко~чэпки~чэпкэ</i> /эвенк./ ‘1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. лощина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье’	
оронимические	п. <i>Депкагуча</i> (Газ.-Зв. р-н), п. <i>Дыбыка</i> , п. <i>Чепчелтууй</i> (Крм. р-н)
орографические	г. <i>Бэрхэ-Их-Шонху</i> (Онн. р-н)
гидронимические	р. <i>Жипкое</i> – пр.пр.р. Алеур, р. <i>Дипкоша</i> – л.пр.р. Кия, р. <i>Джупкоша</i> – л.пр.р. Нерча, п. <i>Депкагуча</i> (Газ.-Зв. р-н), р. <i>Жипкоша</i> – л.пр.р. Ингода, л.пр.р. Ульдурга, п. <i>Жипкошикен</i> , р. <i>Кенгир-</i>

		<i>Жипкоша</i> – л.пр.р. Ульдурга, р. <i>Малая Дипака</i> – л.пр.р. <i>Дипака</i> , р. <i>Депака</i> – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, р. <i>Шениултай</i> – л.пр.р. Ингода, руч. <i>Гепка</i>	
Итого топонимов		16	
ᠰ ᠢ ᠯᠢ	<i>ᠰili</i> ‘плоская возвышенность; низкая и плоская гора, пригорок; холм’/стп.-монг./	<i>шил</i> ‘гребень горного хребта’, ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; высокое нагорье; верхняя часть хребта горного массива; перешеек, увал; альпийское пастбище, сырт’/монг./; <i>шэлэ</i> ‘плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок, холм; (геогр.) хребет’/бур./	
орографические		хр. <i>Хангилай-Шилы</i> (Агн. р-н)	
оронимические		ур. <i>Шилин-Торум</i> , ур. <i>Шилы-Худаг</i> (Агн. р-н)	
ойконимические		с. <i>Шиля</i> (Хлк. р-н), <i>Шилата</i> , <i>Шилотой</i> , <i>Бадинская-чала</i> , <i>Хотогор Шэлэ</i> , <i>Хотогор-Шила</i>	
Итого топонимов		9	

2.2.3 Гидронимические термины

Известно, что водные объекты играют огромную роль в жизнедеятельности человека. Естественно ожидать развитую систему гидронимических и гидрографических терминов в любом языке.

Имеющиеся исследования по гидронимической терминологии топонимических систем Восточного Забайкалья, Прибайкалья и Бурятии – М.Н. Мельхеев [146], М.Д. Симонов [210], Л.В. Шулунова [269], С.А. Гурулев [51; 52], Т.В. Лиштованная [130], Р.Г. Жамсаранова [81], Ю.Ф. Манжуева [131] позволяют выделить ряд наиболее продуктивных топонимообразующих географических терминов, относящихся к этому классу терминов.

Так, широко распространённый в региональной топонимии бурятский термин *гол* ‘река, долина реки’ [259, С. 169], функционирует не только в монголоязычной среде, но и в тюркоязычной. В одном из тюркских языков, как отмечают Э. и В. Мурзаевы, этот термин *гэль/ köl* имеет значение ‘озеро’ /азерб./, известный в различных фонетических формах от Балкан до Западного Китая и Восточной Сибири, также встречается в тюркских языках как вариант *куль* ‘озеро’ [163, С. 62, 124; 145].

В своё время Е.М. Поспеловым в статье «Гидронимические ареалы Центральной Азии» была отмечена определяющая роль массово повторяющихся элементов названий, указывающих на их языковую принадлежность. При этом выявленные элементы топонимических названий представлены географическими терминами. Исследователь выделил ареалы распространения тюркских и монгольских терминов *куль/köl/гол*. Автор пришёл к выводу, что ностратический термин *kol* ‘водоём; река’ в процессе развития видоизменялся согласно фонетическим нормам отдельных языков, а также претерпевал семантическую трансформацию в связи со сменой определённых географических условий [186, С. 118-123].

В монографическом исследовании «Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья» отмечается корреляция кетоязычного гидронимического термина *уль* с монгольским термином *гол* ‘река; долина реки’. Мы полагаем, что это возможно через тюркское *go: l~go:l* ‘1) река, рукав реки, проток; 2) долина’; (тюрк. *Коол* ‘низменность, долина; речное русло; река’ [159]; тюрк. *кöl* ‘озеро; водоём’) в ряду кетско-тюркско-монгольских коррелятов. Данный лексический ряд позволяет сопоставить монгольское *гол* ‘река; долина реки’ с кетскими *уль/куль*. Это явилось основанием для отнесения «форманта -хул к каким-то тюркским языкам, посредством которых и образовались гидронимы с финальным формантом -хул», выделяемого С.А. Гурулевым [76, С. 34].

На территории Восточного Забайкалья термин *гол* ‘река, долина реки’ функционирует, в основном, в бурятской микротопонимии – *Агын гол* (долина р. Ага / Ага-река), *Хёлгын гол* (долина р. Хилок), *Ононой гол* (Онон-река) и проч.

[ТКЗ]. Любопытно привести следующий ряд адаптированных к русскому языку субстратных топонимов с основой *гол-*: п. *Голотуй* (Брз. р-н), п. *Ендур-Гол* (Крн. р-н), р. *Гуля* – пр.пр.р. Тунгир, р. *Гуликачан* – л.пр.р. Эльпа, хр. *Гульский* (Тнг.-Олкм. р-н), п. *Большая Кулинда* (Алек.-Зв. р-н), р. *Гулача*, руч. *Кулинда* – пр.пр.р. Былыра (Крн. р-н), п. *Кули* (Онн. р-н), языковое происхождение которых можно определить как общеалтайское.

В «Ведомости об инородческом населении Хоринской Степной думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 года, следующие названия улусов, как *Голь*, *Уке-куль*, *Угитуевский-голь*, *Шара-куль*, *Хульхусонский-голь*, *Борохул*, интерпретированы от древнетюркского термина *köl* ‘озеро, водоём’ [77, С. 87]. Данный термин *köl* ‘озеро, водоём’ сопоставим с общим тюркским *коол*, в котором значение развилось до обозначения ‘низменности, долины; речного русла; реки’. В монгольских языках древнетюркский термин *köl* ‘озеро, водоём’ дал рефлексы как в виде современного монгольского термина *гол*, так и бурятского *гол* ‘река; долина реки’.

Следующий довольно распространённый в монгольской гидронимической терминологии апеллятив *горхо(н)* ‘речка, ручей’ употребляется в составе топонимов как Бурятии [145, С. 92], так и Забайкалья р. *Горхон* – л.пр.р. Ага, р. *Горхон* – пр.пр.р. Оленгуй, р. *Горхон* – л.пр.р. Нижняя Никсанда, р. *Сырке-Горхон* (Длд. р-н), р. *Хара-Горхон* – л.пр.р. Иля, р. *Шара-Горхон* – л.пр.р. Хохир-Оленгуйский [81, С. 29-30]. При этом данный термин употребляется в топонимах как самостоятельно, так и в сочетании с атрибутивом: р. *Бом-Горхон* – пр.пр.р. Хилок, *Шара-Горхон*, лет. (Петр.-Зб. р-н), р. *Шара-Горхон* – пр.пр.р. Чикокон (Крснч. р-н), р. *Верхний Шара-Горхон*, с. *Шара-Горхон* (Крм. р-н), п. *Гурохан*, п., р. *Гурухан* – л.пр.р. Борзя (Брз. р-н), п. *Горохон*, оз. *Горхон*, руч. *Горхонка* впадает в руч. Нижний Алкучан, р. *Нарин Горхон* – пр.пр.р. Быркыкта, р. *Улан-Шулун-Горхон* – л.пр.р. Быркыкта, р. *Хазагай-Горхон* – пр.пр.р. Киркун, р., п. *Цаган-Горхон*, р. *Шара-Горхон* – пр.пр.р. Киркун (Крн. р-н) [ТКЗ]. Частотное

употребление термина *горхо(н)* ‘речка, ручей’ в бурятской гидронимии Восточного Забайкалья очевидно.

В «Ойконимах Хоринской Степной думы» [77] отмечены топонимы, в составе которых функционируют старописьменно-монгольские термин – *γoriqun* ‘ручей, речка’ [46, С. 189]. В современном монгольском этот термин имеет форму *горхи* ‘речка, ручей’ [24, С. 586], бурятском *горхо(н)* ‘речка, ручеек’ [259, С. 172]. В начале XX века ещё функционировали следующие названия бурятских улусов как: *Еке-горихонь*, *Наринь-горихонь*, *Зунь-Наринь-горихонь*, *Шара-Горихонь*, в основе которых лежит старописьменно-монгольский термин *γoriqun* ‘ручей, речка’. Названия улусов «сохранили» в неизменном виде как морфологическую структуру, так и семантику. Современное состояние ойконимов 1897 года показывает, что функционирование исходного термина *γoriqun* ‘ручей, речка’/стп.-монг./ в составе названий представлено терминами *горхи* ‘речка, ручей’/монг./, *горхо(н)* ‘речка, ручеек’/бур./ . Прежние названия бурятских улусов видоизменились на такие названия, как – р., п. *Горхон*, пос., р., п. *Ехэ-горхон*, р. *Хохир-Горхон*, с. *Шара-Горхон* и др.

Возможно провести лексико-семантическую параллель эвенкийской лексемы *хиркэ* в значении ‘ручеек после дождя’ [274, С. 481] с лексемой бурятского языка *горхо(н)* ‘речка, ручеек’ и монгольским *горхи* ‘речка, ручей’, что обнаруживает их лексико-семантическое материальное сходство, обусловленное общностью алтайской языковой семьи.

В топонимической системе Восточного Забайкалья широко представлен древнетюркский гидронимический термин *булаг* ‘ключ, источник, родник’. В «Бурятско-русском словаре» К.М. Черемисова имеется дополнительно значение термина *булаг* как ‘топкое место’ в баргузинском говоре. В топонимии Бурятии апеллятивное *булак* имеет то же самое значение ‘ключ, родник, источник’ и является основой многочисленных имён собственных, названий урочищ и населённых пунктов [145, С. 91].

В микротопонимической системе Восточного Забайкалья термин *булаг* ‘источник, родник, ключ’ служит основой для следующих топонимов: д. *Булак*,

Булактуй, Арын-Булак, п. Булактэ (Агн. р-н), *п. Заха-Булак*, род. *Мухор-Булак*, *п. Хотогоре-Булак*, ур. *Хухе-Булак* (Агн. р-н), *п. Булакты*, *п. Баин-Булак*, *п. Булуктуй* (Мгт. р-н), кл. *Саган-Булак* (Длд. р-н) и т.д.

Данный гидронимический термин распространён и в тюркоязычной топонимии Сибири. О широте распространения среди тюрко- и монголоязычных народов географического апеллятива *булак* пишет О.Т. Молчанова при описании топонимии Горного Алтая: р. *Булага*, лог *Булаккы*, р., руч., г., лог *Булук*, р. *Ак-Булак*, р. *Кош-Булак*, оз. *Музду-Булак*, р. *Сары-Булак*, р. *Булак*, падь *Баян-Булак*, р. *Кыдыг-Чира-Булак*, р. *Орто-Чира-Булак* и др. [160, С. 32].

Исследователь в своей работе приводит различные варианты структурного и семантического употребления одного и того же термина *булаг*, например, в азерб. *булак* ‘ключ, родник, источник’; казах. *Булакь* ‘родник, ключ’; кирг. *булак* ‘родник (в болотистом месте на берегу реки); ручеек’; узбек. *булокь* ‘родник, ключ, источник’; чув. *пулых* ‘урочище’; др.-тюрк. *bulaq* ‘источник; канал, арык’; монг., бур. *булаг*, стп.-монг. *bulay* ‘источник, ключ’ [160, С. 31], что свидетельствует о распространённости данного термина в топонимических системах континентальной Евразии.

Анализ топонимии Прибайкалья позволил Л.В. Шулуновой заключить следующее: с точки зрения происхождения географические термины в бурятском языке, в основном, носят исконный характер, то есть они монголоязычны, ср.: бур. *уһа, уһан* ‘вода’ и монг. *ус, усан* в том же значении; бур. *гол, мурэн, уһан* ‘река’ и монг. *гол, мөрөн, ус* ‘река’.

Несмотря на данное заключение, исследователь отмечает бытование терминологических параллелей: бур. *булаг*, х.-монг. *булаг*, эвенк. *болак*, якут. *былых*, тув. *булак* ‘источник, родник, ключ, ручей’; бур. *жалга // ялга*, х.-монг. *жалга*, эвенк. *долга*, тув. *джалга* ‘овраг, балка, лог, ложбина’; бур. *арал // ольторог*, х.-монг. *арал*, эвенк. *арал*, якут. *арыы*, тув. *олтырых* ‘остров’ [270, С. 123]. По мнению Л.В. Шулуновой большинство географических терминов, имеющих параллели в других языках, не воспринимаются бурятами как заимствованные и приводит замечание Ф.П. Филина о том, что «элементы чужих

языков после преодоления возникших в связи с вторжением «пришельцев» противоречий становятся органической частью воспринимающей системы и утрачивают свою чужеродность» [270, С. 123-124].

В составе топонимов гидронимические термины распространены по всей территории исследуемого региона. Так, к примеру, термины *гол* ‘река, долина реки’, *горхо(н)* ‘речка, ручеёк’, *булаг* ‘источник, родник, ключ’, *аршаан* ‘минеральный, целебный источник’ или ‘целебная вода’ встречаются в микротопонимии бывшего Агинского Бурятского Автономного округа, в районах Агинском, Дульдургинском, Могойтуйском, Ононском (р. *Азимье-Горхон*, р. *Байсын-Горхон*, р. *Барун-Горхон*, р. *Булагай-Горхон*, р. *Ехэ-Горхон*, р. *Изара-Горхон*, р. *Шара-Горхон*; *Арым-Булак*, п., *Арыш-Булаг*, р. впад. в оз. *Цаган-Нур*, *Балыктуй*, оз., *Баян-Булак*, оз., *Былыктуй*, оз., *Даун-Булак*, оз., *Нарын-Булак*, п., *Шунэ-Булак*, ур.; *Шивышин Аршан*, *Алханын Аршан*, р. *Аршан*, с. *Арашантуй*). Также отмечается функционирование термина *булаг* ‘источник, родник, ключ’ в районах (Калганском, Чернышевском, Шилкинском, Борзинском, Кыринском, Краснокаменском) *Малый Булак*, руч.-пр.пр.р. *Бол. Булак*, *Булач*, р., *Продольный Булач*, р. – л.пр.р. *Ундурга*, *Булыкта*, р., *Хада-Булак*, д., *Эхэ-Булак*, г., п., род., *Баян-Булак*, п., *Булак*, п., *Мухор-Булак*, п., *Цаган Булакский*, хр., *Мухор-Булак*, п. Таким образом, распространённость гидронимических терминов *гол* ‘река, долина реки’, *горхо(н)* ‘речка, ручеёк’, *булаг* ‘источник, родник, ключ’, *аршаан* ‘минеральный, целебный источник’ или ‘целебная вода’ в топонимической системе Восточного Забайкалья очевидна.

Известно, что изучение терминологии в топонимике является ключевым при установлении семантического значения термина и поисков возможной этимологии топонима как имени собственного. К тому же, терминологический корпус любой лексической системы любого языка претерпевает разного рода изменения, которые связаны не только с языковыми, но и с политическими, историческими, социальными и прочими процессами, оказывающими своё влияние на ее становление.

Потому наличие топонимической лексики Восточного Забайкалья, где термины связаны языковым происхождением с алтайскими языками, в частности, древнетюркским, тунгусо-маньчжурскими (эвенкийским, эвенским) и монгольскими (монгольским, бурятским), обусловлено, во-первых, генетическим родством этих языков. Во-вторых, территориальной общностью генетически близких народов – бурят, эвенов и эвенков.

История заселения края в разные периоды времени отражена на топонимической карте. Ареал распространённости топонимов чётко очерчивается согласно их языковой принадлежности. Однако следует отметить и то, что не всегда топонимические изоглоссы оправданы с точки зрения языковой принадлежности топонимических названий. В основном, топонимы тюркского происхождения отмечены в названиях, обозначающих возвышенные формы рельефа (орографических), и распространены по всей территории края. Топонимы эвенкийского происхождения обнаруживаются на севере и северо-востоке региона, эвенские повсеместно, включая и центральные районы Забайкалья. Монгольские и бурятские названия в степной и лесостепной части края, что согласуется с типом хозяйственной деятельности этих народов в прошлом.

Функционирование гидронимических терминов алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Гидронимические термины алтайского языкового происхождения в топонимах Забайкальского края

Местные географические термины (согласно стратиграфическим пластам)	Верифицированность термина в топонимах Забайкальского края
<i>кöl</i> 'озеро, водоём'/др.-тюрк./; <i>гол</i> 'река; долина реки'/монг., бур./	
орографические	хр. <i>Гульский</i>
оронимические	п. <i>Голотуй</i> (Брз. р-н), п. <i>Ендур-Гол</i> (Крн. р-н), п. <i>Большая Кулинда</i> (Алек.-Зв. р-н), п. <i>Кули</i> (Онн. р-н)
гидронимические	р. <i>Гуля</i> – пр.пр.р. Тунгир, р. <i>Гуликачан</i> – л.пр.р. Эльпа, р. <i>Гулача</i> , руч. <i>Кулинда</i> – пр.пр.р. Былыра, <i>Агын гол Хёлгын гол</i>

				(Хилок-река), <i>Ононой гол</i> (Онон-река), р. <i>Баян-Гол</i> (Чтн. р-н), п. <i>Голотуй</i> (Брз. р-н), п. <i>Ендур-Гол</i> (Крн. р-н)
ойконимические				<i>Голь</i> , <i>Уке-куль</i> , <i>Угитуевский-голь</i> , <i>Шара-куль</i> , <i>Хульхусонский-голь</i> , <i>Борохул</i>
Итого топонимов				21
ГОЛГЕЕ	<i>γoriqun</i> 'ручей, речка'/стп.-монг./	<i>горхон</i> 'речка, ручей'/бур./; <i>горхи</i> 'речка, ручей'/монг./; <i>хиркэ</i> 'ручеек после дождя'/эвенк./		
оронимические				п. <i>Гурохан</i> , п. <i>Гурухан</i> (Брз. р-н), п. <i>Горохон</i> (Крн. р-н), п. <i>Цаган-Горхон</i> , п. <i>Ехэ-горхон</i>
гидронимические				р. <i>Горхон</i> – л.пр.р. Ага, р. <i>Горхон</i> – пр.пр.р. Оленгуй, р. <i>Горхон</i> – л.пр.р. Нижняя Никсанда, р. <i>Сырке-Горхон</i> (Длд. р-н), р. <i>Хара-Горхон</i> – л.пр.р. Иля, р. <i>Шара-Горхон</i> – л.пр.р. Хохир-Оленгуйский, р. <i>Бом-Горхон</i> – пр.пр.р. Хилок, р. <i>Шара-Горхон</i> – пр.пр.р. Чикокон (Крснч. р-н), р. <i>Верхний Шара-Горхон</i> , р. <i>Хохир-Горхон</i> , р. <i>Ехэ-горхон</i> , р. <i>Шара-Горхон</i> – пр.пр.р. Киркун (Крн. р-н), р. <i>Шара-Горхон</i> (Чтн. р-н), р. <i>Гурухан</i> – л.пр.р. Борзя (Брз. р-н), руч. <i>Горхонка</i> впадает в руч. Нижний Алкучан, р. <i>Нарин Горхон</i> – пр.пр.р. Быркыкта, р. <i>Улан-Шулун-Горхон</i> – л.пр.р. Быркыкта, р. <i>Дабан-Горхон</i> – пр.пр.р. Киркун, р. <i>Хазагай-Горхон</i> – пр.пр.р. Киркун, р. <i>Цаган-Горхон</i>
лимнологические				оз. <i>Горхон</i>
ойконимические				<i>Еке-горихонъ</i> , <i>Наринъ-горихонъ</i> , <i>Зунъ-Наринъ-горихонъ</i> , <i>Шара-Горихонъ</i> , с. <i>Шара-Горхон</i> (Крм. р-н)
Итого топонимов				30
<i>bulaq</i> 'источник; канал, арык'/др.-тюрк./	БЛЕ	<i>bulaγ</i> 'источник, ключ'/стп.-монг./,	<i>булаг</i> 'ключ, источник, родник'/монг., бур./; <i>болак</i> 'источник, родник, ключ, ручей'/эвенк./	
орографические				г. <i>Булук</i> , <i>Эхэ-Булук</i> , г., <i>Цаган Булакский</i>
оронимические				п. <i>Булактэ</i> (Агн. р-н), п. <i>Заха-Булук</i> , п. <i>Хотогоре-Булук</i> , ур. <i>Хухе-Булук</i> (Агн. р-н), п. <i>Булакты</i> , п. <i>Баин-Булук</i> , п. <i>Булуктуй</i> (Мгт. р-н), лог <i>Булаккы</i> , лог. <i>Булук</i> , п. <i>Баян-Булук</i> , <i>Эхэ-Булук</i> , п., <i>Мухор-Булук</i> , п., <i>Эхэ-Булук</i> , п., <i>Булук</i> ,

	п., <i>Арым-Булак</i> , п., <i>Нарын-Булак</i> , п., <i>Шунэ-Булак</i>
гидронимические	род. <i>Мухор-Булак</i> , кл. <i>Саган-Булак</i> (Длд. р-н), р. <i>Булага</i> , р. <i>Булак</i> , руч. <i>Булак</i> , р. <i>Сары-Булак</i> , р. <i>Булак</i> , р. <i>Кыдыг-Чира-Булак</i> , р. <i>Орто-Чира-Булак</i> , р. <i>Азимье-Горхон</i> , р. <i>Байсын-Горхон</i> , р. <i>Барун-Горхон</i> , р. <i>Булагай-Горхон</i> , р. <i>Ехэ-Горхон</i> , р. <i>Изара-Горхон</i> , р. <i>Шара-Горхон</i> , р. <i>Ак-Булак</i> , р. <i>Кош-Булак</i> , <i>Малый Булак</i> , руч.- пр.пр.р. Бол. Булак, <i>Булач</i> , р., <i>Продольный Булач</i> , р. – л.пр.р. Ундурга, <i>Булыкта</i> , р., <i>Арыш-Булаг</i> , р. впад. в оз. Цаган-Нур, род., <i>Баян-Булак</i>
лимнологические	<i>Балыктуй</i> , оз., <i>Баян-Булак</i> , оз., <i>Былыктуй</i> , оз., <i>Даун-Булак</i> , оз., оз. <i>Музду-Булак</i>
ойконимические	д. <i>Булак</i> , <i>Булактуй</i> , <i>Арын-Булак</i> , <i>Хада-Булак</i>
	Итого топонимов 53

2.3. Топономастическая лексика субстратного языкового происхождения

Задачей параграфа является сопоставление монголоязычной топономастической лексики с субстратной и выявление как типологического сходства, так и различия в фонологической и морфологической и семантической организации географической терминологии.

Как известно, топонимическая система отдельно взятого региона всегда исторична. Смена эпох и народов, государств и языков, миграции населения происходили и происходят в разные периоды истории человечества. Однако почти неизменным остается территориальный ландшафт. Поэтому в топонимической системе любого региона можно встретить разноязыкие географические имена собственные, комплексно представленные через анализ и описания топономастической лексики.

Исследования по субстратной топонимии Восточного Сибири были отражены в работах С.А. Гурулева, М.Н. Мельхеева, Р.Г. Жамсарановой, Л.В. Шулуновой.

Так, М.Н. Мельхеевым выделены в Забайкалье топонимы эвенкийского происхождения, которые он считает относительно древними географическими названиями, функционирующими в топонимии Иркутской и Читинской областей. Он выделил распространённые суффиксы и окончания эвенкийских топонимов: *-кан, -кэн* (суффиксы уменьшительной формы), *Тунгир-Тунгирикан, Бирая-Биракан*; *-нга, -ндя* (суффиксы почтительного отношения, увеличительной формы), *Иракинда; Олгонда; Нелинда; Кильгендаи* т.д., которые приемлемы в качестве отличительных признаков, позволяющих распознать эвенкийские названия. Помимо тунгусоязычной топонимии М.Н. Мельхеев выделяет и кетоязычные, самодийские, тюркоязычные топонимы [146].

Исследователь С.А. Гурулев системно описывает топонимы Иркутской области, возникшие в результате взаимодействия енисейских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков [51].

В монографии Л.В. Шулуновой «Ономастика Прибайкалья» проведён более глубокий анализ топонимической системы Прибайкалья и Забайкалья. Представлено языковое разнообразие в области топонимии, предпринята попытка выявления топонимического субстрата, рассмотрен процесс адаптации иноязычных географических названий русским языком [270]. Автором монографии заключено, что в топонимии Прибайкалья наличествует монголоязычный субстрат.

Результаты комплексного исследования субстратной топонимии Восточного Забайкалья изложены в работах Р.Г. Жамсарановой [75; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84]. На обширном микротопонимическом материале представлен языковой субстрат самодийского, тюркского и палеоазиатского происхождения, описаны явления конвергентно-интерферентного характера в корпусе местной географической терминологии.

Работы по системному и комплексному описанию субстрата в топонимической системе Восточного Забайкалья, подкреплённые наличием большого количества субстратных топонимов, позволяют дополнить результаты первого системного описания топонимии Восточного Забайкалья [82] примерами

и констатировать факты существования на данной территории помимо тюркоязычных, тунгусо-маньчжурских, монголоязычных, русскоязычных географических названий, также палеоазиатских, обско-угорских и самодийских. Факты языкового контактирования некогда проживавших народов на территории исследуемого региона, полагаем, могут отражаться в географических терминах, являющихся первоосновой для наименования географических имён собственных.

В региональной субстратной топонимии выделено довольно большое количество названий, в которых топооснова связана с самодийскими языками. К самодийскому языковому стратиграфическому пласту относятся топонимы, этимологически объясняемые из ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского языков. Распространены топонимы самодийского языкового происхождения преимущественно в северо-восточных районах Забайкальского края, наиболее плотный ареал их распространения – это долины крупных рек Забайкалья – *Аргунь*, *Шилка*, *Онон*, *Ингода*, *Хилок*, спорадически встречаются они в юго-восточных и центральных районах [83, С. 56].

2.3.1. Орографические термины

Известно, что в тюрко-монгольской среде довольно широко представлена топонимическая лексика орографического характера. Наблюдаемая трансформация значения исходного родового термина древнетюркского происхождения в видовые термины монгольских и тунгусо-маньчжурских языков обусловлена конвергентно-трансферентными явлениями.

Региональные географические имена собственные, такие как хр. *Кукунор-Шили*, р. *Шелекан* – пр.пр.р. Нерча, оз. *Шилин-Торум*, ур. *Шилин-Торум*, ур. *Шилы-Худаг* (Агн. р-н), р. *Шиля* – пр.пр.р. Хилок, р. *Шаловка* – пр.пр.р. Хилок, *Шэлэ-Шулун* (Хлк. р-н), р. *Шэн-Кихта* – л.пр.р. Хилок, р. *Куку-Шила*, п. *Шилибингуй*, р. *Шилибингуй* – пр.пр.р. Онон (Акш. р-н), хр. *Хангилай-Шилы*, ур. *Шилин-Торум* (Агн. р-н), ур. *Шилы-Худаг* (Агн. р-н) р. *Челбахта* – пр.пр.р. Шилка, п. *Чалгонка Верхняя*, г. Вершина *Цалоуя* (Нерч. р-н), г. *Чильчи*, р. *Чильчи* – л.пр.р. Нюкжа,

с. *Чильчи* (Тнг.-Олкм. р-н), р. *Челолек* – пр.пр.р. Витим, д. *Адон-Челон* (Онн. р-н), вероятно, образованы на базе бурятского апеллятива *шэлэ* ‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’, имеющего параллели в других монгольских языках (ср. стп.-монг. термин *šili* ‘плоская возвышенность, низкая и плоская гора, пригорок, холм’, монг. *шил-* ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’) [83, С. 23].

Любопытно, что лексически и семантически близок к монг. *шил-* ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’); бур. *шэлэ* ‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’ сельк. географический термин *чял* ‘опушка (леса)’ [205, С. 293].

Поэтому топонимы типа *Челбахта*, *Чалгонка Верхняя*, *Чильчи* и т.д. Р.Г. Жамсаранова относит к самодийским субстратным названиям, семантизированным от селькупского *чял* ‘опушка (леса)’. Данный термин, как видно из примеров, входит в корневую основу большого количества топонимов (хр. *Кукунор-Шили*, р. *Шелекан* – пр.пр.р. Нерча, оз. *Шилин-Торум*, ур. *Шилин-Торум*, ур. *Шилы-Худаг* (Агн. р-н), р. *Шиля* – пр.пр.р. Хилок, р. *Шаловка* – пр.пр.р. Хилок, *Шэлэ-Шулун* (Хлк. р-н), р. *Шэн-Кихта* – л.пр.р. Хилок, р. *Куку-Шила*, п. *Шилибингуй*, р. *Шилибингуй* – пр.пр.р. Онон (Акш. р-н), хр. *Хангилай-Шилы*, ур. *Шилин-Торум* (Агн. р-н), ур. *Шилы-Худаг* (Агн. р-н) р. *Челбахта* – пр.пр.р. Шилка, п. *Чалгонка Верхняя*, г. Вершина *Цалоуя* (Нерч. р-н), г. *Чильчи*, р. *Чильчи* – л.пр.р. Нюкжа, с. *Чильчи* (Тнг.-Олкм. р-н), р. *Челолек* – пр.пр.р. Витим, д. *Адон-Челон* (Онн. р-н), практически не изменяя форму, за исключением вариации корневых гласных.

Вероятные лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике орографического характера представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике орографического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края				
алтайские	самодийские	оронимы	орографы	гидронимы	лимнонимы	ойконимы
<i>šili</i> ‘плоская возвышенность, низкая и плоская гора, пригорок, холм’/стп.-монг./, <i>шил-</i> ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’/монг./; <i>шэлэ</i> ‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’/бур./	<i>чял</i> ‘опушка (леса)’ /сельк./	ур. <i>Шилин-Торум</i> , ур. <i>Шилы-Худаг</i> (Агн. р-н)	хр. <i>Хангилай-Шилы</i> , хр. <i>Кукунор-Шили</i> , (Агн. р-н)	р. <i>Шелекан</i> – пр.пр.р. Нерча,	оз. <i>Шилин-Торум</i> ,	
				р. <i>Шила</i> – пр.пр.р. Хилок, р. <i>Шаловка</i> – пр.пр.р. Хилок, <i>Шэлэ-Шулун</i>		с. <i>Шила</i> (Хлк. р-н)
		п. <i>Шилибингуй</i> (Акш. р-н)		р. <i>Шилибингуй</i> – пр.пр.р. Онон (Акш. р-н), р. <i>Шэн-Кихта</i> – л.пр.р. Хилок, р. <i>Куку-Шила</i> ,		
		п. <i>Чалгонка Верхняя</i>		р. <i>Челбахта</i> – пр.пр.р. Шилка		
			г. <i>Чильчи</i> (Тнг.-Олкм.р-н)	р. <i>Чильчи</i> – л.пр.р. Нюкжа		с. <i>Чильчи</i>
				р. <i>Челолек</i> – пр.пр.р. Витим		д. <i>Адон-Челон</i> (Онн. р-н)
		Итого топонимов:		21		

В топонимии Восточного Забайкалья отмечено обилие различных географических имён собственных, таких как п. *Денкагуча*, р. *Джункоша* – л.пр.р. Нерча, руч. *Гепка*, р. *Жипкое* – пр.пр.р. Алеур, р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия, р. *Денака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, п. *Дыбыка*, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, л.пр.р. Ульдурга, п. *Жипкошикен*, п., р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга, р. Малая

Дипака – л.пр.р. *Дипака*, п. *Чепчелтуй*, р. *Шенишултай* – л.пр.р. Ингода, г. *Бэрхэ-Их-Шонху*, с. *Шапка*, р. *Чонко* – пр.пр.р. Гуля [ТКЗ], имеющих, на наш взгляд, общее субстратное происхождение. Этимологически данные топонимы, возможно отнести к тунгусо-маньчжурскому *žanka* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвен./; *чэпкэ-ки* ‘болото (во впадине, в лощине)’/эвенк./; *чэпкэ** ‘яма, впадина’/эвенк./; *чонко~чэпки~чэпкэ* ‘1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. лощина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье’/эвенк./ [215, С. 250]; и бурятскому *жабха* ‘подлесок’.

В работе «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» приводятся лексико-семантические параллели селькупского *sarqi* ‘ложбина, седловина’ и эвенкийского *žanka* ‘протока, канава’, ‘ложбина (между гор)’, *чонкй* ‘яма, впадина, глубокая долина’, где последние имеют заимствованный характер. При этом, у исследователей вызывает сомнение возможность заимствования селькупского *sarqi* из пратунгусо-ма. *žanka* ‘берег, граница (между сушей и водой); промежуток’, ‘щель’ [7, С. 154]. Сопоставляется с последним ареальная распространённость топоосновы *sarqi* ‘ложбина, седловина’/сельк./ по всей территории Восточного Забайкалья, включая и центральные, и западные районы, тогда как тунгусо-маньчжурские имеют строго ограниченные изоглоссы, в основном, северные и северо-восточные районы.

В региональной топонимии функционирует лимноним *Тасей*, который вероятнее всего имеет семантическое сближение с апеллятивом ненецкого языка *тэйсий* в значении ‘нижний; находящийся внизу; низ’; *тэйси* ‘внизу; к низу’ [80, С. 127-128]. Озеро *Тасей* входит в Ивано-Арахлейскую систему озёр, представляющее собой цепь озёр от подножия Яблонового хребта на север от г. Читы. В этой озёрной системе озеро *Тасей* по своему географическому расположению является самым нижним или крайним.

Менее убедительной является семантическая привязка данного топонима к монгольским языкам, например, от стп.-монг. *tasiyu/tasiu* ‘сторона, бок; скат горы, косогор’, монг. *ташуу* ‘косой, наклонный, отлогий, неровный, косогор, склон’, если исходить из устной формы топонима *Ташиа* у бурятского населения.

Географические имена собственные, функционирующие в региональной топонимической системе такие, как г. *Маргантуй* (Брз. р-н), г. *Маргарцон* (Крн. р-н), г. *Маргентуй*, р. *Маргентуй* (Петр.-Зб. р-н), п. *Морчеиха*, п. *Маргоголиха* (Блск. р-н), г. *Маргуцек*, с. *Маргуцек* (Крснк.р-н), п. *Марчеиха*, п. *Марчиха* (Шлп. р-н), р. *Мергитайка* (Крснч. р-н), р. *Моргуя* (Срт. р-н) [ТКЗ] связаны лексически и семантически с термином селькупского языкового происхождения *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’ [205, С. 136]. В «Селькупско-русском диалектном словаре» зафиксированы такие географические термины, как *мырғ* ‘большой’ [205, С. 136] и *тоанты* ‘широкий’ [205, С. 124], если предполагать, что данные апеллятивы являются составными частями *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’, значение которых вкуче, по-видимому, отражает понятие «нечто большого и широкого», что, в принципе, согласуется со значением термина *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’. Если рассуждать далее, то возможно, что селькупское *тоанты* ‘широкий’ в составе слова *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’ имеет лексико-семантическую параллель со старомонгольским *дабаган* (*dabayān*) ‘перевал, переход через горный хребет’, монгольским, бурятским *дабаа(н)* ‘горный перевал’ (ср. *Дабаган-Гор*, р. – л.пр.р. Кумы, *Дабан-Горхон*, р. – пр.пр.р. Киркун, *Хусан-Дабан*, п. (Крн.р-н), *Даваган*, р. – л.пр.р. Тунгир (Тнг.-Олкм. р-н).

С.А. Гурулев в своём топонимическом словаре «Географические названия Иркутской области» привёл ряд топонимов, корневую основу которых можно связать, на наш взгляд, с корневой основой *марг-/ морг-/ мерк-:* с. *Маргуй* [51, С. 429], *Моргудалька* – пр. Усть-Илимского водохранилища [51, С. 463], *Меркукан* – л. пр.р. Илим [51, С. 497], корневая основа которых, на наш взгляд, сопоставима с *мырғ* ‘большой’/сельк./ . С.А. Гурулев отмечает топонимы *Маргуй*, *Моргудалька*, *Меркукан* как названия с «затемнённой» семантикой. Можно отнести данные топонимы (гидронимы) к самоедоязычным на основании того, что в основе их находится селькупский термин *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’.

Территориальная привязка топонимов с основой *дабаа(н)* ‘горный перевал’/бур./ отмечена в Кыринском районе: р. *Дабаган-Гор* – л.пр.р. Кумы, р. *Дабан-Горхон* – пр.пр.р. Киркун, п. *Хусан-Дабан* и рядом топонимов,

образованных, вероятно, от *мырғыттоаң* ‘хребет (горный)’/сельк./; *мырғ* ‘большой’/сельк./: г. *Маргарцон* (Крн. р-н), г. *Маргантуй* (Брз. р-н), р. *Моргуя* (Срт. р-н), п. *Морчеиха*, п. *Маргоголиха* (Блск. р-н), г. *Маргуцек*, с. *Маргуцек* (Крнск. р-н), п. *Марчеиха*, п. *Марчиха* (Шлп. р-н), р. *Мергитайка* (Крснч. р-н), г. *Маргентуй*, р. *Маргентуй* (Птр.-Зб. р-н).

2.3.2. Оронимические термины

Следующий ряд топонимов таких, как п. *Тала*, р. *Талочи* (Крн. р-н), р. *Талача* (Алек.-Зв. р-н), р. *Тала* (Клг. р-н), г. *Тэли* (Брз. р-н), р. *Булан-Тала*, р. *Барун-Толбага*, р. *Зун-Толбага*, р. *Дунда-Толбага*, п. *Тала*, р. *Далатуй*, ур. *Дылюн* (Длд. р-н), р. *Зун-Тэли* (Онн. р-н), ур. *Дэлюн* и т.д. в языковом отношении объединены топонимической изоглоссой. Функционируют данные географические названия в местах компактного проживания бурят на территории Забайкальского края – Ононском, Агинском, Могойтуйском, части Кыринского районов, бассейне р. *Хилок*. Языковое происхождение, вероятно, связано с монгольскими языками: стп.-монг. *talamai* ‘небольшая равнина, степь’, монг. *тал*, бур. *тала* ‘поле, степь, равнина; открытое пространство’.

Как видно из примеров, некоторая часть названий, например, *Дылюн*, *Дэлюн*, *Дюлюн*, *Нижний Дюлюн* или *Далатуй* может быть, по мнению Р.Г. Жамсарановой, соотнесена с бурятским атрибутивным *дэлюун* ‘широкий, просторный; обильный, изобильный; ширь, просторы’ [80, С. 127], обнаруживая семантическую вариативность, обусловленную, вероятно, диалектными особенностями языка.

В тунгусо-маньчжурских языках функционирует маньчжурский апеллатив *тала* ‘равнина, поле, степь’, значение которого, по-видимому, расширено до *таллама* ‘гладкое место; солонец; место засады для диких оленей’/эвенк./. Данный термин вошёл в основу географических названий, распространённых по северной части Забайкальского края: р. *Тала* – пр.р. Витим, р. *Талакан* – пр.р. Витим, р. *Талакан* – бас. р. Ундурга, р. *Талакан* – бас. р. Калар, р. *Талая* – бас.

р. Араца, р. *Талакан* – бас. р. Нерча, р. *Талакан* – бас. р. Ушмукан, р. *Талакан* – бас. р. Кучигир, р. *Талакан* – бас. р. Урюмкани др. [ТКЗ], оформленные типичным эвенкийским топоформантом *-кан*.

Лексически и семантически близким к монгольским и тунгусо-маньчжурским оронимическим терминам *тала*, *таллама*, вероятно, можно отнести ненецкий апеллятив *тэл* ‘склон, спуск’, ‘ложбина, котловина, впадина’ [80, С. 126]. Естественно, что вызывают определённые трудности попытки связать тот или иной топоним с какими-то конкретными языками. Тем не менее, очевидно, что возникшие в условиях диахронных межъязыковых контактов разных этнических групп населения исторической Даурии апеллятивные заимствования сохранились в топонимической лексике бурятского языка.

Топонимы, функционирующие по южным, восточным районам Забайкальского края: п. *Тала*, р. *Талочи*, р. *Талача*, р. *Тала*, г. *Тэли*, р. *Булан-Тала*, р. *Барун-Толбага*, р. *Зун-Толбага*, р. *Дунда-Толбага*, п. *Тала*, р. *Далатуй*, ур. *Дылюн*, р. *Зун-Тэли*, ур. *Дэлюн*, образованы, вероятно, от монгольских номенклатурных терминов *talamai* ‘небольшая равнина, степь’/стп.-монг./, *тал*/монг./ *тала* ‘поле, степь, равнина; открытое пространство’/бур./.

Топонимы, функционирующие по северным районам Забайкальского края: р. *Тала* – пр.р. Витим, р. *Талакан* – пр.р. Витим, р. *Талакан* – бас. р. Калар, р. *Талая* – бас. р. Араца, р. *Талакан* – бас. р. Нерча, р. *Талакан* – бас. р. Кучигир, р. *Талакан* – бас. р. Ундурга, р. *Талакан* – бас. р. Урюмкан, р. *Талакан* – бас. р. Ушмукан и др., образованы от *тала* ‘равнина, поле, степь’/ма./, *таллама* ‘гладкое место; солонец; место засады для диких оленей’/эвенк./.

Следующим самодийским географическим термином, имеющим лексико-семантическую параллель с бурятским оронимическим термином *хунхэр* ‘лог, низина, впадина’, ставший основой таких топонимов, как оз. *Хонхор-Торум*, ур. *Хонхор-Торум*, п. *Хунхур*, оз. *Кункур*, с. *Кункур* (Агн. р-н), может быть ненецкое *хыңгяр* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’.

Вслед за Р.Г. Жамсарановой полагаем, что термин бурятского языка имеет вероятную лексико-семантическую параллель с каким-то термином самодийских

языков, общесамодийским по происхождению и обозначающим некогда углубленное, низкое место [79, С. 127-131], сохранившийся в лексикографических источниках ненецкого языка в форме *хыңгър* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’.

Апеллятив бурятского языка *хунды* ‘пустой, полый’ [259, С. 610] в значении ‘узкая падь’: п. *Дэдэ-Мухор-Хунды*, п. *Мухор-Хунды*, п. *Урту-Кундуй*, п. *Салдан-Хунды*, п. *Шара-Хундуй*, п. *Карим-Хундуй*, с. *Кондуй*, п. *Барун-Хунды*, п. *Зун-Хундуй* [ТКЗ] сопоставим с селькупским гидронимическим термином *ундешуньдь~ундэжундь~унжэшуньдь* ‘ручѐк’ [205, С. 260; 80, С. 117-118], иллюстрируя собой пример родо-видового сдвига. При этом понятно, что естественное течение любого водного потока обусловлено понижением рельефа, как, например, падь или распадок.

Примером родо-видового перехода терминов может быть ненецкий апеллятив *хыңгър* в значении ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’; *хыңгота* ‘имеющий большую ёмкость; ёмкий, вместительный’, *хыңгоць* ‘быть ёмким, вместительным’, и бурятский термин *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’. Семантикойконима *Кункур* (Агн. р-н) жители тракуют от бурятского *хунхэр* в значении ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’. Полевой осмотр местности, где располагается селение (в широкой низине, окруженной небольшими сопками), совпадает с физико-географическим реалиям и с предлагаемым значением [79, С. 129]. Представляется любопытным сопоставление термина бурятского языка *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’ с самодийскими *хыңгър* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’; *хыңгота* ‘имеющий большую ёмкость; ёмкий, вместительный’, *хыңгоць* ‘быть ёмким, вместительным’, имеющие явное лексико-семантическое сходство.

Вероятные лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике оронимического характера представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике оронимического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края
монгольские	самодийские	
<i>хунды</i> ‘пустой, полый’/бур./	<i>ундешуньдь~унджундь~унжэшиуньдь</i> ‘ручеек’/сельк./	п. <i>Дэдэ-Мухор-Хунды</i> , п. <i>Мухор-Хунды</i> , п. <i>Урту-Кундуй</i> , п. <i>Салдан-Хунды</i> , п. <i>Бабу-Кундулей</i> (Длд. р-н); гг. <i>Мункуй-Кундуй</i> , п. <i>Мункуй-Кундуй</i> , п. <i>Нарын-Кундуй</i> , г. <i>Нары-Хундуй</i> , п. <i>Норы-Хундуй</i> , п. <i>Самого-Хунды</i> , п. <i>Урту-Кундуй</i> , г. <i>Барун-Хундуй</i> (Он. р-н), п. <i>Ута-Хунды</i> , п. <i>Арын-Хунды</i> (Мгт. р-н), п. <i>Тот-Кундуй</i> (Агн. р-н), п. <i>Малый Кундуй</i> , п. <i>Камень-Хундуй</i> (Алек.-Зв. р-н), ур. <i>Кундуки</i> , п. <i>Задний Хундуй</i> , п. <i>Карим-Хундуй</i> (Брз. р-н), п. <i>Буру-Кундуй</i> , п. <i>Болут-Кундуй</i> , п. <i>Дет-Кундуй</i> , п. <i>Дунда-Кундуй</i> , хр. <i>Нарым-Кундульский</i> , п. <i>Ордын-Кундуй</i> , п. <i>Уту-Хундуй</i> (Олв. р-н)
Итого топонимов:		28
<i>хунхэр</i> ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’/бур./	<i>хыңгяр</i> ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’; <i>хыңгоць</i> ‘быть ёмким, вместительным’, <i>хыңгота</i> ‘имеющий большую ёмкость; ёмкий, вместительный’/нен./	оз. <i>Хонхор-Торум</i> , ур. <i>Хонхор-Торум</i> , п. <i>Хунхур</i> , оз. <i>Кункур</i> , с. <i>Кункур</i> (Агн. р-н)
Итого топонимов:		5

2.3.3. Гидронимические термины

В региональной топонимической системе функционируют географические названия, которые семантически связаны с тюркским *özök/üzük* ‘пересыхающая река’, монгольским *ус(ан)* ‘река, вода’: п. *Аза*, г. *Аца* (Мгт. р-н), п. *Ациол* (Длд. р-н), руч. *Хара-Усан*, п. *Хара-Усан* (Мгт. р-н), оз. *Усутуй*, озера *Хулусун* (Агн. р-н).

Любопытно отметить, что в архивном документе 1897 года зафиксированы названия следующих улусов: *Аца*, *Аца-Шибирь*, *Нарин-Ацагатъ*, *Ацагатъ*, *Хара-Ацагатъ*, где первые два топонима возможно связать с тюркским термином *özök/üzük* ‘пересыхающая река’ или монгольским гидронимическим термином *ус(ан)* ‘река, вода’. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков»

зафиксирован стп.-монг. гидронимический термин *u-sun* ‘вода’ (монг. *ус (ан)*), бур. *уһан* ‘река, вода’ восходит к алт. *и ‘вода’. Причём отмечается, что для алтайского *и ‘вода’ есть ур. соответствие *uwa ‘поток’ [214, С. 88]. В связи с этим, считаем вслед за Р.Г. Жамсарановой, что данные ойконимы могут быть образованы от хантыйского термина *ас* ‘река (большая)’ или от хантыйского термина *оса* ‘привольно, свободно; свободный, привольный’ [77, С. 168].

Известна общность тюрко-монгольских гидронимических терминов в алтайских языках: тюрк. *go:l~ go:l* ‘река, рука реки, проток; долина’, *коол* ‘низменность, долина; речное русло; река’ [156]; тюрк. *kõl* ‘водоём’ [57], монг., бур. *гол* ‘река; долина реки’ [259, С. 169], которые имеют лексико-семантическое сходство, обусловленное генетическим родством. В монгольских языках с термином *гол* ‘река; долин реки’ посредством тюрк. *go:l~go:l* ‘река, рука реки, проток; долина’, по мнению Р.Г. Жамсарановой, коррелирует кетский гидронимический термин *уль* ‘вода’ [79, С. 34]. В региональной топонимии топоформант *уль* встречается в названиях: р. *Улутуй* – пр.пр.р. Ингода, р. *Средняя Улётка* – пр.пр.р. Джимиگیرка, р. *Улёты* – пр.р. Ингода, р. *Уляты*, р. *Улястуй* – пр.р. Хилогосон и др. Произношение тюрк. *go:l~go:l* ‘река, рука реки, проток; долина’ звучит как [ki:l], позволяя объединить в один топонимический ряд названия, где начальные буквы представлены *х, к, г*: *Агын гол, Хёлгын гол, Ононой гол*, п. *Голотуй*, п. *Ендур-Гол*, р. *Гуля* – пр.пр.р. Тунгир, р. *Гуликачан* – л.пр.р. Эльпа, хр. *Гульский*, п. *Большая Кулинда*, р. *Гулача*, руч. *Кулинда* – пр.пр.р. Былыра, п. *Кули*, *Голь*, *Уке-куль*, *Угитувский-голь*, *Шара-куль*, *Хульхусонский-голь*, *Борохул*.

Изучение топонимической лексики с основой *хи(л)*- бурятской топонимии (в основном, микротопонимии) и сопоставление с самодийским гидронимическим термином *қы~қэ* ‘река’ [205, С. 103] позволяет заключить о проявлении не только родо-видового сдвига, но и, в первую очередь, семантического переосмысления. Частотный ряд забайкальских топонимов р. *Хила* – пр.пр.р. Хилок, р. *Хилок* (Хлк. р-н), руч. *Верхняя Хила*, *Барун-Хила*, *Зун-Хила*, руч. *Дундо-Хила* (впад. в р. Хила, Агн. р-н), рр. *Хилкотой*, *Хилкочен* – л.пр.р.

Чикой (Крснч. р-н), р. *Хурай-Хила* – пр.пр.р. Ага (Мгт. р-н), *Верхний Хилкосон*, *Хилогосон*, *Большая Хила*, *Нижняя Хила*, обычно воспринимается как ряд бурятских топонимов, трактуемых от *хилэ* ‘граница; рубеж’/бур./.

Полагаем, что вторичная номинация реки как естественного рубежа в речевом сознании носителей бурятского языка субстратного гидронимического термина *қы~қэ* ‘река’/сельк./ привела к тому, что апеллатив бурятского языка *хилэ* ‘граница; рубеж’ является результатом трансонимизации, когда в региональной топонимии зафиксированы и ойконимы с. *Нижняя Хила*, с. *Средняя Хила* и т.д. [75, С. 56].

В региональной субстратной топонимии присутствуют топонимы с. *Кызкэн*, п. *Кызкена*, с. *Кыкер*, р. *Ара-Гызээхэн*, р. *Убыр Гызээхэн*, р. *Харгытуй Гызээхэн* – пр.пр.р. Хилок, р. *Хурай Гызээхэн*, р. *Гычехен* – пр.пр.р. Хилоки проч., образованные от селькупского *қықе~қықке~қықкэ* ‘река, речка, ручей’ [205, С. 104], претерпевшие незначительные изменения в своей морфоструктуре. Согласно полевым наблюдениям, терминированное *кы’к’е* (*-кыга*, *-кыге*) ‘маленькая речка’ в составе гидронима *Гызээхэн* формирует в бурятском речевом сознании образ водного потока небольших размеров, журчащей на перекатах, речушки [75, С. 61].

В топонимии Восточного Забайкалья встречаются названия р. *Ага* – л.пр.р. Онон, с. *Урдо-Ага*, с. *Хойто-Ага*, пос. *Агинское*, с. *Ага-Хангил*, д. *Усть-Ага*, р. *Агита* – л.пр.р. Куэнга, р. *Агуца*, р. *Агуцакан* – пр.р. Акша, р. *Акима* – пр.пр.р. Нерча, р. *Акекан* – пр.пр.р. Нерча, с. *Акима*, р. *Аку* – пр. пр. р. *Калакан* и т.д., основа которых сопоставима с самодийским термином *акка* ‘протока, большое длинное озеро, старица’ [205, С. 13]; *-акко(-акка)* ‘старица, озеро; рот, устье реки’ [16]. В бурятском языке лексически схожим термином с селькупским *-акко(-акка)* может быть бурятское *агы* ‘пещера, грот; впадина (в горах или скалах); подземная яма’. Р.Г. Жамсаранова отмечает, что отсутствие в монгольском языке подобного бурятскому термину *агы* апеллатива объясняется, по-видимому, разницей физико-географических реалий и ландшафтных особенностей регионов [80, С. 121].

Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике гидронимического характера представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике гидронимического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края
алтайские	палеоазиатские и уральские	
<i>özök/üzük</i> ‘пересыхающая река’/тюрк./; <i>ус(ан)</i> ‘река, вода’/монг./	<i>ас</i> ‘река (большая)’/хант./; <i>оса</i> ‘привольно, свободно; свободный, привольный’/хант./	п. <i>Аза</i> , г. <i>Аца</i> , руч. <i>Хара-Усан</i> , п. <i>Хара-Усан</i> (Мгт. р-н), п. <i>Ациол</i> (Длд. р-н), оз. <i>Усутуй</i> , озера <i>Хулусун</i> (Агн. р-н); <i>Аца</i> , <i>Аца-Шибирь</i> , <i>Нарин-Ацагатъ</i> , <i>Ацагатъ</i> , <i>Хара-Ацагатъ</i>
Итого топонимов:		12
<i>köl</i> ‘водоём’/др.-тюрк./; <i>гол</i> ‘река; долина реки’/монг., бур./	<i>уль//куль</i> ‘вода’/кет./	р. <i>Борохул</i> , р. <i>Дербул</i> , п. <i>Кербул</i> , с. <i>Моргул</i> , р. <i>Турхул</i> , с. <i>Чонгуль</i> , п. <i>Чогнули</i>
Итого топонимов:		7
<i>хилэ</i> ‘граница; рубеж’/бур./	<i>қы~қэ</i> ‘река’/сельк./	рр. <i>Хила</i> , <i>Верхняя Хила</i> , <i>Барун-Хила</i> , <i>Зун-Хила</i> , <i>Хилкотой</i> , <i>Хилкочен</i> , <i>Верхний Хилкосон</i> , <i>Хилкотой</i> , <i>Хилогосон</i> , <i>Большая Хила</i> , <i>Нижняя Хила</i> , <i>Хилок</i>
	<i>қықе~қықе~қықэ</i> ‘река, речка, ручей’/сельк./	с. <i>Кызкэн</i> , п. <i>Кызкена</i> , р. <i>Ара-Гызээхэн</i> , с. <i>Кыкер</i> , р. <i>Хурай Гызээхэн</i> , р. <i>Гычехен</i> – пр.пр.р. <i>Хилок</i> , р. <i>Убыр Гызээхэн</i> , р. <i>Харгытуй Гызээхэн</i> – пр.пр.р. <i>Хилок</i> , с. <i>Долгокыча</i>
Итого топонимов:		21
<i>агы</i> ‘пещера’/бур./, <i>агуу</i> ‘великий, обширный’/бур./, <i>ага</i> ‘открытая равнина’, ‘холмистые степные равнины с перелесками’, ‘лесная чаща’, ‘тундра’, ‘болото’/эвенк./	<i>акка</i> ‘протока, большое длинное озеро, старица’/сельк./; <i>-акко(-акка)</i> ‘старица, озеро; рот, устье реки’/сельк./	р. <i>Ага</i> – л.пр.р. <i>Онон</i> , с. <i>Урдо-Ага</i> , с. <i>Хойто-Ага</i> , пос. <i>Агинское</i> , с. <i>Ага-Хангил</i> , д. <i>Усть-Ага</i> , р. <i>Агита</i> – л.пр.р. <i>Куэнга</i> , р. <i>Агуца</i> , р. <i>Агуцакан</i> – пр.р. <i>Акша</i> , р. <i>Акекан</i> – пр.пр.р. <i>Нерча</i> , р. <i>Акима</i> – пр.пр.р. <i>Нерча</i> , с. <i>Акима</i> , р. <i>Аку</i> – пр. пр. р. <i>Калакан</i>
Итого топонимов:		13

2.3.4. Лимнологические термины

Лимнологическая терминология служит для обозначения озёрных образований. В бурятской географической терминологии имеется ряд лимнологических терминов, имеющих, на наш взгляд, очевидные лексико-семантические параллели в самодийских языках.

Среди бурятских лимнологических терминов можно отметить апеллятивное *тоором* ‘горько-солёное озерко’, которыми изобилует Забайкалье. Вслед за Р.Г. Жамсарановой считаем, что схожими по лексико-семантическим признакам с данным термином могут быть самодийские термины *то-/ту-* ‘озеро’ /сельк./ и *tō/нен./* Отметим, что среди следующих топонимов, функционирующих в основном, в Могойтуйском и Агинском районах – местах компактного проживания бурят, наличествуют следующие топонимы: оз. *Аруйн-Торум*, оз. *Бага-Тором*, оз. *Шара-Торум*, ур. *Гансе-Нарасен-Тором*, оз. *Ирен-Тором*, оз. *Ирен-Торум*, п. *Сохор-Тором* (Агн. р-н), п. *Арын-Тором*, п. *Шара-Тором* (Мгт. р-н), оз. *Большой Торум*, оз. *Василь-Тором 1-ое*, оз. *Василь-Тором 2-ое*, оз. *Ару-Торум*, оз. *Барун-Торей*, оз. *Зун-Торей* (Онн. р-н), р. *Торята* – л.пр.р. Согтуй (Длд. р-н), р. *Тара* – пр.р. Кара, р. *Тора Большая*, р. *Тора Малая* (впад. в р. Чара), р. *Торочан*, р. *Тура* – пр.пр.р. Ингода, р. *Туров* – пр.пр.р. Унда, часть которых этимологизируется как из селькупского, так и из ненецкого языка от терминированных основ *то~тō, ту* ‘озеро’ /сельк./ [205, С. 240], *tōр, tōр* ‘озеро’ /сельк./ [205, С. 243] и *tō* /нен. [75, С. 73].

Интересно отметить, что бурятский диалектный термин *тором* (хорин. диал.) отсутствует в других монгольских языках, что позволяет предполагать о его наличии именно в бурятском языке как явлении конвергентного характера. Полагают, что на формирование этого и других терминов могли оказать влияние какие-то самодийские языки. Этот вывод обусловлен наличием лексико-семантических параллелей в бурятско-селькупской терминологии родства и других разрядов лексики, включая и глаголы [84].

Определённый интерес вызывают географические реалии северных рек бассейна реки Чары. Реки *Большая Тора*, *Малая Тора*, *Торочан*, которые берут своё начало с Кодарского хребта, стекают из расположенных на хребте маленьких озерков. Данное полевое наблюдение иллюстрирует распространённое в топонимике явление перехода изначально лимнологического термина в гидронимический. В этом случае можно говорить о типичном примере лексико-семантического сдвига – перехода семантики одного географического объекта на другой (озеро→река) – случай, достаточно распространённый в топонимии [75, С. 73].

Следующим лимнологическим термином, вызывающим исследовательский интерес, является общемонгольский термин *нуур* ‘озеро’. Топонимическая система исследуемого региона богата географическими названиями, в основе которых лежит данный термин: ур. *Будунэ-Нур*, оз. *Гиелын-Хидачей-Нор* (г.-сол.), оз. *Дотней-Нор*, оз. *Дунда-Нур*, оз. *Зун-Нур* (г.-сол.), оз. *Малый Цаган-Нор*, оз. *Оту-Нор* (Агн. р-н), оз. *Барун-Нур*, оз. *Джиран-Нур* (сол.), оз. *Зун-Нор*, оз. *Цаган-Нор* (г.-сол.) (Мгт. р-н). В селькупском языке типологически схожим с бурятским термином *нуур* ‘озеро’ может быть самодийский термин *н’ар* (*н’аррь’*) ‘болото’ [75, С. 67].

Немаловажно отметить, что в первом монгольско-русском словаре К.Ф. Голстунского зафиксирован старописьменный монгольский термин *науир* ‘пруд; озеро’ [46], встречающийся в составе ойконимов Хоринской Степной Думы 1897 года: *Нагурь*, *Бага-Нагурь*, *Хутуль-Норь*, *Цаган-Норь*. Данный гидронимический термин обнаруживает лексико-семантические параллели с селькупским *нагурит* ‘трясина’ [205, С. 139], который, в свою очередь, можно сопоставить с бурятским термином *нуур* ‘озеро’.

В тунгусо-маньчжурских языках, в частности, эвенском, функционируют следующие географические термины: *нирукаг* (диал.) ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’, *нярукаг* ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’, *нярги* (диал.) ‘перекат, мель, порог на реке; брод, переправа’ [211, С. 62-63], имеющие лексико-семантическое сходство с вышеуказанными лексемами бурятского *нуур* ‘озеро’ и селькупского *н’ар* (*н’аррь’*) ‘озеро’.

Причиной обнаруженных в корпусе географической терминологии монгольских и самодийских языков лексико-семантических параллелей, вероятно, является процесс родо-видового сдвига исходного термина самодийского происхождения в монгольских языках, с одной стороны, и как заимствование в результате диахронных межъязыковых связей, с другой.

Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике лимнологического характера представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике лимнологического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края		
алтайские	самодийские	оронимы	орографы	гидронимы
<i>нирй</i> ‘ямка, впадинка’, <i>нирэ</i> ‘болотистая поляна в лесу; прогалина в прибрежных зарослях’, <i>нирукаг</i> (диал.) ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; <i>нярукаг</i> ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; <i>нярги</i> (диал.) ‘перекат, мель, порог на реке; брод, переправа’ <i>нуур</i> ‘озеро’/бур./	<i>н’ар</i> (<i>н’аррь</i>) ‘болото’/сельк./, <i>няр~нярры</i> ‘болото’/сельк./	п. <i>Нортуй</i> (Алек.-Зв. р-н)		
		п. <i>Нарын</i> , п. <i>Нарака</i> , п. <i>Нарасатуй</i> , п. <i>Нарын-Джилга</i> , п. <i>Нарсатуй</i> , п. <i>Нарын-Хошун</i>		р. <i>Нарака</i>
		п. <i>Нарынская</i> , п. <i>Нарын</i> (Шлк. р-н)	г. <i>Наротуй</i> (Крнск. р-н)	
				р. <i>Нурингнакан</i> – л.пр.р. <i>Чара</i>
Итого топонимов:		12		
<i>пауир</i> ‘озеро’/стп.-монг./	<i>нагурит</i> ‘трясина’/сельк./	<i>Нагурь</i> , <i>Бага-Нагурь</i> , <i>Хутуль-Норь</i> , <i>Цаган-Норь</i>		
		Итого топонимов:		
Итого топонимов:		4		
<i>тоором</i> ‘горько-солёное озерко’/бур./	<i>то~тō</i> , <i>ту</i> ‘озеро’, <i>тōр</i> , <i>тōр</i> /сельк./ и <i>тō</i> ‘озеро’/нен./	оронимы	гидронимы	лимнонимы
		ур. <i>Гансе-Нарасен-Тором</i> ,	р. <i>Тара</i> – пр.р. <i>Кара</i> , р. <i>Тора</i>	<i>Аруйн-Торум</i> , оз. <i>Бага-</i>

		п. <i>Сохор-Тором</i> , п. <i>Арын-Тором</i> , п. <i>Шара-Тором</i>	<i>Большая</i> , р. <i>Тора</i> <i>Малая</i>	<i>Тором</i> , оз. <i>Шара-Торум</i> , оз. <i>Барун-Торей</i> , оз. <i>Зун-Торей</i> , оз. <i>Ирен-Тором</i> , оз. <i>Ирен-Торум</i>
Итого топонимов:		14		

2.3.5. Тельмографические термины

Тельмографические термины служат для обозначения заболоченных, болотистых местностей. В региональной топонимии тельмографические термины в составе топономастической лексики представлены преимущественно в местах компактного проживания бурят. Обнаруживаемая в топономастической лексике развитая тельмографическая терминология предопределяет возможность сопоставления с таковой в селькупской системе, где преобладает лексика, связанная с именованьем болот, топких кочковатых местностей с древесной растительностью, болотистых речных русел и др.

К субстратным названиям самодийского языкового происхождения также, предположительно, можно отнести следующие: руч. *Шэбэртуй* Балыринский, д. *Шэбэртуй*, оз. *Шабартай*, п. *Шабартай*, р. *Шабартуй*, ур. *Шаборттай Большой*, ур. *Шаборттай Малый*, с. *Шебартуй 2-й*, г. *Шэбэртуй*, р. *Шеварца* – л.пр.р. Горбица, р. *Шивырна* – л.пр.р. Цагашкина, п. *Нижний Шиверчей*, п. *Верхний Шиверчей*, п. *Шовырна*, п. *Шовырна*, руч. *Шавары* – л.пр.р. Ингода, п. *Средний Шавардай*, хр. *Шиварды-Урды*, п. *Шивертуй*. Как считает Р.Г. Жамсаранова, данные топонимы, вероятно, обнаруживают в своей основе селькупский лимнологический термин *чвор~чъвор~чъвэр* ‘чвор (большое озеро с истоком)’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной’; ‘узкое длинное озеро’; ‘протока в пойме реки’; ‘старое русло реки, старица’ [205, С. 278].

Причём, как замечает исследователь, распространённость гидронимических названий типа *Шивыр/Шивертуй* по всей территории Забайкалья может свидетельствовать о трансферентно-интерферентном характере образования данных названий. Если иметь в виду, что в бурятской топонимии, имеющей ареальную обусловленность, встречаются названия как, например, р. *Шивертуй*, где топооснова *шивыр-+-туй* /бур./ трактуется буквально как «место/река с низменной, сырой местностью», обнаруживая постепенный переход исходного селькупского термина в язык-«приемник», то топонимы типа *Шивыр* или *Шибирь*, распространённые вне территории компактного проживания бурят, иллюстрируют наличие самодийского субстрата [75, С. 69].

Это явление очевидно на примере анализа микротопонимических названий, обнаруживающих наличие явлений конвергентного характера. Последнее обусловило процесс трансферентного характера, объясняющего во многом наличие синхронических коррелятов *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’ /бур./ с селькупским *чвор~чвор~чвэр* ‘чвор (большое озеро с истоком)’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной’; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’ [205, С. 278].

Топонимы типа р. *Аса-Шибирь*, оз. *Барун-Шэбэртуй*, п. *Большой Шавардай*, п. *Зун Шабартуй*, р. *Зун Шабартуй*, оз. *Зун-Шэбэртуй*, п. *Дунда-Шабартуй*, п. *Ела-Шабартуй*, р. *Ехэ-Шэбэр* можно отнести как к суперстратным, так и к субстратным. Более вероятно последнее предположение в отношении топонимов с термином *шивыр* в своей основе, распространённых в Шилкинском, Сретенском районах, которые имеют право быть отнесёнными к субстратным [80, С. 69].

Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера представлены в таблице 8.

Таблица 8 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края			
монгольские	самодийские	Оронимы	гидронимы	лимнонимы	ойконимы
<i>шэбэр</i> ‘низкое место с чашей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’/бур./	<i>чвор~чвьэр~сво р~тьвэр~төр</i> ‘большое озеро с истоком’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’ /сельк./	п. <i>Шабартай</i> , п. <i>Шывыртай</i> (Крн. р-н)	руч. <i>Шэбэртуй</i> <i>Балыринский</i> – л.пр.р. Былыра, р. <i>Ехэ-Шэбэр</i> – пр.пр.р. Кыра	оз. <i>Шабартай</i>	д. <i>Шэбэрту</i> <i>й</i>
		п. <i>Большая Шиварчи</i> , п. <i>Малая Шиварчи</i> , п. <i>Верхний Шивырчей</i> , п. <i>Харашивыр</i> , п. <i>Шивертей</i> (Шлк. р-н)	р. <i>Хара-Шэбэр</i> – пр.р. Ингода, р. <i>Шивача</i> – пр.пр.р. Шилка		
		(Мгч. р-н)	р. <i>Шивырна</i> – пр.пр.р. Ульдыгича, п., р. <i>Шавырная</i> – пр.пр.р. Малый Урюм		
				оз. <i>Зун-Шэбэртуй</i> (Брз. р-н)	
		п. <i>Нарин-Шебер</i> (Приарг. р-н)			
			р. <i>Шеварца</i> – л.пр.р. Горбица (Чрнш. р-н)		
		п. <i>Нижний Шиверчей</i> , п. <i>Верхний Шиверчей</i> , п. <i>Шовырна</i> (Нрч. р-н)	р. <i>Шивырна</i> – л.пр.р. Цагашкина		
		Итого топонимов:	22		

Лексико-семантические параллели в топонимической лексике тельмографического характера: *шэбэр* ‘низкое место с чашей, густым

непроходимым лесом; болото (в лесу) ‘/бур./ и *чвор~чвор~чвэр* ‘чвор (большое озеро с истоком)’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной’; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’/сельк./ дают основание предполагать о первичности именно самодийского термина. Функционируют данные термины в составе топонимов

по востоку края: *Шивырна*, р. – пр.пр.р. Ульдыгича, *Шавырная*, п., р. – пр.пр.р. *Малый Урюм* (Мгч. р-н);

по югу края: *Куку Шивэр*, п., *Шевертуй*, п., *Шывырсутуй*, п. (Онн. р-н); *Ехэ-Шэбэр*, р. – пр.пр.р. Кыра, *Шабартай*, оз., п., *Шывыртай*, п., *Шэбэртуй* *Балыринский* руч. – л.пр.р. Былыра, *Шэбэртуй*, д. (Крн. р-н);

по юго-востоку края: *Живарки*, п. *Шовырна*, п. (Срт.), *Зун-Шэбэртуй*, оз. (Брз. р-н), *Нарин-Шебер*, п. (Приарг. р-н);

по центру края: *Большая Шиварчи*, п. *Малая Шиварчи*, п. *Верхний Шивырчей*, п., *Харашивыр*, п., *Хара-Шэбэр*, р.-пр.р. Ингода, *Шивертей*, п. *Шивача*, р. – пр.пр.р. Шилка, *Шеварца*, р. – л.пр.р. Горбица (Шлк. р-н); *Шивырна*, р. – л.пр.р. Цагашкина (Нрч. р-н);

Другим тельмографическим термином, распространённым только в среде компактного проживания бурят, является апеллятивное *сункок* ‘ключ в реке, маленькое глубокое топкое место’; ‘глубокий омут’; ‘прорубь’ [ПМА, Жамсаранова Р.Г. 2010]. Предположительно, данный термин является основой следующих региональных топонимов: оз. *Сангошка*, п. *Сенкокуча*, п. *Сонгич*, п. *Сангинная*, руч. *Сангошкин*, д. *Самкак*, р. *Санга Южная* – л.пр.р. Ингода, р. *Санга-Гуйлон* – л.пр.р. Джимибирка, р. *Сангинак* – пр.пр.р. Нерча, р. *Санга*, оз. *Сангошка*, п. *Сонкока*, кл. *Сонкокский*, оз. *Сункурун*, п. *Сункосок*, р. *Санга*, р. *Сенкоуча* – пр.пр.р. Унда, г. *Сангина*.

В «Словаре русских говоров Забайкалья» Л.Э. Элиасова зафиксировано близкое по семантике к апеллятиву *сункок* термин *сунгай* ‘пологий пережат на реке’ [275, С. 399]. В тунгусо-маньчжурских языках, в частности, эвенкийском, зафиксировано апеллятивное *сунгта*, *сунгтар* ‘глубина’; ‘глубокий’ [32, С. 620], что

согласуется со значением лексикографически незафиксированного термина *сункок* ‘ключ в реке, маленькое глубокое топкое место’; ‘глубокий омут’; ‘прорубь’.

Предположение об агглютинативном характере бурятского терминованного *сункок* позволяет полагать, что в составе термина лежит тюрк. *су(суг/суб)* ‘вода в значении река’ и кет. диал. *коққа* ‘глубокая яма, где водится рыба’ селькупского языка [68, С. 6-10]. Языковое происхождение первой части географического термина *сункок* -*су*, возможно связать с пратюркским названием воды *su:w* (древне-тюрк. *sub, suw, suy*, турецкое *su*, кар. *suw*, хакасское *suу*, якут. *и*; чувашское *şuw*, диал. *şu, şuw* и т.д.) [214, С. 88].

Не исключено, что апеллятив *сункока* является производным от неких ранее функционировавших лексем неких более древних языков. Территориальное употребление данного апеллятива, вероятно, в каких-то иных сибирских (возможно, вымерших) языках могло сохраниться в форме близкого по значению слова-термина *сункок*.

В следующих топонимах разных классов – гидронимах, лимнонимах, оронимах как производных от слова-термина *сункок*: р. *Санга*, г. *Сангина*, р. *Сангинак* – пр.р. Нерча, п. *Сангинная*, п. *Сонгич* (Олв. р-н), оз. *Сангошка*, р. *Сангошкин* (Крн. р-н), р. *Сенкоуча* (Шлп. р-н), р. *Санга Южная* – л.пр.р. Ингода, р. *Санга-Гуйлон* – л.пр.р. Джимибирка, р. *Сангинак* – пр.пр.р. Нерча, р. *Санга*, оз. *Сангошка* (Акш. р-н), п. *Сонкока*, кл. *Сонкокский* (Крснк. р-н.), оз. *Сункурун* (Длд. р-н.), п. *Сункосок*, р. *Санга* (Чтн. р-н), р. *Сенкоуча* – пр.пр.р. Унда, г. *Сангина* (Блск. р-н), руч. *Сангошкин*, д. *Самкак* (Крн. р-н.), п. *Сенкоуча* п. *Сенкоуча*, р. *Сенкоуча*, п. *Сонкока*, кл. *Сонкокский*, кл. *Сонкокский*, п. *Сонкока*, оз. *Сункурун*, *Сункосок* (микротопоним в окрестностях д. Тасей), *Сумкак* (в топонимах) наличие аффиксов русского языка обнаруживает явление псевдоморфологизации как условие «приспособления» субстратного топонима.

Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера представлены в таблице 8.1.

Таблица 8.1 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера

Местные географические термины		Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края					
монгольские	самодийские						
— — р	<i>kǒkʷin</i> ‘лужа, пруд’/ стп.-монг./	<i>коққа</i> ‘глубокая яма, где водится рыба’/кет. диал./	оронимы	орографы	гидронимы	лимнонимы	ойконимы
			п. <i>Сенкокуча</i> , п. <i>Сонгич</i> , п. <i>Сангинная</i> , п. <i>Сонкока</i> , п. <i>Сункосок</i>	г. <i>Сангина</i> <i>а</i>	руч. <i>Сангошкин</i> , р. <i>Санга Южная</i> – л.пр.р. Ингода, р. <i>Санга-Гуйлон</i> – л.пр.р. Джимигирка, р. <i>Сангинак</i> – пр.пр.р. Нерча, р. <i>Санга</i> , р. <i>Санга</i> , р. <i>Сенкоуча</i> – пр.пр.р. Унда, кл. <i>Сонкокский</i>	оз. <i>Сангошка</i> , оз. <i>Сункурун</i> , оз. <i>Сангошка</i>	д. <i>Самкак</i>
Итого топонимов:		19					

Следующим тельмографическим термином в монгольских языках считается бурятское терминованное *балшаг* ‘грязь, тина, лужа’ [259, С. 89], монгольское *балчиг* ‘топкое болотное место’ [24, С. 355]. Данные термины стали основой следующих топонимов Забайкалья: р. *Бальджа*, р. *Бальджиканка*, р. *Бальжа*, с. *Бальзай* (Улт. р-н.), с. *Бальзино*, оз. *Бальзинское* (Длд. р-н), р. *Бальзир Верхний*, р. *Бальзир Нижний*, р. *Бальзир Средний*, п. *Бальджик* (Блск. р-н.), *Онон-Бальджиканский* хр. (Крн. р-н) [ТКЗ]. Семантически сходным с бурят-монгольским *балшаг* / *балчиг* может быть селькупское *пальтя-пальця-пыльтя* ‘вязкая грязь’ [205, С. 179], *полхак* ‘чаща’ [205, С. 191], обнаруживая тем самым лексико-семантическую близость бурятского с селькупским языком на примере географической терминологии. Из приводимого ряда географических имён собственных очевидно влияние русского языка на адаптацию субстратных терминов, монгольских по происхождению. При этом не исключена и вероятность

переосмысления самодийских в языке-реципиенте – монгольском или бурятском, предполагая о самоедоязычном прошлом монгольских народов.

Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера представлены в таблице 8.2.

Таблица 8.2 – Лексико-семантические сопоставительные ряды в топонимической лексике тельмографического характера

Местные географические термины				Верифицированность терминов в топонимах Забайкальского края				
монгольские		самодийские		орографы	оронимы	гидронимы	лимнонимы	ойконимы
beɮci (	balciy 'грязь, тина'/с тп.- монг./	балчиг 'топкое болотное место'/ монг./, <i>балшиг</i> 'грязь, тина, лужа'/ бур./	кал'джь 'топкое, кочковатое место с древесной растительностью', <i>калжэ</i> 'кочка, топкое место с кочками'; <i>калжэ~калжэ~кальже</i> 'кочка, топкое место с кочками'; <i>калжэзан</i> 'сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками')'/сельк./ <i>пальця/ пальтя</i> 'вязкая грязь'/сельк./	орографы	оронимы	гидронимы	лимнонимы	ойконимы
				хр. <i>Онон-Бальджиканский</i>		р. <i>Бальджа</i> , р. <i>Бальджиканка</i> , р. <i>Бальжа</i> ,	оз. <i>Бальзино</i>	с. <i>Бальзай</i> (Крн. р-н), с. <i>Бальзино</i> (Длд. р-н)
					п. <i>Большой</i> (Блск. р-н)	р. <i>Бальзир Верхний</i> , р. <i>Бальзир Нижний</i> , р. <i>Бальзир Средний</i>		
Итого топонимов:				8				

2.4. Семантическое переосмысление как пример «народной (ложной) этимологии»

Известно, что при вхождении субстратного апеллятива в систему «принимающего» языка, помимо фонетико-морфологической адаптации, происходит и семантическая адаптация в виде переосмысления исходного значения топонима. Подобное случается и с топономастической лексикой субстратного происхождения, когда «приобретая» морфологические признаки принимающего языка или ввиду звукового сближения субстратного апеллятива с суперстратным, возникает «сбой» между семантическими связями. Другими словами, происходит утрата первоначальной внутренней формы термина, а значит и топонима под воздействием переосмысления в сознании носителей языка-реципиента.

В результате этого возникают разного рода народно-этимологические перестройки в речевом синхронном сознании носителей того или иного языка, являющиеся следствием изменений в структуре и семантике субстратного топонима. Так, к примеру, гидроним *Кадала* – пр.р. Ингода, от которого образованы гидронимы *Кадала* (Чтн. р-н), разрез *Кадалинский*, жд. ст. *Кадала* (Чтн. р-н), в речи носителей бурятского языка обыкновенно, произносится как *Хадаала*. В современном языковом сознании бурят эти топонимы (ойконимы, гидронимы) ст. *Кадала*, р. *Кадалинка*, *Кадахта*, *Хадахта* воспринимаются как двусоставной бурятский топоним отапеллятивного происхождения. Присущая бурятскому языку гармония гласных обусловила толкование названия как двусоставного, где морфема *Хада-* трактуется как ‘гора’ + *-ала* <уул(а) ‘гора’, т. е. ‘речка, сбегаящая с горы’ [80, С. 65]. Однако это пример «народной (ложной) этимологии». Более убедительной является трактовка этих гидронимов от селькупского *қодэ* ‘река’.

И.А. Воробьева считает, что «устное восприятие незнакомого слова вызывает варьирование его звукового комплекса (например, *Сургундат*, *Сыргундат*, *Серкундат*). Варьирование в начальный период заимствования происходит тогда, когда в воспринимаемом топониме имеются звуки, не

характерные для воспринимающего языка; жители интуитивно выбирают наиболее приемлемый вариант произношения данного названия» [36, С. 127-129].

Подобное явление наблюдается и с ойконимом *Маргуцек* Краснокаменского района. Согласно рассказам местных жителей название населённого пункта, якобы, от бурятского атрибутивного *мүргэдэг* 'бодающийся' [13]. Визуальный обзор хребта в виде двух бычьих голов, сцепившихся рогами, представляют собой две возвышенности у селения *Маргуцек* [ПМА Дыжитова 2010-2013].

Утрата первоначального мотивировочного признака топонима вследствие произошедшей десемантизации и является основой появления народной (ложной) этимологии. Человек вынужден выдумывать новые мотивировочные признаки для повторной номинации конкретного физико-географического объекта, «объясняющей» значение того или иного названия. При этом очевидно противоречие между исходным семантическим значением топонима и последующим псевдозначением. Желание объяснить псевдозначение и порождает моменты «народной этимологии», «ложной этимологии», а также мифы и предания, в которых переплетены вымысел и факты давно ушедших эпох или случайных бытовых моментов жизни человека.

Поэтому простое звуковое сходство селькупского *мырғыттоаң* 'хребет (горный)' с бурятским *мүргэдэг* 'бодающийся' и обусловило появление позднего значения топонима в виде народной этимологии, в основе которого лежит метафорическое восприятие горного хребта в виде сцепившихся рогами бычьих голов. Любопытно, что в двух километрах на северо-запад от с. *Маргуцек* располагается Кличкинский хребет. Полевой осмотр местности, где расположено селение Маргуцек, показал наличие массивного горного хребта. В качестве предположения можно высказать, что первоначальное название хребта звучало как селькупское *мырғыттоаң* 'хребет (горный)'. Уже в позднее время это горное образование было переименовано в честь исследователя-первооткрывателя Ф.Н. Кличко, что и было зафиксировано картографически как хребет Кличкинский [67, С. 23].

Другим небезынтересным примером псевдонаречения является название поселка *Карымское* Забайкальского края. Принято считать этот топоним как этнотопоним (от бурятского *харим* ‘чужак’, то есть человек, рождённый от метисного брака). Р.Г. Жамсаранова полагает, что в основе топонима лежит географический термин кетского языка *қаремь* (*қарем*), обозначающий ровное, просторное, равнинное место, что согласуется с физико-географическими характеристиками места расположения. Топоним *Карымск* функционирует на территории Республики Бурятия. В «Ведомости об инородческом населении Верхнеудинского округа...» от 1897 года зафиксирован ойконим *Карымское*.

В архивном документе 1897 года приведены названия улусов: *Хурегать*, *Хоригадъ*, *Усть-Хоригата*, значение которых сопоставимо с самодийскими терминами *хурэгу* (*хурэга*”) ‘холм’, *хирку* ‘крутизна, склон; крутой (о склоне)’, *кыругу* ‘трещина, трещина в земле, овраг’ /нган./ . Любопытно, что один из этих вариантов нганасанского термина был явно переосмыслен бурятским языковым сознанием. К примеру, полевые материалы (опросы местных жителей) дают основание полагать о псевдосемантизации средствами уже бурятского языка. Звуковое сходство нганасанских терминов *хурэгу* (*хурэга*”) ‘холм’, *хирку* ‘крутизна, склон; крутой (о склоне)’, *кыругу* ‘трещина, трещина в земле, овраг’ с бурятским апеллятивом *хурьга(н)* ‘ягнёнок, барашек, козлёнок’ обусловило толкование названий типа *Хурегать*, *Хоригадъ*, *Усть-Хоригата* от апеллятива *хурьга(н)* ‘ягнёнок, барашек, козлёнок’ /бур./ был присоединён аффикс множественного числа в бурятском языке *-аад* ‘ягнята’ или ‘козлята’, *Хурьгаад* > *Кургаты* (т.е. дословно ‘пади, где водятся козлята’). Подобный принцип очевиден в толковании значения топонима *Хандагайка*, п., р. (Хлк. р-н) (от *хандагай* «лось» /бур./, досл. ‘падъ, где водится лось’). Это примеры явной утраты исконного, первоначального значения субстратного топонима и примеры «приспособления» самодийских апеллятивов к нормам бурятского языка – как языка-реципиента.

Топонимы *Хандагайка* предпочтительно толковать из лексических средств нганасанского языка, где термин *хандайкуо* означает ‘плоская возвышенность’, а не от бурятского *хандагай* ‘лось’. Осмотр физико-географических реалий этих

мест, позволяя соотнести именно физико-географические особенности возвышенного места с плоской вершиной со значением этих топонимов [77, С. 172-173], постулируя приоритетность топоосновы в качестве топоосновы.

На территории исследуемого региона функционируют следующие названия: оз. *Чандагатай Малый*, оз. *Чандагатай Большой* (Крн. р-н), ур. *Чиндагатай* (Онн. р-н), п. *Малый Чиндагатай*, д. *Чиндагатай*, р. *Чиндагатай*, п. *Чиндагатуйская* (Алек.-Зв. р-н), которые обычно трактуются от бурятского *шандаган* ‘заяц’ или монгольского *чандага(н)* ‘заяц-беляк’. К тому же к основе *чандаган* был присоединён суффикс *-тай/-туй* со значением собирательности (что и было интерпретировано как место, где водятся зайцы). Однако эти топонимы также являют собой процесс переосмысления посредством бурятского языкового сознания. Вероятнее всего предполагать о самодийском языковом происхождении данных топонимов. В селькупском языке присутствует гидронимический термин *-шынт (-шунд’ь)* ‘речка, вытекающая из болота’ [205, С. 300], который и может быть тем субстратным географическим термином, лёгшим в основу данных географических названий.

Названия падей *Лапочкина* (Чтн. р-н), *Большие Лопатки* (Крм. р-н) по физико-географическим характеристикам возможно семантизировать от ненецкого *лабта* ‘равнина, плоская низменность, низина’ [80, С. 30]. Физико-географическая характеристика пади Лапочкина соответствует предлагаемой трактовке от ненецкого *лабта*, так как падь является равнинной, плоской местностью на склоне Яблонового хребта. В архивных документах не обнаружено доказательных данных об отантропонимном происхождении этого топонима.

Ряд географических названий, к примеру, г. *Тэмэн-Кузун* (Крн. р-н), оз. *Тыменское*, р. *Тума-Джипкоша* (Акш. р-н), п. *Таменга*, ур. *Таменга*, р. *Таменга* (Олв. р-н), р. *Таменга* – л.пр.р. Турга, г. *Тымон-Хада*, ур. *Тэмэтуй* (Агн. р-н), п. *Тэмэн-Хундуй* (Брз. р-н), хр. *Тэмээн-Нюрган* (Чтн. р-н), хр. *Тэмээн-Нюрган* (Мгт. р-н), обычно связывают семантически с *тэмээ(н)* ‘верблюды’. Однако эти места не являются степными или пустынными, которые, как известно, пригодны для разведения верблюдов, что исключает наличие «верблюдных» топонимов.

Полагаем, вслед за Р.Г. Жамсарановой, что данные топонимы образованы от селькупского гидронимического термина *тэм* ‘протока’ [205, С. 250]. Вследствие деэтимологизации топонимов исходный самодийский термин был переосмыслен под влиянием бурятского языка.

Такие названия, как, например, р. *Холтысон* – л.пр.р. *Худан* (басс. р. Селенга), р. *Халтуй*, р. *Калекта*, с. *Калдага*, р. *Калтыя*, р. *Колтомой*, р. *Большой Колтомой*, ур. *Колтомой*, п. *Колтомокон* возможно объединить в один семантический ряд с трактовкой от селькупского термина *колд* ‘большая река’ [205, С. 46], который лексически сопоставим с бурятским атрибутивом *хэлтэгы* ‘наклонный, покатый, отлогий; покосившийся, кривой, косой’. Видимо, явлением межъязыковой омонимии и можно объяснить трактовку топонимов типа *Халтуй*, *Калтыя*, *Калтомой* как «наклонных, покатых, отлогих» и т.д., что не соответствует реалиям географических объектов. При этом ареал распространения данных топонимов не обнаруживает наличия бурятских названий.

Следующий ряд названий связан с северно-самодийскими лимнологическими терминами. Нганасанское терминованное *турку* ‘озеро’ явилось топоосновой для следующих топонимов: р. *Турга* – пр.р. Оловянная, с. *Турга* (Блск. р-н), с. *Турген*, п. *Туркакича*, ст. *Тургутуй*, р. *Тургутуй* – пр.р. Ингода, оз. *Турга* (Чтн. р-н), с. *Тыргетуй* (Крм. р-н), г. *Турхэнэг*, р. *Туркакича*, оз. *Дурбачи*, с. *Дурбачи* (исчез.) (Брз. р-н) и проч. Семантическое разнообразие топонимического ряда связано с процессом транстопонимизации, позволяющего одному разряду топонима переходить в другой разряд. Полагаем, что первичное гидронимное или лимнонимное название становится именем и пади, и поселения, и даже горы. Из морфологической структуры географических названий очевидно, что замена самодийского *к-* на *г-* обусловлена фонетическими нормами принимающего бурятского языка. Относительно хорошая сохранность термина-субстрата в топонимической системе языка-реципиента (бурятского) свидетельствует в пользу возможного билингвизма автохтонного населения края [80, С. 114].

Принимая во внимание определённую сложность, вызванную как изменениями морфологической структуры топонимов, так и семантизацией

топонимического материала, остаётся убеждение, что содержащийся в основе современных топонимов субстратный детерминант обладает наибольшей сохранностью первоначального значения топонима. Так, к примеру, к нганасанскому лимнологическому термину *турку* ‘озеро’ легко присоединяются суффиксы бурятского языка *-туй* (*Тургутуй*, *Тыргетуй*), эвенкийского языка – *кича* (*Туркакича*). Звуковое сходство нганасанского *турку* с бурятским атрибутивом *түргэн* ‘быстрый’, вероятно, послужила трактовкой при этимологизации названия села *Турген*, к примеру.

Таким образом, результаты имеющихся исследований по субстратной топонимии региона исключают однозначность определения исследуемого региона как территории, где в топонимии функционируют названия только, якобы, алтайских языков. Краткий обзор топонимической лексики Восточного Забайкалья обнаруживает наличие субстратной лексики как южно-самодийского, так и северно-самодийского языкового происхождения.

Согласно комплексному исследованию топонимии Восточного Забайкалья Р.Г. Жамсарановой было установлено, что топонимы самодийского происхождения распространены преимущественно в северо-восточных и центральных районах Забайкальского края, наиболее плотно в долинах крупных рек, спорадически встречаются они в юго-восточных и западных районах. Самодийские топонимы представлены названиями, этимологизируемыми, в основном, из современных селькупского, ненецкого, нганасанского языков [80, С. 56]. Также отметим, что наибольшее количество лексико-семантических параллелей наличествует именно в корпусе гидронимических терминов монгольских и самодийских языков.

Бесспорно, что древние топонимы отражают специфику мировосприятия носителей языка той или иной эпохи. Они сохраняют при этом в себе первичную информацию о физико-географических реалиях окружающей природы. Позднее топонимы стали отражать мировосприятие, связанное с общественной и духовной жизнедеятельностью человека.

Обнаружившиеся в составе ойконимов Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа 1897 года старомонгольские географические термины в

сопоставлении с субстратными апеллятивами, имеющими материальное лексико-семантическое сходство, дают возможность предполагать о наличии древних языковых контактов монгольских и каких-то самодийских племён на территории Циркумбайкалья. Не исключено предположение, что старописьменный монгольский язык зафиксировал в своём лексическом фонде былой переходный момент между монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и самодийскими языками предполагаемого диахронного урало-алтайского союза на территории Циркумбайкалья.

Исследование языковых контактов, как справедливо отмечает Е.И. Убрятова, в плане диахронии способно осветить определённые этапы исторического развития того или иного народа; результаты такого исследования могут быть использованы как исторические свидетельства. Языковые контакты отражают особенности восприятия хозяйственного уклада, быта, элементов духовной культуры соседствующих народов, следовательно, возможно говорить о том, что язык является средством закрепления этногенетического процесса [235].

Таким образом, сравнительно-сопоставительное исследование топономастической лексики показало, что наличие субстратного самодийского начала в топонимах и географических терминах очевидно. Важную роль при семантизации субстратных географических названий имеет установление детерминанта – географического термина. Топономастическая лексика алтайской языковой общности преимущественно связана с распространением орографической, оронимической и гидронимической терминологии, обусловленной хозяйственно-бытовым укладом жизни тюрко-монгольских народов. В лингвистическом аспекте в сравниваемой топономастической лексике наблюдается сохранность фонологических и морфологических структур. В семантическом отношении отмечается достаточно развитое явление трансференции в корпусе топонимов и терминов алтайских языков региона, а также моментов семантического переосмысления.

Анализ топономастической лексики Восточного Забайкалья, связанной языковым происхождением не только с алтайскими языками, но и уральскими,

показал наличие лексико-семантических параллелей бурятских географических терминов с самодийскими (селькупскими, ненецкими, нганасанскими) и с кетскими. Сопоставление монголоязычной топонимической лексики с субстратной и выявление типологического сходства и различия в морфонологической и семантической организации географической терминологии позволяет говорить о неоднозначности решений по вопросам истории становления бурятского языка.

Выводы по главе 2

1. Изученное состояние топонимической лексики Восточного Забайкалья, как исторически обусловленной этнолингвистической преемственностью топонимов, позволяет сделать следующие выводы:

а) в географической терминологии орографического характера обнаруживается очевидная лексико-семантическая преемственность апеллятивной лексики в качестве географической терминологии орографического характера (23 ед.):

б) в географической терминологии оронимического характера (17 ед.) наблюдается семантическая вариативность, обусловленная, по-видимому, диалектными особенностями внутри алтайских языков региона.

в) в географической терминологии гидронимического характера (11 ед.) обнаруживается наличие родо-видового сдвига, помимо естественной языковой преемственности.

2. Сопоставительный анализ топонимической лексики Восточного Забайкалья выявил наличие самодийско-монгольских лексико-семантических параллелей. Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели, обнаруженные в корпусе географической терминологии, представлены в таблицах 9-13.

Таблица 9 – Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели в
орографических терминах

Орографические термины (20 ед.)					
алтайское		начение		самодийское	значение
<i>шэлэ</i>		‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’/бур./		<i>чял</i>	‘опушка (леса)’/сельк./
<i>шил-</i>		‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’/монг./			
<i>Жанка</i>		‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвен./		<i>sarqı</i>	‘ложбина, седловина’/сельк./
<i>чэпкэ-ки</i>		‘болото (во впадине, в лощине)’/эвенк./			
<i>чэпкэ*</i>		‘яма, впадина’/эвенк./			
<i>чопко~чэпки~чэпкэ</i>		1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. лощина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье’/эвенк./			
<i>жабха/шабха</i>		‘подлесок’/ ‘навоз (низменное грязное место)’/бур./			
Desiq	<i>tasiyu</i>	Desiq	<i>tasiu</i>	<i>тәсий</i>	‘нижний; находящийся внизу; низ’/нен./
	<i>ташуу</i>		‘косой, наклонный, отлогий, неровный, косогор, склон’/бур./		
Debeq	<i>dabayan</i>		‘перевал, переход через горный хребет’/стп.-монг./	<i>мырғытто аң</i>	‘хребет (горный)’ с учётом корневого значения <i>тоанты</i> ‘широкий’/сельк./
	<i>дав</i>		‘горный перевал’/монг./		
	<i>дабаа(н)</i>		‘горный перевал’/бур./		
	<i>дав-ми</i>		‘переехать через реку’/эвенк./		
	<i>добо</i>		‘холм, бугор; курган’/бур./		
	<i>добуу(н)</i>		‘возвышенное место, холм, бугор; курган’/бур./		

Таблица 10 – Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели в
оронимических терминах

Оронимические термины (15 ед.)			
алтайское	Значение	самодийское	значение
<i>тал/tal-a</i>	‘равнина, ровная местность,	<i>тэл</i>	‘склон, спуск’,

		пространство, степь'/стп.-монг./		'ложбина, котловина, впадина'/нен./
<i>tala</i>		'открытая степь, ровная земля, большая или маленькая равнина'/монг./		
<i>тала</i>		'поле, степь, равнина, открытое пространство'; 'сторона, место'/бур./		
<i>тала</i>		'равнина'/ма./		
<i>тала</i>		'солонец, узкая долина с солеными источниками'/эвенк./		
<i>таллама</i>		'гладкое место'/эвенк./		
Көпкө	<i>künger</i>	'впадина, ложбина, низина, овраг'/стп.-монг./	<i>хыңғар</i>	'углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)'/нен./
	<i>хунхэр</i>	'лог, низина, впадина'/бур./		
	<i>хонхойхо/хонхор/хонхорхой/хонхосог</i>	'иметь углубление; быть впадым'/ 'углубление, выбоина, впадина, рывина; лог, овраг; котловина' /'впадина, выемка, углубление'/ 'буерак'/бур./		
	<i>хунды</i>	'пустой, полый', 'узкая падь'/бур./	<i>ундешуньдь~унд жундь~унжэшу ньдь</i>	'ручье'/сельк./

Таблица 11 – Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели в гидронимических терминах

Гидронимические термины (10 ед.)			
алтайское	Значение	уральские	значение
<i>өзөк/үзүк</i>	'пересыхающая река'/ др.-тюрк./	<i>ас</i>	'река (большая)'/хант./
<i>ус (ан)</i>	'река, вода'/монг./		
<i>уһан</i>	'река, вода'/бур./	<i>оса</i>	'привольно, свободно; свободный, привольный'/хант./
<i>хилэ</i>	'граница; рубеж'/бур./	<i>қы~қэ</i>	'река'/сельк./
<i>агы</i>	'пещера, грот; впадина (в горах или скалах); подземная яма'/бур./	<i>акка</i>	'протока, большое длинное озеро, старица'/сельк./
<i>агуу</i>	'великий, обширный'/бур./		

Таблица 12 – Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели в лимнологических терминах

Лимнологические термины (4 ед.)			
монгольское	значение	самодийское	значение
<i>тоором</i>	‘горько-солёное озерко’/бур. диал./	<i>то-/ту-/сельк./</i>	‘озеро’
		<i>тõр, тõр /сельк./ и тõ /нен./</i>	‘озеро’

Таблица 13 – Самодийско-монгольские лексико-семантические параллели в тельмографических терминах

Тельмографические термины (8 ед.)			
монгольское	значение	самодийское	значение
<i>шэбэр</i>	‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’/бур./	<i>чвор~чвор~чвэр</i>	‘чвор (большое озеро с истоком)’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной’; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’/сельк./
<i>сункок</i>	‘ключ в реке, маленькое глубокое топкое место’; ‘глубокий омут’; ‘прорубь’/бур./	<i>коққа</i>	‘глубокая яма, где водится рыба’/кет. диал./
<i>балшаг</i>	‘грязь, тина, лужа’/бур./	<i>пальтя~пальц я~пыльтя</i>	‘вязкая грязь’/сельк./
<i>балчиг</i>	‘топкое болотное место’/монг./	<i>полхак</i>	‘чаща’/сельк./

3. Семантическое переосмысление в топонимической лексике Восточного Забайкалья привлекает апеллятивную лексику, имеющую мало общего с географической терминологией вообще, и становящуюся основой для псевдосемантизации, контаминации как результата межъязыковой омонимии.

Проявление межъязыковой омонимии в этих примерах очевидно. «Подбор» созвучных исходному субстратному термину апеллятивов языка-реципиента, включая моменты и псевдоморфологизации средствами языка-приемника, служит моментом появления т. н. «ложной» этимологии.

ГЛАВА 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОРПУСЕ ТОПОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РЕГИОНА

Цель главы – провести анализ выявленных географических терминов, ставших основой топонимов субстратного происхождения. Глава состоит из трёх параграфов, посвящённых описанию интерферентных, трансферентных и конвергентных явлений в корпусе топонимической лексики региона.

3.1. Явление интерференции в региональной топонимии

Задачей параграфа является описание интерферентных явлений в топонимической лексике в синхронии и диахронии.

Лингвистическая интерференция, как пишет Э.М. Ахунзянов, «понимается как результат взаимодействия систем и элементов систем других языков, как вторжение норм одной системы в пределы другой в условиях языковых контактов. Интерференция в широком смысле – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причём не имеет значения, идёт ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, так как интерференция может осуществляться в обоих направлениях» [10, С. 72].

При рассмотрении вопроса о различных формах взаимодействия языков в топонимии, как отмечает А.К. Матвеев, «прежде всего необходимо иметь в виду, что многоязычная по происхождению географическая номенклатура, спроецированная в функционирующую топонимическую систему языка-«победителя», отражает два ряда корреляций – синхронический, представляющий собой соотношение различных, но одновременных фактов субстратных языков, и диахронический, фиксирующий взаимодействие русских компонентов с субстратными.

Факты синхронического ряда могут возникнуть в языках-источниках в разное время, но, тем не менее, входить в одновременно функционирующие топонимические системы. Поскольку язык-победитель также мог усваивать

субстратную топонимию в разное время, постулируемый синхронический срез очень часто предстает перед нами в «искаженном» диахронией виде» [139, С. 33-34; 141, С. 110].

«Возникающие при этом диахронические корреляции, как правило, представляют исключительную ценность с точки зрения сравнительно-исторической фонетики» [141, С. 110]. Таким образом, можно разграничить два вида интерференции: синхроническую и диахроническую.

3.1.1. Синхронический вид интерференции

Синхроническая интерференция в корпусе топонимической лексики Восточного Забайкалья наблюдается на примерах языкового контактирования тунгусо-маньчжурских и самодийских языков.

3.1.1.1. Тунгусо-маньчжурские и самодийские термины

Весьма ценными для данной работы, в частности, для данного параграфа являются основные выводы и положения исследователей самодийско-тунгусо-маньчжурских языковых контактов. В работе «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» представлены более трёхсот лексико-семантических единиц контактного происхождения [7]. По мнению А.Е. Аникина и Е.А. Хелимского, «временные рамки интенсивных контактов, имевших место в эпоху, предшествовавшую распаду самодийских и тунгусо-маньчжурских языков, определены как период до рубежа н.э., о чем, свидетельствует этимологическая общность ряда элементов базисной лексики. Историческая прародина самодийцев, по мнению Е.А. Хелимского, могла располагаться «в регионе между Средней Обью и Енисеем, ориентировочно – вокруг треугольника Томск – Красноярск – Енисейск» [7, С. 17]. При этом Р.Г. Жамсаранова акцентирует мысль авторов «Самодийско-тунгусо-маньчжурских лексических связей» о том,

что в этногенезе «восточных тунгусо-маньчжуров» могли участвовать отдельные группы самодийцев, вовлечённых в процесс миграционных волн [80, С. 165-166].

Рассмотрим сопоставление следующих оронимических терминов самодийского *sarq̄i* ‘ложбина, седловина’ с тунгусо-маньчжурскими *žanka* ‘протока, канава’, ‘ложбина (между гор)’/эвен./, *чонк̄и* ‘яма, впадина, глубокая долина’/эвен./, обнаруживающих, на наш взгляд, материальное сходство. Региональный ряд следующих топонимов р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, л.пр.р. Ульдурга, п. *Жипкошикен*, п., р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга, р. *Джупкоша* – л.пр.р. Нерча, р. *Жипкое* – пр.пр.р. Алеур, р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия, р. *Депака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, р. *Малая Дипака* – л.пр.р. *Дипака*, п. *Депкагуча*, п. *Дыбыка*, п. *Чепчелтуй*, р. *Шепиултай* – л.пр.р. Ингода, г. *Бэрхэ-Их-Шопху*, с. *Шапка*, р. *Щепка*, руч. *Гепка* [ТКЗ], отнести однозначно к самодийским или тунгусо-маньчжурским довольно проблематично. Однако территориальная распространённость данных названий позволяет считать тунгусо-маньчжурским топонимами те, которые функционируют на севере и северо-востоке Забайкалья.

А.Е. Аникиным и Е.А. Хелимским в работе «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» приводятся аллолексы селькупского апеллятива и эвенского *žanka* ‘протока, канава’, ‘ложбина (между гор)’, *чонк̄и* ‘яма, впадина, глубокая долина’ в качестве заимствованных, хотя отмечается, что возможное заимствование селькупского *sarq̄i* из пратунгусо-ма. *žanka* ‘берег, граница (между сушей и водой); промежуток’, ‘щель’ вызывает сомнение [7, С. 154].

Предполагается позднее заимствование в селькупский *kapsar* ‘протока’ из эвенкийского *капчан* ‘теснина’. При этом авторы оговаривают об отсутствии полноты и точности лексикографических значений этих топографических терминов, оговаривая при этом о возможной близости селькупских и эвенкийских слов, нежели предполагают приведённые толкования (переводы) [7, С. 168].

Следующим оронимическим термином, который стал детерминантом таких топонимических названий, как р. *Лопочкина* (Чтн. р-н), п. *Большие Лопатки* (Крм. р-н), р. *Лопчакан* – л.пр.р. Лопча (Тнг.-Олкм. р-н), р. *Лобиха* – л.пр.р. Большая

Куларка (Мгч. р-н), п. *Летиндиха* (Шлк.р-н), п. *Лопатиха* (Алек.-Зв. р-н), п. *Лопатиха* (Клг. р-н) и др. является самодийское *lapta* ‘равнина’/нен./, близкое к тунгусо-маньчжурскому *лапака* ‘впадина, яма’/эвенк./ [215, С. 493]. Полагаем, что топонимы северо-востока Забайкальского края р. *Лопчакан*, р. *Лобиха*, р. *Ляпино*, п. *Лопатиха* вероятнее семантизировать от тунгусо-маньчжурского термина *лапака* ‘впадина, яма’/эвенк./, тогда как географические названия центральных районов образованы от самодийского *lapta* ‘равнина’/нен./. Якобы отантропонимные названия – р. *Ляпино*, п. *Лапочкина*, р. *Лобиха*, п. *Летиндиха*, где псевдоморфологический показатель русского языка *-ин(а)*, *-их(а)*, *-н(а)* является следствием приспособления. Полевой осмотр ландшафтной особенности данной местности позволяет заключить о совпадении значений оронимических терминов со значением субстратной топоосновы.

У авторов труда «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи» предполагается связь прасеверно-самодийского *лаптакта* ‘плоский’ (с пратунгусо-маньчжурским **lapta* ‘плоский, ровный’, характер которой недостаточно ясен: возможно, носит заимствованный характер из пратунгусо-маньчжурского в прасеверно-самодийский язык. Отмечается вероятная связь с прамонгольским **labta-* ‘быть плоским, ровным’. Русское диал. *лапта* ‘ровное место в тундре, поросшее мхом или осокой’ заимствовано из ненецкого языка [7, С. 124].

В следующих географических названиях п. *Нортуй* (Алек.-Зв. р-н), п. *Нарын*, п. *Нарака*, р. *Нарака*, п. *Нарасатуй*, п. *Нарын-Джилга*, п. *Нарсатуй*, п. *Нарын-Хошун* (Шлк. р-н), п. *Нарынская*, г. *Наротуй*, п. *Нарын* (Крснк. р-н), р. *Нурингнакан* – л.пр.р. Чара (Клр. р-н) довольно сложно однозначно отнести тот или иной топоним к тому или иному языку, учитывая материальное сходство самодийских терминов *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’/сельк./ [16], *няр~нярры* ‘болото’/сельк./ [205, С. 161] и тунгусо-маньчжурских термины *нирй* ‘ямка, впадинка’, *нирэ* ‘болотистая поляна в лесу; прогалина в прибрежных зарослях’, *няру* ‘небольшое озеро (зарастающее сфагновым мхом); небольшое заболоченное озеро’ [32, С. 296; 312]. Топоформанты, свойственные тунгусо-маньчжурским топонимам, в представленном ряду названий отсутствуют, вместо них (если

учитывать их тунгусо-маньчжурское языковое происхождение) присутствуют форманты *-туй*, *-ын*, которые «сигналят» об иной языковой принадлежности. В некоторых двусоставных топонимах (п. *Нарын-Хошун*, п. *Нарын-Джилга*) второй детерминант семантизируется из средств бурятского языка: *хошун* ‘район’ <*Хошун*, *жалга* ‘овраг’ <*Джилга*. А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский отмечают пратунгусо-маньчжурское *niāru ‘болото, топь’ как заимствованный рефлекс в прасамодийское *n’ary* ‘болото’, не исключая при этом влияние каких-то близким к тунгусо-маньчжурским языкам источников, позволяющих объяснить разницу в вокализме второго слога самодийских терминов [7, С. 49-50].

Следующая пара тельмографических терминов – маньчжурское *халчи~хали* ‘болото (травянистое, трясина)’/ма./ и самодийское *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’ /сельк./ также обнаруживают материальное сходство как в семантическом, так и в морфологическом отношении. Исходя из этого, довольно сложно «разделить» следующие топонимы по их языковой принадлежности. Предварительно, тунгусо-маньчжурские топонимы – это п. *Калчина* (Алек.-Зв. р-н), с. *Калдага*, п. *Калгачи*, с. *Кочугай* (Газ.-Зв. р-н), п. *Куладжа* (Зб. р-н), р. *Калекта* – л.пр.р. Алеур, р. *Каламея* – пр.пр.р. Куэнга (Чрнш. р-н), которые возможно трактовать от ма. *халчи~хали* ‘болото (травянистое, трясина)’.

Топооснову следующего ряда топонимов д. *Верхний Калгукан*, пос. *Калга*, р. *Калга*, п. *Калгинская*, р. *Калугукан* – пр.пр.р. Калга, д. *Нижний Калгукан* (Клг. р-н), п., р. *Калтыя*, п. *Делкадуча* (Срт. р-н), п. *Колгачи* (Шлп. р-н) можно связать с самодийским тельмографическим термином *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’/сельк./. Учитывая, что селькупский согласный звук [ж] в русском языке передаётся сочетанием звуков [дж], предполагаем, что под влиянием русского языка, в котором отсутствует фрикативное *дж*, селькупское [ж] перешло в [г], что подтверждается рядом топонимов, таких как п. *Калгачи*, д. *Верхний Калгукан*, пос. *Калга*, р. *Калга*, п. *Калгинская*, р. *Калугукан* – пр.пр.р. *Калга*, д. *Нижний Калгукан*, п. *Колгачи*, *Голготай*. В качестве формантов в данных географических названиях можно выделить распространённый аффикс со

значением уменьшительности в тунгусо-маньчжурских языках *-кан/-кон<-хан / -һон/бур./*. Под воздействием русского языка к топониму, например, п. *Калгинская*, был присоединён суффикс *-ин/-ск(ая)*.

Любопытно, что в русских говорах Забайкалья зафиксировано слово *калтус* ‘заболоченные места, трудно проходимые и представляющие большое препятствие при передвижении на равнинной долине или по водоразделам в тайге. Это преимущественно моховые болота, заросшие кустарниками и мелким лесом’ [146], обозначение которых вероятно, могло быть заимствовано из самодийских или тунгусо-маньчжурских языков в русский.

В топонимии Восточного Забайкалья функционируют топонимы – оз. *Калтус*, п. *Калтусная* (Алек.-Зв. р-н). Данные географические названия вероятно связаны с географическим термином *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’, *калжэ* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэ~калжэ~кальже* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэзан* ‘согра (сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками)’ [205, С. 35]. Под влиянием монгольских и тунгусо-маньчжурских языков селькупское *-жэ-* могло перейти в *-ч/-д/-т-*, продуцируя тем самым вариативность географических названий.

Исследователи А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский считают, что селькупское *kaaldš, kāldš* ‘низкое сырое место, курья’ заимствовано из т.-ма. *хālчи* ‘болото (высохшее)’. Русское диал. *кальджа* ‘низина, низменное заболоченное место, обычно у берега реки’ происходит от селькупского *kālča(kālza)*, дополненное сведениями о географии селькупских фактов. Другое русское диал. *калтус* ‘не слишком вязкое болото’ опосредованно связано с селькупским *kālča(kālza)* [7, С. 157-158].

Любопытно наличие в селькупском языке гидронимических терминов *жюра* ‘развилка’, ‘изгиб (реки)’ [205, С. 27] и *дяра* ‘развилка’, ‘изгиб (реки)’ /кет./ [205, С. 26], которые сопоставимы лексически и семантически с эвенкийским *дырен* ‘река’. Поэтому термин *дырен* может иметь и заимствованный характер, не исключая и субстратного явления. В региональной топонимической системе функционируют топонимы типа п. *Деринская* (Клг. р-н), г. *Дыринка*, (Приарг.

р-н), г. *Дырынкуй* (Нерч. р-н), которые семантизируются от т.-ма. гидронимического термина *дырен* ‘река’. Данный термин, возможно, имеет в своём составе древнетюркский родовой апеллятив *jar* ‘земля, место, урочище’ [80].

В качестве предварительных выводов по данному параграфу следует отметить 1. материальную близость описанных тунгусо-маньчжурских и самодийских терминов; 2. вариативность терминов, возможно объяснимую условной древней общностью этих языков; 3. морфологические показатели терминов тунгусо-маньчжурского и самодийского происхождения обусловлены системно-структурными особенностями каждого из них.

Любопытно определить природу тунгусо-маньчжурского щелевого звука *-ч-* термина *чалчи~чали* ‘болото (травянистое, трясина)’/ма./ и самодийской аффрикаты *-дж-* термина *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’/сельк./. М.А. Кастрен писал в своё время о звуковой стороне «тунгусского» языка, в котором, по его мнению, под влиянием бурятского языка слитное сочетание согласных (аффрикаты (*дж*)) перешло в (*дз*); аффриката (*ч* (т+ш)) перешла в (*ц*(т+с)) [227]. Ссылаясь на мнение М.А. Кастрена, можно полагать об общетунгусском этноязыковом прошлом маньчжуроязычных и самоедоязычных насельников региона.

3.1.1.2. Эвенские и бурятские термины

Тунгусо-маньчжурские и монгольские лексико-семантические связи общеизвестны. Однако эти связи и природа языковых контактов изучены менее всего [195, С. 171]. По мнению Г.Н. Чимитдоржиевой лексический фонд бурятского языка имеет большую общность с тунгусо-маньчжурским, чем с любой другой ветвью алтайских языков. «Подобные лексемы убеждают, что монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, возможно, действительно составляли длительное время некое единство, отделившееся довольно рано от тюркских языков» [260, С. 148]. Это же мнение высказывалось раньше Н. Поппе, который считал, что алтайский праязык распадается на чувашо-тюркский и

монголо-тунгусо-маньчжурский языковые общности [260, С. 38]. Однако последние исследования, затрагивающие Восточное Забайкалье, позволяют вслед за Е.А. Хелимским утвердиться в мысли о возможном былом диахронном взаимосуществовании как алтайских, так и самодийских языков [80, С. 278].

Материалы, представленные в монографическом исследовании «Ойконимы Хоринской Степной Думы», позволяют подтвердить выводы исследования «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)» [260] о частотности лексических связей тунгусо-маньчжурских и бурятского языков. Обнаружилось, что в системе топонимической лексики наличествуют тунгусо-маньчжурские по происхождению топонимы, которые под влиянием бурятского языка были деэтимологизированы и стали восприниматься как бурятские.

В качестве примеров приведём ряд следующих топонимов и детерминантов эвенского языка, послуживших основой названий улусов *Барунь-Тарбагатай*, *Зунь-Тарбагатай*, *Тырыбхэнь*, *Мунгутский Тарбагатай*, *Тарбагатай*, *Тарбагатайское* [77], трактуемое от эвенского *тээрэб* ‘гладкое, ровное место’ [257]. Во-первых, это семантическое переосмысление, являющее собой яркий пример «народной» (ложной) этимологии, когда эвенские по языковому происхождению топонимы стали объясняться от бурятского *тарбага(н) + тай* ‘изобилующий тарбаганами (о местности)’ [259, С. 428]. Полевое обследование этих мест позволяет заключить, что физико-географические реалии соответствуют значению эвенского детерминанта – географического термина *тээрэб* ‘гладкое, ровное место’. Во-вторых, близкое звуковое сходство эвенского *тээрэб* с бурятским апеллятивом *тарбаган* обусловило вторичную номинацию на основе семантического переосмысления.

Другим примером подобного рода переосмысления являются ойконимы Хоринской Степной думы: *Олаганта*, *Олаганта*, *Олонь-Шибирь*, *Олань-Шибирь*, *Олаган-Боргасонь*, *Олонь*, *Олань-торомь*, *Ухири-олань-торомь* [77], семантически связанные с эвенским географическим термином *өлэн* ‘ущелье,

теснина; падь' [215, С. 30], который был переосмыслен в бурятском языковом сознании как апеллятив *олон* 'много' [259, С. 367].

Таким образом, более близким к бурятскому языку из тунгусо-маньчжурских на примере описанной топономастической лексики является эвенский язык. Детерминанты эвенского происхождения в бурятском языке представлены переосмысленной апеллятивной лексикой, которая не имеет ничего общего с географической терминологией, основной в исследовании топономастической лексики.

3.1.2. Диахронический вид интерференции

Диахроническая интерференция в корпусе топономастической лексики Восточного Забайкалья наблюдается на примерах языкового контактирования русского с бурятским и эвенкийским языками.

3.1.2.1. Русские и бурятские термины

Под интерференцией понимается «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [280, С. 197]. Так, на территории Восточного Забайкалья в условиях длительного контактирования бурятского и русского этносов возникло бурятско-русское двуязычие на территории бывшего Агинского Бурятского автономного округа.

Более глубокое описание проблем бурятско-русского двуязычия, в частности, по заимствованиям из бурятского языка в русский, представлено в работах Р.Х. Харташкиной, Ц.Б. Цыдендамбаева, О.Д. Бухаевой, В.В. Базаровой, В.М. Егодуровой. Ценными являются наблюдения процесса освоения бурятских лексем заимствующими русскими говорами в фонетическом, морфологическом,

семантическом аспектах, а также включение их в процесс деривации по словообразовательным моделям русского языка [69, С. 86].

Взаимовлияние русского и бурятского языков также описано в диахроническом аспекте в работах О.Л. Абросимовой, С.В. Андреевой, А.Е. Аникина, С.А. Козина, В.И. Копыловой, А.П. Майорова, К.Н. Матвеевой, В.Д. Патаевой, Л.Е. Элиасова, Э.Д. Эрдынеевой, Т.Б. Юмсуновой.

В условиях диахронической интерференции русского и бурятского языков замечено, что языковая адаптация лексики обоих языков происходит, преимущественно, на фонетическом и морфологическом уровнях. Так, к примеру, названия типа п. *Катькина Падушка* (Улт. р-н.), п. 1-й *Хатькин*, п. 2-й *Хатькин*, п. 3-й *Хатькин*, п. *Хатьха*, п. *Хатькин* (Мгт. р-н), во-первых, согласно исследованиям Р.Г. Жамсарановой, вероятно, образованы от тюркского *каът* «солнечная сторона отрога горного хребта (не покрытая лесом) /тув./ [80, С. 44].

Во-вторых, языковой анализ этих субстратных топонимов обнаруживает моменты их адаптации к нормам бурятского языка. Так, в соответствии с нормами языка анлаутное *-к-* произносится как *х-*, отсюда топонимы типа *Хатьха* (в устной бурятской речи *хатъха* ‘нарыв; чирей’). Л.В. Шулуновой отмечено, что взрывной заднеязычный *-к-* в начале и в середине слова переходит в фриктивный *-х-*, например: *Кутанка – Хутаанха* (Бхн. р-н), *Каменка – Хааминха* (Бхн., Злр. р-ны) [270, С. 65], как и случае *Катькина – Хатьха*. В «Субстрате в топонимии Восточного Забайкалья» приводится мнение, что в русском языке топоним с термином *каът-* мог «превратиться» в *каът+суфф./рус./-ки+ну* (падушку), вследствие переосмысления субстратного названия [80, С. 44]. Полагаем, что условия языкового контактирования привели к тому, что бурятское *Хатьха*, *Хатькин* «адаптировалось» в русское *Катькина* и приобрело в результате этого совершенно иное значение. Например, от бурятского *хатъха* ‘чирей, нарыв’, что не соответствует принципам номинации.

С другой стороны, данный случай может служить примером трансферентно-интерферентного явления в региональной топонимической системе. Если выше высказывалось предположение о тюркском происхождении русского

названия п. *Катькина Падушка*, которое в бурятском приобрело форму *Хатьха*, *Хатькина*, то в данном случае, возможно, тюркская основа содержится в бурятских топонимах, которые в условиях интерференции могли войти в русскую топонимическую систему, оформившись согласно её правилам и законам.

В условиях диахронической интерференции помимо фонетико-морфологической адаптации субстратной топонимической лексики в русском и бурятском языках, наблюдается и семантическая адаптация, которая может проявляться в виде псевдомотивации и псевдоэтимологизации исходных субстратных географических терминов.

Так многочисленный ряд топонимов исследуемой территории: г. *Бом* (Агн. р-н), ур. *Бумба* (Агн. р-н), г. *Бомбо* (Клг. р-н), п. *Бомпо*, п. *Бомпэ* (Олв. р-н), п. *Бомтуй* (Мгт. р-н), руч. *Бомботуй* (Агн. р-н), г. *Бамбакийская* (Крснк. р-н), р. *Бумбагарян* – пр.пр.р. Киркун, г. *Бумбатуй* (Крн. р-н), оз. *Бумбайские* (Онн. р-н), образован, предположительно, от начального географического термина древнетюркского языка *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и сильно затрудняющая путь по берегу’, вследствие лексико-семантического сдвига на почве бурятского языка предстало в одной из таких форм как *бумба* ‘4) курган’ [259, С. 124] и могло стать основой для образования следующего ряда географических имён собственных: п. *Бома* (Брз. р-н), г. *Бом-Агинский* (Агн. р-н), г. *Зун-Бом* (Мгт. р-н), и р. *Боман-Горхон* (Длд. р-н).

В условиях русско-бурятского двуязычия бурятское *бумба* ‘4) курган’, в свою очередь, могло стать основой для следующих названий, оформленных по законам русского языка: г. *Бомба* (Приарг. р-н), г. *Бомба Нижняя* (Алек.-Зв. р-н), п. *Буня*, г. *Буня*, г. *Бона* (Шлп. р-н.) [ПМА Жамсаранова 2010], р. *Боничный* (Нрч. р-н).

В бурятском языке анлаутное *-у-* передаётся на русский как *-о-*. Например, *Удам* – *Олонки* (Бхн. р-н), *Улха* – *Олха* (Ирк. р-н) [270, С. 65]. Из приведённого ряда топонимов, очевидно, что это названия, в основном, гор, рек, падей, которые явились, по всей видимости, следствием родо-видового разложения исходного древнетюркского *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и

сильно затрудняющая путь по берегу’. К тому же переосмысление привело к весьма однозначным в семантическом отношении названиям типа *Бомба, Бона, Буня*.

Географические объекты, такие как вершины гор, одинокие горы, гольцы, сопки, утёсы, были почитаемы у тюрко-монгольских народов наряду с высокими хребтами и перевалами. Нередко такие места становились объектами поклонения местным духам -*эжинам* ‘покровителям местности’. Поэтому в тюрко-монгольских, тунгусо-маньчжурских языках существует развитая система терминов для обозначения и выделения в языке одиноких гор, сопок и утёсов. Так, от орографического термина *янг* ‘сопка, голец’, возможно, образованы следующие топонимы: п. *Яниха*, п. *Янчиха*, ур. *Янчика* БалеЙского района, р. *Янки* – правый пр.р. Донинская Борзя), р. *Янки* – л.пр.р. Газимур, хр. *Янкан* (высота 1284 м.). Отметим, что при языковой адаптации эвенкийских терминов принимающим языком, в данном случае русским, они оформляются согласно его морфологическим нормам, где при образовании производных большую роль играют суффиксы русского языка *-их(а)*, *-ик(а)*. Так, к основе предполагаемого эвенкийского орографического термина *янг* ‘сопка, голец’ были присоединены русские суффиксы, выделяемые в названиях *Ян + их(а)*, *Янч + их(а)*, *Янч + ик(а)*.

Любопытны случаи переосмысления топонимов, когда распространённые на территории исследуемого региона топонимы с основой *шев-/шив-* типа р. *Шевея* (Шлп. р-н), р. *Шивия* (Мгт. р-н) и т.д. могут легко «перейти», например, в название п. *Швея 2* как вполне русское название. Причиной переосмысления топонима, полагаем, явилось звуковое сходство названий *Шевея*, *Шивия* и русского *швея*. Так же дело обстоит и при фонетико-морфологической адаптации топонимов с. *Хохотуй* (Петр.-Зб. р-н), р. *Кактуй*, п. *Кактуй*, образованных от бурятского *хуһан* ‘берёза’, происходит переосмысление его на базе русского сознания. К основе бурятской лексемы *хуһан* присоединён суффикс собирательного значения *-туй (-тай/-тэй/-той)* – *хуһа(н)тай* имеет значение ‘с берёзами’ (местность). При адаптации в русском языке созвучное с бурятским *хуһа(н)тай* предикативное «хохотать» предопределило появление «смешного» названия *Хохотуй*.

Другим примером деэтимологизированного субстратного топонима в региональной топонимии может служить название с. *Шапка* (Срт. р-н). По мнению исследователя русской топонимической системы Восточного Забайкалья Т.В. Федотовой ойконим *Шапка* происходит от бурятского *шабха* ‘подлесок’ [237, С. 120]. По нашему мнению, данный топоним можно считать тунгусо-маньчжурским по происхождению, не бурятским. На территории исследуемого региона довольно широко распространены названия, в основе которых лежат термины *Жанка* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’ /эвен./; *чэпкэ-ки* ‘болото (во впадине, в лощине)’ /эвенк./; *чэпкэ** ‘яма, впадина’ эвенк.; *чопко~чэпки~чэпкэ* ‘яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); лощина; болото (во впадине); глубокое ущелье’ /эвенк./.

К данному ряду, вероятно, можно отнести и ойконим *Шапка* как тунгусо-маньчжурское *Жанка*, затем «приобретший» русскоязычную форму в виде *Шапка*.

Наиболее ярким примером такого лингвистического явления как интерференция является описание переосмысления древнетюркского термина *jibe(йибе)* ‘горная цепь, горный хребет’ [159] в бурятское *ябалга, ябагаальни дабан* ‘пеший перевал’ [13; 74; 82]. Семантическую трактовку названия высочайшего горного хребта Восточного Забайкалья – *Яблонового хребта* – средствами бурятского языка, вероятно считать примером «народной (ложной) этимологии», когда детерминант древнетюркского языка *jibe(йибе)* ‘горная цепь, горный хребет’ (ср. г. *Хибинь*) претерпел фонологическую и морфологическую перестройку средствами бурятского языка. В итоге, «образовались», якобы, бурятские оронимы и даже гидронимы (д. *Яблоновый* (нежил.) (Тнг.-Олкм. р-н), с. *Яблоново* (Чтн. р-н), р. *Аблатуй*, р. *Аблатукан*, с. *Новый Аблатуй* (от монг. *авлах* ‘охотиться группой; устраивать охоту’ [24, С. 151]) (Улт. р-н), которые объединены одной топоосновой *jibe(йибе)* ‘горная цепь, горный хребет’.

Результатом межъязыковой интерференции явилось «образование» большого числа переосмысленных топонимов и изменение фонологического и морфологического «облика» субстратных географических названий.

3.1.2.2. Русские и эвенкийские термины

В региональной топонимической системе факты диахронической интерференции, полагаем, представлены сосуществованием на территории исследуемого региона современных русского и бурятского языков.

Таким примером диахронической интерференции и псевдомотивации, псевдодеэтимологизации, по мнению исследователя региональной топонимии Восточного Забайкалья Р.Г. Жамсарановой, является название п. *Пельменовая* (Шлк. р-н). Согласно полевому обследованию местности и работе с информантами, выяснилось, что название эта падь получила от «знаменательного» события, когда во время покоса сенокосчики варили пельмени и нечаянно опрокинули котелок с ними в костёр [80]. Отсюда, якобы, и название *Пельменовая* падь. Однако данный случай может быть примером «переосмысления» в русскоязычном сознании исходного эвенкийского диалектного *пэлэлэ̄-мӣ* ‘возвышаться над окружающей поверхностью’, обозначавшего изначально некое возвышенное место, по названию которого называли падь [80].

Фонетическое и лексическое сближение эвенкийского *пэлэлэ̄-мӣ* с русским апеллятивом *пельмени* достаточно легко привело к созданию былички, «объясняющей» название единичного объекта. Кроме того, причиной деэтимологизации, приведшей к переосмыслению, могло послужить и само фонетическое изменение в виде гаплогонии. В эвенкийском *пэлэлэ̄-мӣ* при фонетической адаптации к нормам русского языка произошло устранение слога *лэ̄-* с долгим *э̄* (нехарактерным для русского языка), следующего за таким же слогом *-лэ̄-*.

Название с. *Горбица* (Срт. р-н) забайкальский краевед-географ В.Ф. Балабанов трактует от эвенкийского *горба* ‘мель’, ‘мелкая’ с добавлением русского суффикса *-иц(а)*. Так называются некоторые реки, например, с. *Горбица*, р. *Горбица* (Срт. р-н), р. *Горбичикан*, п. *Горбияча* (Блск. р-н) и сёла в бассейне р. Шилки. *Большая Горбица* – так в XVII-XVIII вв. называли реку Амазар [13].

Казалось бы, название села *Горбица* можно было пояснить от русского апеллятива *горб*, однако, в первую очередь, важно учитывать принцип номинации географических объектов по физико-географическим реалиям. Так, с. *Горбица* получило своё название по гидрониму, такого рода номинации характерны для топонимии любой территории. Явление межъязыковой омонимии и способствовало «образованию» «русского» топонима *Горбица*, поясняемым от апеллятива русского языка *горб*.

Другой географический термин – тунгусо-маньчжурское *Ѓбгэ* ‘возвышенность’ /ма./ [215, С. 267] – стал основой функционирующих на территории Забайкальского края следующих топонимов, как п. *Беззубиха* (Срт. р-н), п. *Зубаткина* (Шлк. р-н), п. *Зубкоша Большая*, п. *Зубкоша Верхняя*, п. *Зубкоша Малая*, п. *Зубкоша Нижняя*, п. *Зубкоша Средняя* (Акш. р-н.), п. *Зубковщина*, с. *Зубковщина* (Крм. р-н). Очевидно, что эти топонимы подверглись дестимологизации в условиях языкового контактирования автохтонного населения с русскими переселенцами.

В результате влияние фонетических (передача на русский язык тунгусо-маньчжурского *Ѓ* = (Ѓ) мягкого *дь*, которое произносится с усилием, ближе к *джь* в русском з: *Ѓапка* = *Зубковщина*) и морфологических факторов (*Без-зуб-их(а)*, *Зуб-ат-к-ин(а)*, *Зубк-ов-щин(а)*, *Зубк-ош(а)*, *Жипк-ов-щин(а)*) русского языка привело к образованию «русских» названий. Вариации типа *Зубковщина* / *Жипковщина* обусловлены характерным чередованием согласных эвенкийского *дж-/д-* в з-, отражая моменты межъязыкового взаимодействия в топонимических названиях.

Приспособление субстратных топонимов происходит по-разному – посредством переосмысления, видоизменения, когда приходится описывать специфические фонетические процессы гаплогонии, ассимиляции и диссимиляции, альтернации и упрощения групп согласных, метатезы, эпентезы, лабиализации предударного, что приводит в итоге к искажению исходного мотивировочного признака топонима. Как верно отмечает О.И. Блинова, «адаптация к русскому языку происходит согласно действиям фонетических закономерностей – изменения ударения, различным типам произношения

гласных фонем, мягкости-твёрдости согласных звуков, подмены сибиллятно-спирантных, фрикативных звуков» [23, С. 89; 276].

Таким образом, на примере забайкальских топонимов проведён анализ интерферентных процессов в условиях синхронно-диахронного контактирования русского языка с ныне функционирующими в регионе бурятским и эвенкийским языками. Как видно, фонетические, морфологические, лексико-семантические нормы принимающего языка обуславливают появление народной этимологии. Утрата первоначального значения топонима, истоки которой кроются в субстратных географических терминах, вынуждает придумывать новые мотивировочные признаки для повторной номинации конкретного физико-географического объекта средствами языка-реципиента.

В топонимической системе Восточного Забайкалья распространены случаи интерферентного характера, когда при диахронном взаимодействии языков на одной территории, представляемой нами как историческая Даурия эпохи Средневековья, функционируют топонимы (чаще – гидронимы), в структуре которых очевидно наличие субстратного термина [80, С. 142].

Выявлено, что диахронический вид интерференции, в основном, связан с процессом семантического переосмысления, когда возникают процессы псевдосемантизации и псевдоморфологизации. Диахроническая интерференция связана с фонетической перестройкой, чередованием звуков, обусловленных глубинными историческими процессами в развитии интерферирующих языков.

3.2. Трансферентные явления в топонимической лексике

Задачами параграфа являются: описание трансферентных явлений в топонимической лексике Восточного Забайкалья; сопоставление географических терминов и топонимов внутри алтайской языковой общности.

Известно, что скрытые номинации, относящиеся к области диахронии собственоязычной, синхронии и диахронии иноязычной топонимии могут быть раскрыты в ходе реконструкции различных уровней соответствий топонимических

систем и закономерностей их автономного развития. При этом, как считает Н.К. Фролов, исследователю приходится обычно сталкиваться с явлениями лингвистической трансференции и интерференции. Трансференция в топонимике – это исторически обусловленная этнолингвистическая преемственность топонимов в их системе, как одно из условий дальнейшего функционирования географических названий определённых территорий [248, С. 129].

В корпусе топонимической лексики очевидно проявление трансферентных процессов, когда при попытках выявления языковой принадлежности топонима обнаруживается субстратный детерминант (географический термин). Детерминанты по степени распространённости и роли их функций в языке классифицируются на родовые и видовые термины [165, С. 100]. Выше мы уже касались этого вопроса о наличии родовых и видовых терминов. Первые, как правило, обобщают географические явления и объекты: горы, хребты, возвышенности, реки, озера, болота.

Тогда как видовые термины призваны характеризовать более ограниченные элементы природной среды, типы ландшафтов, а не их зональную структуру. Считается, что видовой термин выполняет функцию указания на различительную специализацию и определение узкоспецифичных черт объекта: урман, белок, пик, голец, гребень, релка, курья, старица, сырт, рукав, затон, прилавок, а вовсе не обобщение [165, С. 100].

Провести чёткую грань между видовыми и родовыми терминами представляется не всегда возможным. Встречаются случаи, когда одно и то же слово в одном языке может быть видовым, а в другом – родовым, и наоборот. Например, на Алтае и в Туве *тайга* – ‘безлесая гора, голец’, но и ‘горный лес’; в Монголии – ‘горные лесные дебри’, в русском же языке – ‘большие массивы глухих, нетронутых лесов вообще, преимущественно хвойных’.

Такой переход Э.М. Мурзаев объясняет смысловым сдвигом – «явлением обычным в географической терминологии, часто вызываемым сменой природных ландшафтов, системы хозяйства, типов населённых мест, жилищ и т.д. Семантика одного и того же термина может быть полярной в двух соседних районах и

обозначать как положительную, так и отрицательную форму рельефа, болото и в то же время сухую возвышенность среди болот и т. д.» [165, С. 102].

Детализация и специфичность географической терминологии связаны с природно-географическими условиями, спецификой материальной и хозяйственной культуры. У славян отмечают хорошо отработанную специализированную болотную терминологию [151], тогда как у тюрко-монгольских народов отмечено множество терминов по классификации пастбищ или элементов рельефа, значимых при ориентировке на плоских равнинах во время кочевий. К примеру, у жителей пустынь – обитателей территорий с постоянным дефицитом пресной воды – наличествует детальная терминология водных источников [269]. У народов, занимающихся орошаемым земледелием, развилась сложная специализированная ирригационная терминология.

Территория Восточного Забайкалья сочетает в себе уникальные формы рельефа, начиная от средневысотных гор, хребтов, межгорных обширных долин и котловин до солёных, горько-солёных, проточных озёр и болотистых мест. В связи с этим, в корпусе географической терминологии отмечается обилие орографических, оронимических, гидронимических, лимнологических, тельмографических терминов.

3.2.1. Трансферентные явления в топонимической лексике орографического характера

Широко употребляемыми в составе географических названий, служащими для обозначения возвышенностей, в региональной топонимии являются такие орографические термины, как *дабаа(н)*, *дава* ‘высокий, трудный перевал через горы, седловина в хребте’. Бурятский орографический термин *дабаа(н)* ‘возвышенность, горный перевал’ является основой топонимов, функционирующих в местах компактного проживания бурят. К ним относятся такие географические названия, как хр. *Аргалиин-Дабан*, р. *Дабаган-Гор* – л.пр.р. Кумы, р. *Дабан-Горхон* – пр.пр.р. Киркун, п. *Хусан-Дабан*, ур. *Добатуй*, п. *Дабан*.

Удо, хр. Цаган-Дабан, хр. Хамар-Дабан, хр. Шунусин-Дабан, хр. Улястуй-Дабан; как видно из примеров, топонимы являются преимущественно двусоставными. К определяющему компоненту в виде орографического термина присоединяются лексемы в родительном падеже (при помощи суффикса *-ин/-ин*) *Аргалиин*, *Шунусин* итермин *дабаа(н)*; атрибутив *цагаан* и термин *дабаа(н)*; аффикс собирательного значения *-туй* (*Добатуй*, *Улястуй*).

Тунгусо-маньчжурскими географическими названиями можно считать оз. *Довочан*, р. *Дывэктэ* – л.пр.р. Сулумат, р. *Дивукинда* – л.пр.р. Нерчуган, г. *Голец Давакша*, руч. *Давакина* – пр.пр.р. Газимур, р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир, р. *Нижние Давагичи* – л.пр.р. Шилка, р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир, содержащие в основе орографические термины *дав-ми* ‘переваливать через горный хребет’, *давакйт* ‘место перевала через горный хребет’; *давакйт* ‘название горного хребта’; *дāvкйт* ‘место переправы (через реку)’; *дувэ* ‘вершина горы (одно из значений)’; *дувэtkэн* ‘горка’, сопровождающиеся родо-видовым сдвигом семантики исходного эвенкийского *дав-ми* ‘переваливать через горный хребет’.

Отнесение данных географических названий к эвенкийским определяется, в первую очередь, географической привязкой топонима к местам исконного пребывания эвенков на территории Восточного Забайкалья, это преимущественно, северная часть региона. Во-вторых, в морфологической структуре названий очевидно наличие эвенкийских топоформантов *-чан/-ктэ/-нда/-кан/-ган/-чи/* наличия топоосновы *дав-* от эвенкийского орографического термина *дав-ми* ‘переваливать через горный хребет’.

Весьма частотно в составе региональных топонимов встречается древнетюркский термин *qarṣaq* ‘место слияния реки с притоком’, в других алтайских языках получивший лексико-семантическое развитие в следующие термины *qabṣa* ‘ущелье, теснина’, монг., бур. *хабтагай*, *хабтагар* ‘плоский, широкий, просторный’, *хабсагай* ‘скала, утёс’, *хабсал* ‘теснина, ущелье’ [145, С. 98]; т.-ма. *чэпкэ* ‘впадина, котловина, ложбина, овраг’ [163, С. 100].

В топонимии Горного Алтая О.Т. Молчанова отмечает алт. *капчал* ‘ущелье’: в кирг. *капшагай*, *капсагай* ‘глубокое скалистое ущелье в горах, по которому

течет река’, кирг. *канчал* ‘скалистое ущелье’, *канчыгай* ‘горное ущелье, поход, узкая и длинная горная долина’; тув. *кашал* ‘ущелье’; монг. *хабца* ‘ущелье, теснина; горный проход; глубокое ущелье у подножия горы; балка’; бур. *хабсагай* ‘скала, утёс; каменистые гольцы’; зап. ‘предгорье’; зап. редко ‘ущелье’, *хабсал* ‘скала’; ‘теснина’; калм. *хавчг* ‘теснина, тесный, узкий’. На Алтае, как отмечает О.Т. Молчанова, апеллятив *канчал* входит в состав небольшого количества топонимов: р., ур. *Канчал* [155, С. 50].

В топонимии Восточного Забайкалья географических названий от данного термина общеалтайского происхождения довольно много. Региональные топонимы п. *Каптурчанка*, п. *Капчил*, п. *Капчаранга*, п. *Малый Кончил*, п. *Кривой Капчил*, г. *Ханчеранга*, кл. *Хантагой-Торм*, с., п. *Капцегайтуй*, вероятно, восходят к общеалтайскому *канчал* ‘ущелье’, др.-тюрк. *qarǰaq* ‘место слияния реки с притоком’, развитой в монгольских как стп.-монг. *qabǰi* ‘сжимать, ущемлять’, *qabǰa* ‘ущелье, теснина’, монг., бур. *хабсагай* ‘скала, утёс; каменистые гольцы; западное предгорье, скалистый’. Семантическое развитие начального *qarǰaq* ‘место слияния реки с притоком’ является следствием родо-видового перехода, явления обычного в топонимике.

Полагаем, топонимы *Капцегайтуй*, *Капчаранга*, *Ханчеранга*, *Хантагой-Торм* образованы от бурятского термина *хабсагай*. Бурятский термин, восходит, естественно, к древнетюркскому *qarǰaq* через стп.-монг. *qabǰi* обнаруживает лексическое сходство.

Фонологические изменения при переходе бурятского *хабсагай* ‘скала, утёс; каменистые гольцы; западное предгорье, скалистый’ от стп.-монг. *qabǰa* ‘ущелье, теснина’ произошли посредством «добавления» интервокального -г- и аффиксального -ай. К тому же, аффриката *ǰ* в диалектах бурятского языка даёт шелевые *ц/с*, *ч/ш* [191, С. 134], что объясняет появление в термине *хабсагай* звука *с*. В топониме *Капцегайтуй* к основе *капцегай* был присоединён суффикс собирательного значения -тай бурятского языка. Замена *х-* на *к-* морфы *капц-*, *с-* на *ц-* обусловлена, скорее всего, влиянием русского языка, в котором бурятское *х-*, в большинстве случаев, произносится как *к-*.

Географическое название *Хантагой-Торм* является двусоставным бурятским топонимом, образовавшимся от терминов *хантагой* <*хабсагай* ‘скала, утёс; каменистые гольцы; западное предгорье, скалистый’) и *торм* (<*тоором* ‘горько-солёное озерко’). В первой части топонима *Хантагой* обнаруживаем вариацию согласных при переходе стп.-монг. аффрикаты *č* в *ц* (т+с), которая вероятно объясняет появление в данном названии консонантного *т*.

В топонимах *Капчаранга*, *Большая Кончаранга*, *Малая Кончаранга*, *Ханчаранга*, в качестве топоформанта усматривается самодийский гидронимический термин *-анга* ‘старица, озеро; рот, устье реки’ [80, С. 58], тогда как топооснова объясняется из общеалтайского *капчал* ‘ущелье’.

Следует отметить непосредственное влияние русского языка на морфоструктуру общеалтайского *капчал*, которое проявилось в изменении начальных консонантов *-капч-/-ханч-/-*; вариации корневых гласных *-капч-/-копч-/-*, органично вошедших в топонимическую систему.

Таким образом, исходный древнетюркский термин *qarčaq* был освоен алтайскими языками в виде лексических вариаций в бурятском и эвенкийском языках. При этом, во-первых, в структуре топонимов изменилась семантика от значения ‘место слияния рек’ до значения ‘теснина и ущелье, скала’; во-вторых, произошли незначительные фонетические и морфологические перестройки, опосредованные передачей аффрикаты *č* в диалекты бурятского языка как *ц/с/т*, *ч/ш*; передачей бурятского *х/г* русским *к*; добавление бурятского суффиксального *-туй* ‘с чем-то’ в проприальной лексике – топонимах.

Следующими продуктивными географическими терминами, служащими для обозначения возвышенных форм рельефа в топонимии исследуемого региона являются такие тюрко-монгольские апеллятивы, как *байца* ‘крутые отвесные скалы, среди которых бурно протекает река или речка в узком ущелье’ (Восточная Сибирь) [163, С. 33], *бойцы* ‘отдельные утёсы на реках, опасные для судов’ (встречаются на реках Чусовой, Ангаре и других урало-сибирских горных реках) [163, С. 43], *байца*, *байса* ‘крутая отвесная скала, утёс, гора’ [146, С. 90], *байц* ‘скала; утёс’, монгольское *байц*, бурятское *байса* ‘утёс, скала’ [259, С. 85].

Представленные тюрко-монгольские термины активно функционируют в составе региональных топонимов: р. *Байца* – пр.пр.р. Онон, п. *Байцикан*, р. *Байца-Тунгусский* – л.пр.р. Куэнга, д., с. *Байцетуй*, г., д. *Бойза*, п. *Бойца*, г. *Верхний Байцетуй*, р. *Нижний Байцетуй* – л.пр.р. Ингода, р. *Нижний Байцету*, р. *Байса* – пр.пр.р. Хилок, *Байсуекан*, ОФ, р. *Байца* – пр.пр.р. Ульдурга, п. *Бойца*, п. *Байса*, р. *Хусан-Байца* – л.пр.р. Ендэ, ур. *Байца*, ур. *Байцынск*.

В названиях д., с. *Байцетуй*, г. *Верхний Байцетуй*, р. *Нижний Байцетуй* – л.пр.р. Ингода, р. *Нижний Байцету* прослеживается наличие бурят-монгольского термина *байц*, *байса* ‘утёс, скала’. К корневой основе *байц* был присоединён бурятский суффикс *-туй* собирательного значения, вероятно, испытавший влияние русского языка, когда на месте суффикса *-тай* появляется *-туй*. Появление протетического *е-* в топонимах между корневой основой *байц* и суффиксальным *-туй*, полагаем, также опосредовано влиянием русского языка как необходимой соединительной гласной.

Непосредственное влияние русского языка также прослеживается и в других топонимах, например, в названиях типа *Бойза*, *Бойца*, *Байцынск*. К основе географического термина присоединён суффикс *-ын/-ск* русского языка, что позволяет топониму органично войти в русскоязычную топонимию.

Звуковое сближение бурятского термина *байса* с русскими лексемами *бойца* (существительное в форме единственного числа родительного падежа) и *бойся* (глагол в повелительном наклонении) обусловил появление таких географических названий, как *Бойза*, *Бойца*. Данные топонимы – это результат переосмысления при вхождении субстратного топонима в русскоязычную топонимию Восточного Забайкалья. Присоединение суффикса *-кан* к основам топонимов типа *Байцикан*, *Байсуекан* определяет их тунгусо-маньчжурское происхождение.

Другим тюрко-монгольским термином, образующим топонимы: г. *Бом-Агинский* (Агн. р-н), руч. *Бомботуй* – л.пр.р. Цаган-Челутай, г. *Хойто-Бом*, г. *Барун-Бом*, п. *Бомтуй*, р. *Боман-Горхон* (Мгт. р-н) является орографический термин *бом*, *боом* ‘крутая, высокая, отвесная стена, образующаяся в узком месте речной долины; высокий утёс, в виде мыса, впадающий в реку и сильно

затрудняющий путь по берегу’ (Алтай) [163, С. 44], *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и сильно затрудняющая путь по берегу’ [57].

В Горном Алтае термином *бом* (алт. *боом, поом*) обычно обозначают узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег. В географической литературе под *бомами* понимают высокие утёсы в виде мыса, впадающие в реку и сильно затрудняющие путь по берегу [155, С. 29]. Этот термин общеалтайского происхождения имеет рефлексы во всех алтайских языках: письменно-монгольское *bogum* ‘мыс (высокий, крутой)’; ‘ущелье’; монг. *бом* ‘крутой и высокий мыс, выдающаяся в сторону скала на берегу реки’; бур. *боомо газар* ‘труднопроходимое место’; калм. *боом* ‘узкий проход’; тув. *боом* ‘обрыв горного хребта над рекой’; якут. *буом* ‘препятствие, преграда; трудный переход’; ‘ущелье’; эвенк. *боом* ‘препятствие, преграда, помеха (в пути)’; ‘ущелье, узкая долина’ [155, С. 30].

В некоторых названиях региональной топонимической системы общетюркский термин *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и сильно затрудняющая путь по берегу’ зафиксирован в основе следующих названий: п. *Бома*, г. *Бом-Агинский*, г. *Зун-Бом*, и р. *Боман-Горхон*, г. *Хойто-Бом*, г. *Барун-Бом*, п. *Бомтуй*, в структуре которых не произошло особых фонетических изменений. Это очевидно из лексической формы названий, когда древнетюркский термин *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и сильно затрудняющая путь по берегу’ в забайкальских топонимах остался неискажённым по форме. При этом наблюдается изменение семантики древнетюркского *боом* уже в монгольских языках, в связи с отсутствием реалий природных объектов в виде высоких гор, утёсов, впадающих в реку. Перенос значения исконного древнетюркского термина, вероятно, можно объяснить явлениями трансферентного характера в корпусе топонимической лексики региона.

В основе географических имён собственных ур. *Бумба*, г. *Бомбо*, п. *Бомпо*, п. *Бомпэ*, п. *Бомтуй*, руч. *Бомботуй*, г. *Бамбакийская*, р. *Бумбагарян* – пр.пр.р. *Киркун*, оз. *Бумбайские*, г. *Бумбатуй*, вероятно, может быть бурятское *бумба* ‘курган’ [259, С. 124], как переосмысленное именование (под влиянием буддийской

религиозной культуры) возвышенного места, однако схожего с древнетюркским *боом*. Влияние бурятского языка на морфоструктуру топонимов *Бомпо*, *Бомпэ*, *Бомтуй*, *Бомботуй*, *Бумбатуй* с исходным древнетюркским термином *боом* ‘высокая гора (утёс) в виде мыса, впадающая в реку и сильно затрудняющая путь по берегу’ очевидно (присоединением суффикса собирательного значения *-туй*, выделяемого в названиях *Бомтуй*, *Бомботуй*, *Бумбатуй*). При этом наблюдается влияние русского языка на образование топонимов в виде вариации гласных *-у/-о/-а-* в анлауте (*Бумба*, *Бомбо*, *Бамбакийская*); присоединение к основе бурятского *бумба* суффиксов *ий/-ск-*, окончаний *-ая/-ие*), обусловленных процессом десемантизации субстратных топонимов.

В географических названиях Горного Алтая О.Т. Молчановой отмечается термин *jar*, который, как считает исследователь, может употребляться как апеллятив, входящий в состав сложных наименований, и выступать в двух фонетических формах: *jar* и *чар* ‘берег, крутой яр, обрыв’ [155, С. 36], азербайджанское *jer* ‘земля, почва’; ‘место’; башк. *жер* ‘земля, место’; ‘расстояние’; тув. *чер* ‘земля, суша; земной, земляной, земельный’; ‘место, местность, сторона, край; туркм. *йер* ‘земля, земной шар; земной; ‘почва, грунт, суша; почвенный, грунтовой, земляной, земельный’; ‘место, местность’; ‘территория; якут. *сир* ‘место, местность, край’; хак. *чир* ‘место, местность’; др.-тюрк. *jer* ‘земля’; ‘место’ [155, С. 38].

В региональной топонимии исследователем Р.Г. Жамсарановой также были приведены примеры топонимов, образованных от древнетюркского термина *ер-/яр-* ‘обрывистое высокое место’, *чер-* ‘возвышенность, высокий обрыв’ [80, С. 17, 18], функционирующих в топонимах центральных районов региона: г. *Барун-Ярама*, д. *Ерама*, п. *Ирам*, д. *Ярама*, р. *Средняя Иренды* – пр.пр.р. Оленгуй, г. *Иренды-Ирен*, р. *Ерентуй Средний*.

Предлагаемый ряд топонимов г. *Жергоконский Голец*, г. *Джирахай*, г. *Жерновка*, г. *Ширета*, с. *Красный Яр*, с. *Жирголей*, п. *Жирекен*, р. *Джеронь*, р. *Жергей*, р. *Яромай* иллюстрирует пример перехода анлаутного *j* в слове *jar* в *ж-*

дж-/ш-/я-. Не исключено, что в этих топонимах анлаутное *дж-/ж-/д-* появилось под влиянием «тунгусского» языка.

Согласно исследованиям региональной топонимии ряд названий *Черновская, Черен, Чир-Абагайтуйский, Чирон*, расположенные в местах, где рельеф представляет собой крутые, обрывистые склоны возвышенного места, предположительно соотносимы с шорским терминованным *чер-* ‘возвышенность, высокий обрыв’, образованного от общетюркского *jar* ‘обрывистое высокое место’ [80, С. 45].

В эвенкийском языке присутствует гидронимический термин *дырен* ‘река’, вероятно, являющийся примером родо-видового разложения древнетюркской основы в алтайских языках, отразившееся в ряду */jar-/jer-/тюрк./ + йенг(e) = дыр/дырен* ‘река’/эвенк./ и ставший основой следующих топонимов: *Дырендыканский хребет, Дырен, Тырин* [80, С. 47]. В этих топонимах анлаутные *д-/т-* появились также под влиянием «тунгусского» языка.

Любопытно наличие в селькупском языке гидронимических терминов *жюра* ‘развилка’, ‘изгиб (реки)’ [205, С. 27] и *дяра* ‘развилка’, ‘изгиб (реки)’ /кет./ [205, С. 26], которые сопоставимы лексически и семантически с эвенкийским *дырен* ‘река’. Поэтому термин *дырен* может иметь и заимствованный характер, не исключая и своего субстратного происхождения.

Другим орографическим термином, получившим широкое распространение в алтайских языках, является древнетюркский орографический термин *кыр/хыр* ‘возвышенность, небольшой горный хребет’; ‘гора, возвышенное гористое место; холм’ [158]. В алтайских языках данному термину соответствуют эвенкийский термин *кьирьг, кьирьн* ‘гребень горы’; письменно-монгольский термин *kira* ‘гребень горы’; монгольский термин *хяр* ‘гребень возвышенности’; бурятский термин *хяраа* ‘гребень горы’; якутский термин *кырыы* ‘острый край предмета, край, ребро, кромка, сторона, берег’; *кырылыа* ‘небольшая возвышенность’ [155, С. 76], сохраняя при этом семантическую мотивированность исконного значения древнетюркского термина *кыр/хыр*.

Поэтому к тюркоязычным топонимам Восточного Забайкалья можно отнести следующие географические названия: р. *Кыра* – л.пр.р. Онон, п. *Кыра*, с. *Кыра* (Крн. р-н), р. *Кыркутал*, р. *Кербаун* – л.пр.р. Актрагда (басс.р. Ципа), р. *Гырыма* – л.пр.р. Чирон, ур., п. *Гырыма*, ур. *Кырчены* (Шлк. р-н). Из примеров видно, что в некоторых названиях др.-тюрк. терминированное *кыр* осталось в неизменной лексико-семантической форме (*Кыра*), другие же испытали на себе влияние как субстратных языков, так и суперстратных.

3.2.2. Трансферентные явления в топонимической лексике оронимического характера

Оронимические термины, как наименования форм возвышенного, так и пониженного рельефа земной поверхности, в топонимической системе Восточного Забайкалья представлены наиболее частотно. Например, родовой термин *qor(гон-/коб-)* ‘подниматься; возвышаться’ тюркского языкового происхождения мог в других алтайских языках развиваться в видовые: *гүбөө* ‘бугор, холм, возвышенность’/бур./ [259, С. 178], *гоби*, *губи* ‘сухая степь со скудной травянистой растительностью на щебнистых, солончаковых почвах; холмистая степь’ [146], терминированное письменно-монгольское *gübüng*, имеющего в современных монгольских языках следующие варианты: монг. *гүвээ*, *гүвэн* ‘увал, гряда; бугорок, холмик’, бур. *гүбээ* ‘увал, гряда, кряж; сопка; бугор, холмик, холмогорье; возвышенность; юр’ [55].

Географический термин *кобы*, семантически соотносимый с понятием обозначения логов, ложбин, рек, урочищ, гор, долин, поселений, хребтов, чрезвычайно широко представлен в топонимах Алтая. Ср. с азерб. *гобу* ‘отлога, балка, русло высохшей реки; неглубокая долина’; казах. *кьобы* ‘горная долина’; кирг. *коо* ‘ложбина, покрытая растительностью’; тув. *хову* ‘степь’; хак. *кооп* ‘канавка’; монг. *го* ‘ров, канава’; ма. *кьоби* ‘углубление’; ‘впадина у ноздрей’; стп.-монг. *хобил* ‘желобок’; монг. *ховил* ‘желобок; канавка’; бур. *хобол* ‘желоб, канавка’, ‘калея’ [155, С. 64]. Очевидно наличие родо-видового сдвига

древнетюркского термина *кобы*, при котором происходит семантическое разложение исходного значения в других алтайских языках.

По своей семантике, как отмечается в издании «Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья» (2011), микротопонимические названия – пер. *Копунский*, с. *Копунь*, пер. *Копунский*, р. *Копри*, р. *Левая Копри*, р. *Правая Копри* (стекают с Южно-Дырындинского хребта), р. *Правая Хобура*, р. *Левая Хобура* – пр.р. Ингода, п. *Кобыльа*, с. *Кубухай* [ТКЗ] отражают физико-географические реалии – рельеф пологого склона, ската горы или небольшого возвышенного места [80, С. 43], что позволяет семантизировать их от древнетюркского термина *кобы*.

Очевидно, что названия рек *Правая* и *Левая Хобура* под влиянием русского языка «оформились согласно словообразовательным моделям, приобретя, таким образом, морфологические показатели – протетическое *-р-* и окончание женского рода *-я* под влиянием атрибутивных *Правая*, *Левая*.

Ойконим *Кубухай* местное население толкует как «место, где мальчик потерял свою шапку», что являет собой яркий пример «народной этимологии» [ПМА Жамсаранова 2004-2010], посредством апеллятивного бурятского *хүбүүн* ‘мальчик’. Топоним *Кубухай* «образован» по нормам русского языка, где начальное *г-* древнетюркского *гор* «перешло» в *к-*. Визуальный осмотр местности, в которой располагается село, позволяет предполагать о тюркском происхождении названия *Кубухай*, расположенного «на склоне покатого возвышенного плато, спускающегося в пойму р. Онон» [80, С. 43]. Появление финального *-(х)ай* в топониме *Кубухай* можно объяснить наличием в бурятском языке аффикса родительного падежа со значением притяжательности *-ай*.

Анализ тюркского термина *гон-/кобы-* ‘подниматься, возвышаться’ в составе топонимов исследуемого региона показывает процесс сдвига родового древнетюркского термина в видовые в монгольских языках, при котором происходит сдвиг значений образованных от них топонимов. Также следует отметить явление трансонимизации, обусловивший наличие и гидронимов и оронимов, и именованний уже возвышенных мест – гор, хребтов, перевалов.

В региональной топонимии для обозначения форм возвышенного рельефа употребляется монгольское *ганг* ‘обрыв, овраг, крутой высокий берег реки, утёс’ [163, С. 61], *ганга* ‘яр, обрыв, высокий крутой берег’ *гангаэрье* ‘крутой берег’ при именовании отдельных участков рек или озёр с крутым берегом [145, С. 92]. Данные термины получили широкое распространение в монгольской и бурятской топонимии Забайкалья: оз. *Ганга-Нур*, р. *Ганга-Туя* – л.пр.р. Хилок, оз., п. *Ганганор*, п. *Гангота*, р. *Гангата* – пр.пр.р. Хилок, д. *Гангота*, МТФ *Ганга*, р. *Гангата* – л.пр.р. *Худан*, руч. *Гонготка* – пр.р. Жипхеген (бас.р. Хилок), р. *Канга*, г. *Гангатай* и др.

Естественно, что эти топонимы имеют связанный характер и основаны на общеизвестных тюрко-монгольских языковых связях, обусловленным генетическим языковым родством. Поэтому многие географические имена собственные, где топоосновой является термин *ганг-*, можно отнести и к тюркским топонимам, и к монгольским, и к бурятским. Все они отражают восприятие человеком понятия ‘обрывистого крутого спуска’ или ‘отрога высокой горы’. Подобное явление может быть объяснено и лексическим заимствованием в языке, и процессом трансференции в региональной топонимии.

Из приведённого ряда топонимов очевидно, что тюрко-монгольский термин *ганга* стал топоосновой многих региональных топонимов, не изменившихся со временем. Морфологическая адаптация термина в составе топонимов обусловлена как влиянием бурятского языка, так и русского. Так, названия типа *Гангота*, *Гонготка*, *Большая Канга*, *Средняя Канга* приобрели русские суффиксы *-от(а)*, *-отк(а)*; наблюдается замена начального *г-* на русское *к-* (*Канга*); употребление в сочетании с атрибутами русского языка *Большая*, *Средняя*.

Термин *тала* активно участвует в топообразовании в монгольских и тюркских языках. По мнению О.Т. Молчановой, некоторые географические названия Горного Алтая содержат в своей основе апеллятивное *тала* в значении ‘открытая ровная местность’ (например, кирг. *тала*, узб. *дала*) [155, С. 94]. Та же форма и значение имеются в монгольских языках, где *тал/тал-а* означает ‘равнина, ровная местность, пространство, степь’; *tala* ‘открытая степь, ровная земля,

большая или маленькая равнина'; бурятское *тала* 'поле, степь, равнина, открытое пространство'; 'сторона, место'; эвенк. *тала* 'солонец (узкая долина с солеными источниками)'; маньчжурское *тала* 'равнина' [155, С. 94-95]; *дала, тала* 'равнина, широкое, просторное, открытое урочище, степь' [163, С. 70], *тала* 'степь, поле, равнина, обширное пространство' [146, С. 97].

Отсюда естественно ожидать наличие большого числа географических названий с основой *тала*. Однако топонимы с этой основой *тала* имеются и по северу Забайкалья, что обусловлено, вероятно, не только трансферентными, но и интерферентными процессами. Интерферентные процессы возникают, как правило, в языках соседствующих народов, каковыми являются в настоящее время буряты и эвенки.

Топонимы севера Забайкалья как р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла (басс.р. Олёкма), р. *Талали* – л.пр.р. Бол. Амалат, р. *Талачи* – л.пр.р. Каренга, р. *Таликит* – л.пр.р. Ципа, р. *Таликичи* – пр.пр.р. Витим, р. *Дальняя Талача* – пр.пр.р. *Талача*, р. *Большой Талман* – л.пр.р. Каменка, р. *Талакан* – л.пр.р. Витим, р. *Таллай*, р. *Талкан*, р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла, р. *Таллай* – л.пр.р. Витим, очевидно, образованы от эвенкийского *тала* 'солонец, узкая долина с солёными источниками'; *таллама* 'гладкое место'; ма. *тала* 'равнина'. К основам названий были присоединены, как видно из примеров, эвенкийские топообразующие форманты: *-ча/-чи, -ман, -кан, -кит*. Топонимы номинируют места с наличием солонцов или равнинного места, что также верифицирует родо-видовой сдвиг в местной географической терминологии алтайских языков.

Топонимы с основой *тала-* встречаются по всем степным районам Забайкалья. Возникает безусловная сложность определения языковой принадлежности подобных топонимов по юго-востоку: п. *Талынга*, р. *Талангуй*, р. *Тала* – л.пр.р. Нижняя Борзя, р. *Тала*, р. *Талангуй*, п. *Талынга*, р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, п. *Талынга*, п. *Тулин*, п. *Талан-гозогор*, г. *Тэли*, р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, п. *Талуиха*, г. *Талман*, р. *Талман-Борзя*, д., р. *Талман-Борзя* – л.пр.р. Борзя. Некоторые названия можно отнести к тунгусо-маньчжурским, например,

р. *Талман-Борзя*, д., р. *Талман-Борзя* – л.пр.р. Борзя, которые образованы от тунгусо-маньчжурского апеллятивного *таллама* ‘гладкое место’.

Топонимы п. *Талакан*, п. *Толошко*, р. *Талекта* – л.пр.р. Исинда, с. *Долотуй*, с. *Верхнее Талача*, п. *Нарын-Талача*, р. *Талача*, хр. *Талачинский* отличаются присоединением к корневой основе *тала-* суффиксов *-кт(а)*, *-нг(а)*, *-хк(о)*, *-кан*, свидетельствующие о тунгусо-маньчжурском языковом происхождении. Однако следует учитывать явление конвергентно-интерферентного характера, возникающего в условиях языковых контактов в диахронии. В результате возникает сложность языковой привязки многочисленных географических названий с основой *тала* к каким-то из современных региональных языков.

Безусловно невозможно не отметить высокую степень влияния русских словообразовательных суффиксов в названиях: п. *Талуиха*, хр. *Талачинский*, р. *Аршанка* – л.пр.р. Оленгуй, с. *Бальзино*, оз. *Бальзинское*, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Онон, ур. *Кориха*, п. *Калчина* и др., свидетельствующих о «вхождении» субстратных топонимов в русскоязычную топонимическую систему региона.

Семантическое разнообразие тунгусо-маньчжурских и монгольских терминов обусловлено явлением объективных лексических заимствований в географической терминологии.

Следующая группа географических терминов также связана с орографическими и оронимическими характеристиками рельефа. Так, к общетюркской лексике относится распространённый в корпусе топонимической лексики Забайкалья орографический термин *бэлиэр/бильчир*. В алтайских языках прослеживается связь терминов стп.-монг. *belčir* ‘место слияния рек; перекресток’, монг. *бэлчир* ‘место слияния рек; перекресток’, бур. *бэлиэр* ‘место слияния рек; перекрёсток», *бэлиээри* ‘пастбище, выгон (для скота)’, восходящие к древнетюркскому *beltir* ‘скрещение дорог, перекрёсток; место слияния рек’.

В названиях улусов Хоринской Степной думы 1897 года *Бильчирь*, *Тыгни-Бильчирь*, *Бильчирь*, *Бильчирь*, *Бальчирь*, *Яндалинский-Бильчирь*, *Удынъ-Бильчирь*, *Хара-Бильчирь*, *Дабатуевский-Бильчирь*, *Ото-бильдчирь* в основу

положен орографический термин тюрко-монгольского происхождения *бэлиэр/бильчир*, который практически сохранил исходный морфологический «облик». В отношении ойконимов с основой *бильчирь* сложно дать лингвистическое объяснение, потому как это связано с орфографическими погрешностями при фиксации названия улуса человеком, записывавшим данные названия.

Современные топонимы на исследуемой территории р. *Бильчир* – л.пр.р. Кутугай, п. *Бильчирская*, р. *Цаган-Бэлчир* – л.пр.р. Хилок, руч. *Нарын Бэлчир* – бас. р. Бырца, руч. *Цаган-Бильчир* – пр.пр.р. Агуца, р. *Зун-Бэльчир* – пр.пр.р. Чикой, п. *Бильчир*, оз. *Бельчир-Нор*, г. *Хорин-Бэльчир*, г. *Хуюр-Бэльчир*, г. *Улунтым-Бэлчир*, р. *Бильчир*, р. *Бильчирка*, р. *Бэльчир* – пр.пр.р. Хилок, р. *Челун-Бильчир*, р. *Хара-Бильчир* – пр.пр.р. Хилок; р. *Нарин-Бильчир* – л.пр.р. Блудной, ур. *Нарин-Бильчир*, ур. *Хуши-Бильчир*, п. *Барун-Бильчирты*, г. *Бильчир*, д. *Бильчиртуй*, г. *Хара-Бильчир*, п. *Бильчирты* имеют очевидное тюрко-монгольское языковое происхождение без значительных трансформаций, за исключением влияния норм бурятского языка, при котором происходит присоединение к основе *бильчир/бэлиэр* суффикса *-туй* (*Бильчир+туй*), в некотором случае, *-ты* (<тэ ‘с чем-то’) (*Бильчир+ты*).

Приводимые ранее примеры географических названий р. *Джупкоша* – л.пр.р. Нерча, р. *Жипкое* – пр.пр.р. Алеур, р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия, п. *Дыбыка*, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, л.пр.р. Ульдурга, п. *Жипкошикен*, п., р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга, р. *Денака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, р. *Малая Дипака* – л.пр.р. *Дипака*, руч. *Гепка*, п. *Депкагуча*, п. *Чепчелтуй*, р. *Шетишултай* – л.пр.р. Ингода, г. *Бэрхэ-Их-Шонху*, с. *Шапка*, р. *Щепка* [ТКЗ], имеют, на наш взгляд, общее субстратное происхождение и связаны семантически с терминами тунгусо-маньчжурского *жапка* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвенк.; *чэпкэ-ки* ‘болото (во впадине, в лощине)’/эвенк.; *чэпкэ** ‘яма, впадина’/эвенк.; *чопко~чэпки~чэпкэ* ‘1. яма, впадина, глубокая долина (между хребтами); 2. лощина, 3. болото (во впадине) 4. глубокое ущелье’/эвенк. [215, С. 250].

Любопытно, что данные топонимы иллюстрируют переход тунгусо-маньчжурской аффрикаты *ʒ* в консонантные *дж-/ж-/д-* в следующих названиях:

Джупк-оша, Жипк-оша, Жипк-оши-ген, Дипк-оша, образованных от термина *жапка*. В ряде других топонимов *Денака, Дипака, Генка, Денкагуча*, относимых также к термину *жапка*, аффриката *ж* получила развитие в консонантные *д-/-г-*. Отмечаемое явление перехода аффрикаты *ж* в консонанты *дж-/-ж-/-д-/-г-* связано с подобным явлением, присутствующем в «тунгусском» языке населения исторической Даурии.

Возможно, что фонологическая и морфологическая структура следующих топонимов, как *Чепчел-туй, Шепшул-тай* «подверглась» влиянию бурятского языка. Полагаем, что данные географические названия образованы от эвенкийского *чэпкэ** и под воздействием бурятского языка консонант *-ч-* перешёл в консонант *-ш-*, и присоединение суффиксов *-туй/-тай* позволяет причислять их к бурятским.

Название г. *Бэрхэ-Их-Шонху*, вероятно может быть связано с бурятским термином *жабха* ‘подлесок’, не исключая возможности отнесения его к эвенкийскому *жапка*. Переосмысленное на базе русского сознания и эвенкийского *жапка*, бурятского *жабха*, благодаря звуковому сходству получило название *Шапка, Щепкауже* в русскоязычной топонимии Восточного Забайкалья.

3.2.3. Трансферентные явления в топонимической лексике гидронимического характера

Общеалтайский гидронимический термин *булаг* в значении ‘ключ, источник, родник’ функционирует в качестве детерминанта как в ойконимах Хоринской Степной Думы 1897 года: *Сухинь-Болакъ, Шолото-Болагъ, Унинь-Болагъ, Худын-Болакъ, Большкъ, Хажу-Булакъ, Цаган-Болакъ, Екэ-Булакъ, Дыхдо-Булыкъ*, так и в современных топонимах д. *Булак, Булактуй, Арын-Булак*, п. *Булактэ* (Агн. р-н), п. *Заха-Булак*, род. *Мухор-Булак*, п. *Хотогоре-Булак*, ур. *Хухе-Булак* (Агн. р-н), п. *Булакты*, п. *Баин-Булак*, п. *Булукутуй* (Мгт. р-н), кл. *Саган-Булак* (Длд. р-н), руч. *Малый Булак* – пр.пр.р. *Бол. Булак*, р. *Продольный Булач* – л.пр.р. *Ундурга*, р. *Арыш-Булаг* (впадает в оз. Цаган-Нур). В основе

данных географических названий содержится как древнетюркский термин *булак* ‘ключ, источник, родник’, так и *булаг* ‘ключ, источник, родник’/монг./, /бур./.

Из примеров очевидно, что в структуре и семантике региональных топонимов, образованных от тюрко-монгольского термина *булаг* ‘ключ, источник, родник’ не произошло видимых изменений ни в структуре, ни в семантике, за исключением влияния русского языка на фонологическую и морфологическую структуру. Так, к примеру, *Булактуй*, *Былыктуй*, *Булактэ*, характеризуются присоединением бурятских суффиксов *-туй*, *-тэ* к основе *булак*.

При фонетической адаптации древнетюркских и бурят-монгольских терминов отмечается влияние русского языка на картографическое написание топонимов. Наглядно это отражается в различных вариантах фиксации таких названий, как *Булаг*||*Булак*||*Болак*, *Бэлиэр*||*Бэльчир*||*Бильчир* и др.

Безусловно, отмечается огромное влияние русского языка на структуру и семантику современных географических названий. Это очевидно наблюдать в любой топонимической системе регионов страны, когда к основам детерминантов присоединяются многочисленные суффиксы русского языка: *-от(а)/-ат(а)* (п. *Гангота*, р. *Гангата* – пр.пр.р. *Хилок*, д. *Гангота*, МТФ *Ганга*, р. *Гангата*); *-к(а)* (руч. *Гонготка* – пр.р. *Жипхеген* (бас. р. *Хилок*)), *-их(а)* (п. *Талуиха*); *-ин/ -ск(ий)* (хр. *Талачинский*, г. *Жергоконский Голец*), *-ын/-ск*(ур. *Байцынск*), *-ск (ая/ие)* (п. *Бильчирская*, оз. *Бумбайские*).

В топонимии Восточного Забайкалья широко употребляется гидронимический термин *гол* ‘вода, река’ в составе двусложных топонимов. Например, *Сагаан-Гол*, р., *Хошо-Гол*, р., *Агынгол*, р. и др. Самостоятельно термин *гол* ‘вода, река’ как гидроним не употребляется.

Другой бурятский гидронимический термин *горхо(н)* ‘речка, небольшая река’ также довольно часто встречается в гидронимии региона: *Азимье-Горхон*, *Барун-Горхон*, *Байсын-Горхон*, *Булагай-Горхон*, *Ехэ-Горхон*, *Изара-Горхон*, *Шара-Горхон* и др.

Территория Восточного Забайкалья, как известно, богата минеральными источниками, в связи с этим отдельные местности носят такие названия, как кл.

Шивышин Аршан, р. *Алханын Аршан*, р., с. *Аршан*, с. *Арашантуй* и пр., образованные от географического термина *аршаан* ‘минеральный, целебный источник’ или ‘целебная вода’.

Таким образом, описание трансферентных явлений в топонимической лексике Восточного Забайкалья позволяет заключить о наличии почти в неизменном фонетическом, морфологическом «облике» древнетюркских географических терминов, получивших распространение во всех алтайских языках.

Сопоставительный анализ географических терминов и географических имён Восточного Забайкалья даёт основание полагать о былом диахронном сосуществовании и взаимовлиянии каких-то тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков.

3.3. Конвергентные явления в топонимической лексике

Задача параграфа – описать конвергентные процессы в корпусе региональной топонимической лексики.

Под конвергенцией как лингвистическом явлении, подразумевается «сближение или совпадение двух или более лингвистических сущностей» [280, С. 234]. «Одним из аспектов конвергенции является глоттогонический, при котором, как у родственных, так и неродственных языков возникают общие структурные свойства вследствие достаточно длительных и интенсивных языковых контактов, а также на базе для конвергирующих языков субстрата. В этом случае различают контактную и субстратную конвергенцию, причем оба вида могут совмещаться» [280, С. 234].

Имеющиеся исследования топонимической системы Восточного Забайкалья показали, что на территории исторически проживали различные по языковому происхождению этносы, процесс взаимодействия которых был, по существу, непрерывным вплоть до недавнего времени [77; 80; 81].

Использование топонимических данных для определения древнего населения Прибайкалья и решения проблемы происхождения бурятского народа

продемонстрировал Н.П. Егунов, который на основе лексических параллелей топонимов пришёл к выводу о взаимодействии бурятских, самодийских и тунгусских племён [81, С. 125].

К тому же, имеющиеся в регионе исследования по истории, археологии, этнографии, анализу архивных материалов по данным народонаселения территорий первичного заселения русскими, позволяют подтвердить выдвинутое ранее предположение о давних этнических и историко-культурных связях монгольских народов с самодийскими племенами [201].

Обнаруженное типологическое сходство монгольских географических терминов с самодийскими [80], вероятно объясняется конвергентными явлениями, неизбежно возникающими при этноязыковой смене населения определённой территории. В частности, изучены процессы языкового контактирования бурят с русскими, при которых наблюдается адаптация субстратной апеллятивной лексики нормами русского языка на всех его уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом.

Глоттогонический аспект конвергентных явлений, возможно, описать на примеры, как родственных алтайских языков, так и неродственных им уральских языков, прежде всего, самодийских. Обнаружившиеся при анализе местной географической терминологии субстратного происхождения апеллятивы, прежде всего, гидронимического характера, в региональной топонимии проявляют, по мнению Р.Г. Жамсарановой, оба вида конвергенции (контактную и субстратную), что наводит на предположение о глоттогоническом характере этого явления. При этом изученное состояние исследуемого региона на предмет конвергентной зоны в диахронии является достаточным основанием для гипотетического предположения о наличии каких-то общих для конвергирующих языков (в данном случае – монгольских и самодийских) субстратных явлений, не исключая и адстратных [80, С. 107-108].

В качестве иллюстративного материала для анализа топонимического массива использована проприальная лексика из «Субстрата в топонимии Восточного Забайкалья» (2011), топонимической картотеки Забайкалья.

3.3.1. Конвергентные явления в топонимической лексике орографического характера

В региональной топонимической системе встречаются такие названия, как хр. *Аргалин-Дабан*, р. *Дабан-Горхон* – пр.пр.р. Киркун, п. *Хусан-Дабан*, ур. *Добатуй*, п. *Даба-Удо*, хр. *Хамар-Дабан*, хр. *Цаган-Дабан*, хр. *Шунусин-Дабан*, хр. *Улястуй-Дабан*, р. *Дабаган-Гор* – л.пр.р. Кумы, в основу наименования которых вошёл бурят-монгольский орографический термин *дабаа(н)* ‘возвышенность’, горный перевал’ [259, С. 196]. Из примеров очевидно, что исконный апеллятив *дабаа(н)* входит в структуру топонима, иллюстрируя собой пример транstopонимизации.

При этом форма топонимов не претерпела каких-либо значительных изменений, за исключением долгого *-а-*, не свойственного русскому языку (употребление *дабан/даба* вместо *дабаа(н)*); перехода *а* в *о* (*дабаа(н)* – *Добатуй*). В топониме *Добатуй* наблюдаем присоединение бурятского суффиксального *-туй* ‘с чем-то’ (букв. ‘с дабанами / с хребтами’ или имеющее значение ‘местность с холмами/холмистая’). Любопытно отметить, что в названии р. *Дабаган-Гор* апеллятив старописьменно-монгольского *dabayān* ‘перевал, переход через горный хребет’ [46] сохранён в исходной форме.

В приводимом ниже ряде географических названий отмечено употребление данного апеллятива, преимущественно в составе двухсложных топонимов, первая часть которых представлена в форме атрибутивного (*Аргалин* ‘аргалецкий’, *Хусан* ‘с берёзами’ *хуһан* ‘берёза’ [259, С. 599], *Цаган* ‘белый / с берёзами’, *Шунусин* ‘с лиственницами’ *шэнэһэн* ‘лиственница’ [259, С. 716], *Улястуй* ‘с осинами’ *уляһан* ‘осина, осинный’ [259, С. 481]).

В тунгусо-маньчжурских языках лексически близким бурят-монгольскому *дабаа(н)* ‘возвышенность’, горный перевал’ является эвенкийский термин *дава-ми* ‘переваливать через горный хребет’ с производными: *дав-ми* ‘переехать через реку’; *давакйт* ‘место перевала через горный хребет’; *давакйт* ‘название горного

хребта’; *dāvkit* ‘место переправы (через реку)’; *дува* ‘вершина горы (одно из значений)’; *дуваткэн* ‘горка’ [274, С. 102].

Этот эвенкийский орографический термин вероятно можно считать основой следующих названий: оз. *Довочан*, р. *Дывэктэ* – л.пр.р. Сулумат, р. *Дивукинда* – л.пр.р. Нерчуган, г. *Голец Давакша*, руч. *Давакина* – пр.пр.р. Газимур, р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир, р. *Нижние Давагичи* – л.пр.р. Шилка, п. *Зан-Дагачи*, р. *Даваган* – л.пр.р. Тунгир, распознаваемые по свойственным им топоформантам *-чан/-ктэ/-нда/-кан/-ган/-чи/* и функционирующие на севере Восточного Забайкалья.

Следующий ряд региональных топонимов: г. *Маргантуй*, г. *Маргарцон*, г. *Маргарцон*, г. *Маргентуй*, р. *Маргентуй*, п. *Маргоголиха*, с. *Маргуцек*, р. *Мергитайка*, р. *Моргуя*, обусловлен наблюдаемой вариацией корневой основы *-марг-/-мерг-/-морг-*. Атрибутив селькупского языка *мыр꜁/мар꜁/ мор꜁* ‘большой’ [205, С. 136], возможно, является одной из топооснов данных топонимов.

Во-первых, агглютинативная природа селькупского языка позволяет разложить орографический термин *мыр꜁ыттоаң* ‘хребет (горный)’ на составные селькупские апеллятивы *мыр꜁/мар꜁/ мор꜁* ‘большой’, который входит в основу другого термина *мыр꜁ыттоаң* ‘хребет (горный)’ [205, С. 136]. Если учитывать агглютинативный строй селькупского языка и в связи с этим разложить лексему *мыр꜁ыттоаң* на составляющие *мыр꜁-ыт-тоаң*, товторую составную часть лексемы *тоаң* можно считать детерминантом, учитывая, что в селькупско-русском словаре лексема *тоанты* имеет значение ‘широкий’ [205, С. 124]. Селькупское *тоаң* как составной элемент орографического термина *мыр꜁ыттоаң* ‘хребет’, имеет семантическую и лексическую близость с бурятским орографическим термином *дабаа(н)* ‘горный перевал’. При подобном сопоставлении обнаруживается их материальное сходство. Только наличие протезы *-б-* бурятского термина *дабаа(н)* «отличает» от самодийской лексемы *тоаң*, позволяя полагать об образовании бурятского термина *дабаа(н)* как производного.

Во-вторых, естественно сопоставить селькупский термин *тоаң* как со старописьменным монгольским *dabayān(дабаган)* ‘перевал, переход через горный хребет’, так и бурят-монгольским *дабаа(н)* ‘горный перевал’. В итоге возникает

проблема реконструкции тех языковых изменений в фоно- и морфоструктуре исходного селькупского *тоанты* ‘широкий’ в бурят-монгольское *дабаа(н)*. Предполагаем, что сопоставляемые процессы селькупского и бурятского языков в исторической ретроспективе имеют определённое сходство в виде сопоставления *тоаң* /сельк./ и *дабаа(н)*/бур./. Можно полагать о возможности некоей общей территории диахронного развития этих языков, которые взаимно повлияли на их историческое развитие.

Опираясь на исследования известного селькуповеда В.В. Быконя, когда «при установлении смыслового значения селькупского этнонима *kāra* ‘кедровка’ возможно разложение лексемы на два значимых компонента *ka* и *ara*, ввиду двух факторов:

1. долгота гласного (ср. *kāra*), развившейся в результате соединения двух гласных *aa* на стыке морфем и
2. появление на стыке двух гласных протетических звуков $\chi \sim \gamma$:
вас. *qaxara*; об. Ч *qayera*, *qayəra* ‘кедровка’, сохраняющие структуру основы отразрушения. Витоге, В.В. Быконя представляет ход фонетических изменений следующим образом: 1) $ka+ara \rightarrow kaara \rightarrow k\bar{a}ra$ и 2) $ka+ara \rightarrow kaara \rightarrow qaxara$ ‘кедровка’» [30, С. 5].

По аналогии с фонетическими изменениями на примере селькупского *kara* ‘кедровка’, возможно выстроить фонетическую «цепочку»: селькупское *тоаң* ‘хребет (горный)’ $\rightarrow$ старомонгольское *dabayān* (*дабаган*) ‘перевал, переход через горный хребет’ $\rightarrow$ бурятский географический термин *дабаа(н)* ‘горный перевал’.

Во-первых, наличие интервокального *-ба-* в термине *дабаа(н)* обусловлено вероятной субстратной конвергенцией. Эвенкийский термин *давакит*, в котором также есть слоговое *-ва-* на почве бурятского языка эвенкийское *-ва-* аналогично слогу *-ба-* *дабаа(н)*. Во-вторых, долгота *-ā-* термина *дабаа(н)* бурятского языка обусловлена историческими процессами в фонологии монгольских языков.

По поводу процесса образования долгих гласных из комплекса VCV академик Б.Я. Владимирцов писал следующее: «В очень раннюю эпоху междувокальное $\gamma \sim g$, а ещё раньше $*w$ начали ослабляться, становясь все более

широким и вокализировавшись; благодаря этому $\gamma \sim g$ или исчезли вовсе или заменили его второй, был и $u \sim \ddot{u}$, и спирантом у тогда, когда один из гласных, первый был $i > i \sim i$. В дальнейшем началось ослабление этих w и u и их полное исчезновение. Впоследствии, два гласных, оказавшись рядом благодаря указанной лакуне, слились в долгий, наблюдаемый в настоящее время» [191, С. 42].

Поэтому «основными причинами, повлекшими изменение комплекса VCV в долгий гласный, Б.Я. Владимирцов считал ослабление интервокальных согласных и усилившееся второстепенное ударение, падавшее на 2-й гласный данного комплекса» [191]. Полагаем подобный процесс можно наблюдать на примере $*ayu \rightarrow \bar{a}$: стп.-монг. *dabayān* $\rightarrow$ бур. *dabān*.

Отметим, что в одном из северно-самодийских языков зафиксирована лексема *мыртуй* ‘самая высокая часть яра, мыса’/нен./ [170, С. 266]. Утрата актуальности функционирования селькупского термина *тоаңс* связана с тем, что территория современного проживания селькупского народа Западной Сибири характеризуется отсутствием горных хребтов. Однако любопытно, что термин *мыртуй* ‘самая высокая часть яра, мыса’ сохранился в современном ненецком языке, основа которого сопоставима с селькупскими *мырҕ/марҕ/морҕ* ‘большой’.

Представим результаты анализа топонима *Маргуцек*, образованного посредством трансонимизации орографического термина селькупского языка *мырҕ/марҕ/морҕ* ‘большой’. Произойти фонетические изменения (вариация гласных *a/ы, ы/у* и согласных *t/ц*) в структуре топонима *Маргуцек* могли, полагаем со ссылкой на исследования В.И. Цинциус, по ряду причин, среди которых не только лингвистические. При определении языка, посредством которого, или в котором и произошли замеченные изменения (по сравнению с изначальной формой топонима), предполагаем, что таковым мог быть так называемый «тунгусский» язык. Известно, что «в звуковой стороне «тунгусского» языка, в котором под влиянием бурятского языка слитное сочетание согласных (аффрикаты (*дж*)) перешло в (*дз*); аффриката (*ч* (*т+ш*)) перешла в (*ц* (*т+с*)): (например, *Талача* $\rightarrow$ *Талаца* $\rightarrow$ *Тальцы*)», ссылаясь на приложение М.А. Кастрена

по данным «тунгусского» языка [80, С. 79]. Во-вторых, подтвердить языковую принадлежность данного названия.

Учёными отмечается, что переход в определённых фонетических условиях смычных в аффрикаты (например, *-m-* в *-ц-*) характерен для многих языков и представляет собой общеязыковую универсалию. Об этом свидетельствует известная в науке теория появления аффрикат Л.В. Щербы, считавшего, что «аффриката – это не механическое сочетание двух согласных, а один согласный, хотя и сложный в отношении образования шума, что аффрикаты в славянских и германских языках, например, возникли не из слияния смычных со щелевыми, а в результате развития смычных» [80, С. 142]. Так, «в русском языке аффриката *ц* [ts] развилась из палатализованного смычного *m'* [t']» [191, С. 145].

Таким образом, наблюдается возникновение свистящих *ц* и *дз* из палатализованных переднеязычных дорсальных *m'* и *д'* – типологически закономерное явление (и для монгольских языков, в частности). Такое «развитие происходит тогда, когда эти палатализованные консонанты оказываются в позиции перед широкими гласными» [191, С. 145], чем и объясним «переход» *-m-* в *-ц-* забайкальского топонима *Маргуцек*. Возможен переход *-д-* бурятского *мургэдэг* ‘бодаться’ в *-ц-* «тунгусского» *Маргуцек*. Поэтому «превращение» исходного селькупского орографического термина *мыргыттоаң* ‘хребет (горный)’ в топоним *Маргуцек* произошло как через посредство «тунгусского» языка, так и благодаря историческим процессам внутри самих монгольских языков.

Следующим географическим термином, обнаруживающим, на наш взгляд, лексико-семантическую параллель с бурятским апеллятивным *шэлэ* ‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’, имеющего параллели в других монгольских языках (ср. стп.-монг. *šili* ‘плоская возвышенность, низкая и плоская гора, пригорок, холм’, монгольское *шил-* ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’) является терминированный апеллятив селькупского языка *чял* ‘опушка (леса)’.

В приводимом ряде региональных топонимов типа хр. *Кукунор-Шили*, р. *Шелекан* – пр.пр.р. Нерча, оз. *Шилин-Торум*, ур. *Шилин-Торум*, ур. *Шилы-*

Худаг, р. *Шиля* – пр.пр.р. *Хилок*, р. *Шаловка* – пр.пр.р. *Хилок*, *Шэлэ-Шулун*, р. *Куку-Шиля*, п. *Шилибингуй*, р. *Шилибингуй* – пр.пр.р. *Онон*, хр. *Хангилай-Шилы*, р. *Челбахта* – пр.пр.р. *Шилка*, п. *Чалгонка Верхняя*, г. *Вершина Цалоуя*, г. *Чильчи*, р. *Чильчи* – л.пр.р. *Нюкжа*, с. *Чильчи*, р. *Челолек* – пр.пр.р. *Витим*, д. *Адон-Челон*, топонимическая основа связана языковым происхождением с селькупским терминированным апеллятивом *чял* ‘опушка (леса)’.

В названиях оз. *Шилин-Торум*, ур. *Шилин-Торум*, первая часть двусоставных названий (где *тоором* ‘горько-солёное озерко’) *шэл/шил* «оформлена» бурятским аффиксом притяжательности *-ийн*. В структуре некоторых топонимов можем отметить наличие суффиксального *-кан* в названии р. *Шелекан*, которое одинаково можно отнести как в эвенкийскому, так и к бурятскому языку (*-хон*), имеющее уменьшительно-ласкательное значение.

Известно, что в бурятском языке звук *ч* произносится как *ш* например, *Чита* (*Шитэ*). Вероятно, исходное селькупское *чял* ‘опушка (леса) стало произноситься в монгольских языках как *шил*, *шэлэ* ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм’. Однако часть объясняемых нами названий: р. *Челбахта* – пр.пр.р. *Шилка*, п. *Чалгонка Верхняя*, г. *Вершина Цалоуя*, г. *Чильчи*, р. *Чильчи* – л.пр.р. *Нюкжа*, с. *Чильчи*, р. *Челолек* – пр.пр.р. *Витим* непосредственно от селькупского *чял* ‘опушка (леса) может быть примером субстратной топонимии, актуализирующей смысловое значение в географических названиях при визуальном осмотре.

Очевидное влияние русского языка на морфологическую структуру топонимов типа ур. *Шилы-Худаг*, хр. *Хангалай-Шилы*, р. *Куку-Шиля*, р. *Шаловка*, р. *Челолек*, п. *Чалгонка* проявилось в том, что к основе апеллятивных *чял-/шил-* присоединяются суффиксальные окончания русского языка *-овк(а)*, *-ло/-ек*, *-онк(а)*, *-ы*, *-а*.

3.3.2. Конвергентные явления в топонимической лексике оронимического характера

Конвергентные явления можно наблюдать и в корпусе топонимической лексики оронимического характера. Одним из наиболее убедительных примеров проявления конвергенции в бурятской географической терминологии является наблюдение терминов *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’ [259, С. 612], функционирующего в региональных топонимах оз. *Хонхор-Торум*, ур. *Хонхор-Торум*, п. *Хунхур*, оз. *Кункур*, с. *Кункур*. Типологически близким к бурятскому *хунхэр* может являться северно-самодийское ненецкое *хыңгяр* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’. Различие в семантике данных терминов, объяснимо случаем метонимического переноса, нередко возникающим в топонимике при освоении субстратной топонимической лексики.

Сопоставление ненецких апеллятивов *хыңгяр*<*хэңгяр* с учётом чередования гласного *-ы/-э-* позволило Р.Г. Жамсарановой выдвинуть предположение о переходе ненецкого *хыңгяр* в виде древнего заимствования в лексический корпус бурятского языка (через посредство какого-то языка-койне). В бурятском языке, как языке-«победителе» изначальный самодийский апеллятив перешёл в апеллятив бурятского языка *хунхэр* (т. е. нен. *хэңгар*<бур. *хунхэр*).

«Вторая гласная *-э-* бурятского апеллятива *хунхэр* по своей природе отражает краткость исходной гласной *-я-* ненецкого *хэңгар*. Соотношение согласных *-ңг-* ненецкого апеллятива и *-нх-* бурятского термина может быть объяснимо широко распространённым явлением ассимиляции согласных в ненецком языке, сообразно которому (посредством одного из трёх типов ассимиляции) и произошёл «переход» северно-самодийского *-ңг-* в *-нх-* бурятского» [80, С. 129].

В первом «Монгольско-русском словаре» К.Ф. Голстунского зафиксирован старомонгольский апеллятив *k'ingger* со значением ‘впадина, ложбина, низина, овраг’ [46, С. 454]. На наш взгляд, возможно полагать о переходе ненецкого

апеллятивного *хэңгар* через посредство стп.-монг. *k'ingger* в современное бурятское *хунхэр*, сохранив за собой лексическое значение 'долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг'. С учётом закона гармонии гласных старописьменно-монгольского и современных монгольских языков, согласно которому в одном и том же слове не могут сочетаться твёрдорядные гласные (*a, o, y*) и мягкорядные (*э, ө, ү*), полагаем, что зафиксированное начальное *k* в старописьменном монгольском *k'ingger* передало звуковую форму начального *x* ненецкого *хэңгар*, придавая оттенок «мягкости». В старописьменном монгольском консонанты *g, k* употреблялись вместе с мягкорядными (женскими) гласными (как с *-e-, -й-, -ö-*, например), а *γ* с твёрдорядными (мужскими) (*-a-, -o-, -u-*). Данное положение, обусловленное историческими процессами в монгольских языках, иллюстрировано совпадением значения ойконима *Кункур* (Агн. р-н) с рельефом.

Сопоставительный анализ топонимической лексики оронимического характера даёт основание для сравнения следующих терминов: *хыңгяр* 'углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)'/нен./ и *хунхэр* 'долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг'/бур./ посредством стп.-монг. *k'ingger* со значением 'впадина, ложбина, низина, овраг'. Фонема [ы] ненецкого языка, вероятно, развилась в бурятское *э*, которое как пишет В.И. Рассадин, появляется «на месте исконного общемонгольского *e» [191, С. 17]. «В некоторых бурятских говорах наблюдается также появление [э] в тех случаях, где в других говорах и в литературном бурятском языке, а также в прочих монгольских языках представлен гласный *й* или *ö*». Развитие [γ] на месте *ö отмечается, по мнению В.И. Рассадина, в монгольских языках со средних веков [191, 17; 22]. Данное положение позволяет полагать об историческом процессе в системе вокализма монгольских языков, начиная с периода создания «Сокровенного сказания монголов».

Таким образом, через посредство старописьменного монгольского термина *k'ingger* 'впадина, ложбина, низина, овраг' возможно связать в один лексический ряд термины ненецкий *хыңгяр* 'углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)' и бурятский *хунхэр* 'долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг'.

Выше мы приводили ряд топонимов с основой на *деп-/дип-/жип-/шон-/шен-/шан-/* таких как п. *Депкагуча*, р. *Джупкоша* – л.пр.р. Нерча, руч. *Генка*, р. *Жипкое* – пр.пр.р. Алеур, р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия, р. *Депака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, п. *Дыбыка*, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, л.пр.р. Ульдурга, п. *Жипкошикен*, р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга, р. *Малая Дипака* – л.пр.р. *Дипака*, п. *Чепчелтуй*, р. *Шетишултай* – л.пр.р. Ингода, г. *Бэрхэ-Их-Шонху*, с. *Шапка*, р. *Щепка* [ТКЗ], имеющих, на наш взгляд, тунгусо-маньчжурское языковое происхождение, не исключая и общее субстратное происхождение.

Этимологически данные топонимы возможно отнести к тунгусо-маньчжурскому *Жанка* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвен.; *чэпкэ-ки* ‘болото (во впадине, в лощине)’/эвенк.; *чэпкэ** ‘яма, впадина’/эвенк.; *чопко~чэпки~чэпкэ* ‘яма, впадина, глубокая долина (между хребтами)’; ‘лощина’, ‘болото (во впадине)’, ‘глубокое ущелье’/эвенк. [215, С. 250]; а часть из них к бурятскому *жабха* ‘подлесок’.

При фонетической адаптации тунгусо-маньчжурских апеллятивов *Жанка*, *чэпкэ-ки*, *чэпкэ**, *чопко~чэпки~чэпкэ* к нормам принимающих языков – бурятскому и русскому, – наблюдается характерное чередование согласных тунгусо-маньчжурских *Ж*, *ч*, дающих рефлексy в виде [дж], [д], [ч’], [ж], [ш], [з], которое можно наблюдать в топонимическом ряде: *Джупкоша*, *Дипкоша*, *Чепчелтуй*, *Жипкое*, *Жипкоша*, *Бэрхэ-Их-Шонху* *Шапка*, *Щепка*. Очевидно, что подобное чередование обусловлено естественным межъязыковым взаимодействием, часто случающимся в топонимике. Трёхсоставной топоним *Бэрхэ-Их-Шонху*, в основе которого может лежать один из тунгусо-маньчжурских терминов, явно освоен бурятским языком. Об этом свидетельствуют первые части топонима *бэрхэ* ‘тяжелый, трудный’ [259, С. 146], *ехэ* ‘большой, крупный’ [259, С. 242].

Очевидно, что представленные разные классы топонимов представляют собой примеры деэтимологизированных субстратных географических названий тунгусо-маньчжурского происхождения. Подобное могло возникнуть при условии освоения этих топонимов пришлым русскоязычным населением.

После основы *dep-* таких географических названий, как п. *Депкагуча*, р. *Депака* – пр.пр.р. Эдакуй-Ульдургинский, п. *Дыбыка* – л.пр.р. Ульдурга, р. Малая *Дипака* – л.пр.р. *Дипака*, вероятно, были добавлены гласные *-а-*, *-ы-* между согласными *п-* и *к-*, как следствие приспособления тунгусо-маньчжурских *ᠵапка*, *чэпкэ-ки*, *чэпкэ**, *чопко~чэпки~чэпкэ* к русскому языку.

Обычно при морфологической адаптации происходит присоединение аффиксальных приращений к основе субстратного апеллятива, что позволяет субстратному географическому имени органично войти в систему «принимающего» языка. Так, в ряду следующих региональных топонимов наблюдаем активное присоединение суффикса русского языка *-ош(а)*: р. *Джупкоша* – л.пр.р. Нерча, р. *Дипкоша* – л.пр.р. Кия, р. *Жипкоша* – л.пр.р. Ингода, р. *Кенгир-Жипкоша* – л.пр.р. Ульдурга. Кроме русских суффиксов, к основе субстратных апеллятивов присоединяются и бурятские, например, суффиксы *-тай/-той/-туй* в значении 'с чем-то'. Например, в названиях р. *Шеншултай* – л.пр.р. Ингода, п. *Чепчелтуй* и др.

В.И. Рассадиным отмечено, что природа аффрикат в монгольских языках была убедительно доказана Б.Я. Владимирцовым, который привлекал обширный языковой материал как тюркских, так и тунгусо-маньчжурских примеров. В.И. Рассадин, опираясь на результаты изученного состояния развития тунгусо-маньчжурских языков в отношении бурятского языка отмечает, что «аффрикаты *ᠱ* и *ᠵ* связаны своим происхождением со смычными согласными *t* и *d*, напоминая этим, что монгольские языки, в которых исторические смычные *t* и *d*, оказавшись в позиции перед *i*, развились в шипящие аффрикаты *ᠱ* и *j*, которые, в свою очередь, перед широкими гласными дали в халхаском, калмыцком и бурятском языках свистящие рефлексы» [191, С. 144-145]. Именно данное положение позволяет объяснить наличие вариативности топонимов с корневой основой *dep-/дип-/жип-/шоп-/шен-/шан-/чеп-*, ряд которых иллюстрирует наличие аффрикат *ш-/ч-* перед гласной *e*. Данное позволяет предположить о «посредничестве» каких-то монгольских языков при вариации топонимов типа от *Депака* до *Шеншултай / Чепчелтуй*.

В топонимии Восточного Забайкалья довольно многочисленны географические названия с основой *тала* 'равнина, широкое, просторное, открытое урочище, степь'. В алтайских языках региона, представляющих, преимущественно, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, присутствуют лексико-семантические параллели в корпусе топонимической лексики.

Исходя из этого, возможно отнести к тунгусо-маньчжурским топонимам следующие названия: р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла, р. *Таллай* – л.пр.р. Витим, р. *Талакан* – л.пр.р. Витим, р. *Таллай*, р. *Талкан*, р. *Таламам* – пр.пр.р. Мокла (басс. р. Олекма), р. *Талали* – л.пр.р. Бол. Амалат, р. *Талачи* – л.пр.р. Каренга, р. *Таликит* – л.пр.р. Ципа, р. *Таликичи* – пр.пр.р. Витим, которые могут быть семантизированы от *таллама* 'гладкое место'/эвенк./, *тала* 'равнина, открытое пространство'/ма./. К основе маньчжурского *тала* присоединены характерные для эвенкийской топонимии топоформанты такие, как *-кан* (*Талкан*, *Талакан*), *-чи* (*Талачи*), *-кичи* (*Таликичи*), *-кит* (*Таликит*). В структуре топонима *Таламам* явно обнаруживается наличие апеллятива, которое имеет лексическое сходство с оронимическим термином *таллама* 'гладкое место'. Представленный топонимический ряд является по-существу гидронимическим, но семантизируемый нами от оронимических терминов *тала*, *таллама*. Подобное расхождение в семантике топонимов объясняется явлением трансонимизации, когда исходный оронимический термин переходит в гидронимический.

Относительно монголоязычных (бурятских) топонимов с основой *тала* 'поле, степь, равнина, открытое пространство' выявлено их наличие и многообразие в микротопонимической системе бывшего Агинского Бурятского автономного округа: р. *Талача*, р. *Тала*, г. *Тэли* и проч. Также анализ топонимов на *тала* обнаружил их наличие по степным районам Забайкалья: п. *Тала*, р. *Талый* – пр.пр.р. Харалга-Акш., п. *Тала*, р. *Талочи* – пр.пр.р. Жаргалантуй, п. *Даланго*, п. *Далатуй*, п. *Далюций*, ур. *Цунгурук-Тала*, р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, р. *Дальняя Талача* – пр.пр.р. *Талача*, р. *Большой Талман* – л.пр.р. Каменка, п. *Талуиха*, г. *Талман*, р. *Талман-Борзя*, п. *Талакан*, п. *Толохко*, р. *Талангуй* – л.пр.р. Унда, п. *Талынга*, п. *Тулин*, р. *Талангуй*, п. *Талынга*, р. *Тала* – л.пр.р. Нижняя Борзя,

р. *Тала*, с. *Верхняя Талача*, п. *Нарын-Талача*, р. *Талача*, хр. *Талачинский г. Тэли*, п. *Талан-гозогор*, р. *Талекта* – л.пр.р. Исинда, с. *Долотуй*, д., р. *Талман-Борзя* – л.пр.р. Борзя, обусловленные географической привязкой. Однако функционирование отдельных географических названий *р. Тала*, *Талочи*, *Талача*, *Талангуй*, *Талман*, *Талекта*, п. *Тала*, *Талынга*, *Талакан*, *Толохко*, *Тулин*, *Талан-гозогор*, *Даланго*, *Далатуй*, распространённых на территориях, где отсутствуют монголоязычные названия, даёт основание отнести их к северно-самодийскому субстрату – ненецкому.

Бурятский термин *тала* типологически сопоставим с ненецким оронимическим термином *тэл* ‘склон, спуск’; ‘ложбина, котловина, впадина’, обнаруживая материальное сходство. Расхождение в значении северно-самодийского и бурятского терминов обусловлено родо-видовым сдвигом.

Предполагая о первичности ненецкого термина *тэл* ‘склон, спуск’; ‘ложбина, котловина, впадина’, освоенного бурятским языком и получившего форму *тала* ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’, связываем переход -э- *тэл/нен./* в-а- *тала* /бур./ с историей развития системы вокализма в монгольских языках. В.И. Рассадин пишет, что мягкорядная фонема [э] является фонемой смешанного ряда, акустически близкая к русскому *ы* или тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Поэтому В.И. Рассадин выделяет особый характер бурятского э в отличие от других монгольских языков, наряду с другими дифференцирующими признаками (бурятское фарингальное *h*, проточные согласные *ш, ж, с* вместо аффрикат *ч, дж, ц* халхасского и калмыцкого языков) [196, С. 23]. В связи с этим полагаем, что наличие подобного рода признаков, отличающих бурятский язык от других монгольских языков, может свидетельствовать о влиянии каких-то самодийских племён на систему фонологии именно бурятского языка.

Географические названия исследуемого региона такие, как с. *Танга*, р. *Танга* – л.пр.р. Ингода, п. *Тунгор*, п. *Тунгор*, г. *Улан-Танга-Тологой*, р. *Тангая Нижняя*, р. *Тангага* – л.пр.р. Черемная (Мгч. р-н) связывают посредством народной этимологической трактовки с бурятским *танха* ‘чугунный котёл’ [259, С. 427].

Вследствие звукового сходства ненецкого *таңго* с бурятским *танха* и визуального сравнения озера по форме с котлом, вероятно и появилась такая трактовка. Однако в основе этих топонимов, по мнению Р.Г. Жамсарановой, лежит ненецкий оронимический термин *таңго* ‘просторный, свободный, обширный’. Как правило, в топонимике нередки случаи семантических перестроек субстратной апеллятивной лексики нормами принимающего языка. Полагаем, что близость корневой основы *танха* с *таңго* обусловило переосмысление исконного географического термина самодийского языкового происхождения в бурятском языке и наличие лимнонимов *Танга* и *Танха* [79, С. 127-128].

Учитывая физико-географические реалии расположения данных лимнонимов (низменная часть Улётовской долины, окаймлённая хребтами с двух сторон), можно предположить, что субстратный северно-самодийский термин *таңго*, служащий для обозначения равнинной местности, получил развитие в эвенкийском и бурятском языках.

Интересно предположить, что названия улусов Хоринской Степной думы 1897 года: *Тыгни-Бильдчирь*, *Тугоголь*, *Тугнуй-Барь*, *Тугнуйский-хая*, а также современные топонимы р. *Туглуй*, р. *Тугнуй*, р. *Барун-Тигня* могут быть образованы также от селькупского *тагн* ‘за рекой’ [205, С. 226] или от ненецкого *таңго* ‘просторный, свободный, обширный’. В последнем случае версии значения данных топонимов мы полагаем о произошедшей переогласовке консонантов в топонимах.

3.3.3. Конвергентные явления в топонимической лексике гидронимического характера

Гидронимы *Хила*, *Верхняя Хила*, *Барун-Хила*, *Зун-Хила*, *Хилкотой*, *Хилкочен*, *Верхний Хилкосон*, *Хилкотой*, *Хилогосон*, *Большая Хила*, *Нижняя Хила*, *Хилок* [ТКЗ] трактуют от эвенкийского *килгэ* ‘брусок, точильный камень’ [13; 237, С. 112], ссылаясь на наличие в бассейне р. Хилок точильных камней и зафиксированное с XVIII века данного названия в форме *Килга*. Однако забайкальские геологи утверждают об отсутствии точильных камней в бассейне р. *Хилок*.

Исследователь Р.Г. Жамсаранова предполагает об языковой связи монгольского *хил* ‘граница, рубеж; межа, линия, черта, борозда; трещина’ [24, С. 940], бурятского *хилэ* ‘граница; рубеж’ с селькупским термином *қы~қэ* ‘река’ [80, С. 144]. Придерживаясь данного мнения о «переходе» субстратного термина *қы~қэ* ‘река’ в бурятское апеллятивное *хилэ* ‘граница; рубеж’, полагаем, что гидронимы с основой субстратного происхождения *қы~қэ* в результате народной этимологии перешли в бурятского *-хи(лэ)*.

Как известно, субстратный апеллятив при вхождении в среду принимающего языка проходит этапы фонетической, морфологической и семантической адаптации. «Переход» гидронимического термина *қы~қэ* в бурятское *-хи(лэ)* может объясняться тем, что в селькупском языке [к] – глухой увулярный согласный звук образуется смычкой малого язычка с задней частью спинки языка. В бурятском языке этот звук будет иметь соответствие в виде [к^h], больше в сторону фарингального [h].

К тому же, переход селькупского *ки-* в бурятское *хи(л)-* или *гы-* можно объяснить отсутствием в бурятском языке звука [к]. Вторичная номинация в речевом сознании носителей бурятского языка субстратного термина привела к семантическому объяснению появления предположения этимологии приведённых выше гидронимов от бурятского *хилэ* ‘граница; рубеж’.

Из приводимого ряда топонимов, очевидно, что подверженный вторичной номинации в бурятском языке субстратный термин *қы~қэ* ‘река’, перешедший в *хилэ* ‘граница; рубеж’, приобретает словообразовательные суффиксы современных языков: *-той/бур./*, *-сон/бур./*, *-ок/рус./*.

Следующий ряд субстратных топонимов с. *Кызкэн*, п. *Кызкена*, с. *Кыкер*, р. *Убыр Гызээхэн*, р. *Ара-Гызээхэн*, р. *Хурай Гызээхэн*, р. *Харгытуй Гызээхэн* – пр.пр.р. Хилок, р. *Гычехен* – пр.пр.р. Хилок и проч. образован, по мнению Р.Г. Жамсарановой, от селькупского термина *қықе~қықке~қыққэ* ‘река, речка, ручей’ [205, С. 104]. Полагаем, вслед за исследователем, что представленные названия претерпели незначительные изменения в своей фонологической и морфологической структуре. Согласно полевым наблюдениям, терминованное

кы'к'е (-кыга, -кыге) 'маленькая речка' в составе гидронима *Гыгээхэн* формирует в бурятском речевом сознании образ водного потока небольших размеров, журчащей на перекатах, речушки [80, С. 61]. Суффикс *-хан* (-хэн/-хон/-хөн) в бурятском языке имеет уменьшительно-ласкательное значение.

В топонимах с. *Кыэкэн*, п. *Кыэлена*, с. *Кыкер* наблюдается присутствие селькупского термина *қықе~қыққе~қыққэ* как топоосновы без особых изменений фонологической и морфологической структуры.

В бурятском языке изначально отсутствовала буква *к*, встречалась она в заимствованных словах (например, *класс*, *клеткэ*, *комедии* и др.). Фонетически буква *к* произносилась как [х], например, конфета – [*хомнет*]. Как отмечал Л.Д. Шагдаров, «исторический *к в положении перед гласным *i отражается в восточных и южных говорах в виде х', в хамниганском -к', х', в западных -с', т',х', ш'» [51, С. 151]. Вероятно, селькупская *қ*, произносимая с придыханием [*к^h*] в бурятском получила звук [г], благодаря имеющимся сходным звукам в обоих языках, что можем наблюдать в географических названиях, типа *Гыгээхэн*, *Гычехен*, *Хурай-Гыгээхэн*.

Наблюдения физико-географического характера над региональной гидронимией, позволяет предположить, что возможным термином, вошедшим в состав формантов *-кан* (-ган)/ *-кен*/ *-кон* может быть самодийское *кыккэ* 'река'; *кыкэ* 'река, речка, приток'; *қыэкқе* 'ручѐк', служащее для обозначения притока в селькупском языке. В результате стяжения получившее форму в «тунгусском» *-кан(-ган)/ -кен/ -кон*, в бурятском языке *-хан / -хен/ -хон*. Также есть основания считать аффиксы *-кан(-ган)/ -кен/ -кон* общетунгусскими, учитывая то, что среди эвенкийских суффиксов Г.М. Василевич выделяет суффикс *-кән(-кэн, -көн)* при именных основах в качестве суффикса уменьшительности [32; 77, С. 109-110].

В топонимии Восточного Забайкалья встречаются многочисленные географические названия такие, как р. *Ага* – л.пр.р. Онон, с. *Урдо-Ага*, с. *Хойто-Ага*, пос. *Агинское*, с. *Ага-Хангил*, д. *Усть-Ага*, р. *Агита* – л.пр.р. Куэнга, р. *Агуца*, р. *Агуцакан* – пр.р. Акша и т.д., образованные, как принято считать, от бурятского *агы* 'пещера'. Многочисленные названия с основой *ага-* некоторые исследователи

связывают с эвенкийским *мага* ‘открытая равнина’, ‘холмистые степные равнины с перелесками’, ‘лесная чаща’, ‘тундра’, ‘болото’ и от бурят-монгольского *агуу* ‘великий, обширный’ [145; 146; 12; 165; 237].

Однако существует версия об ином происхождении данных географических названий, связанная с субстратным началом. Лексически схожим термином к бурятскому *агы* ‘пещера’ может быть селькупское *акка* ‘протока, большое длинное озеро, старица’ [205, С. 13]; *-акко(-акка)* ‘старица, озеро; рот, устье реки’ [16; 17]. Расхождение в семантической организации данных терминов объяснимо наличием родо-видового перехода терминов одного класса в другой, что является обычным явлением в корпусе географической терминологии.

Вариации как самих топонимов, так и их частей: *Ага, Агита, Агуца, Агуцакан*, в которых прослеживается наличие селькупского *-акко(-акка)* ‘старица, озеро; рот, устье реки’, возможно объяснить отсутствием в бурятском языке фонемы [к]. Мы считаем, что в структуре селькупского термина *-акко(-акка)* под влиянием бурятского языка произошло озвончение звука *к* в *г*, причиной этому может явиться также отсутствие буквы *к*, как таковой, в бурятском языке.

Трансформация морфологической структуры каждого топонима опосредована влиянием принимающих языков. Так, отмечается наличие эвенкийского словообразовательного суффикса *-кан*, а также присвоение грамматических признаков субстратным топонимам. Семантическое расхождение селькупского *-акко(-акка)* ‘старица, озеро; рот, устье реки’ и бурятского *агы* ‘пещера’ обусловлена принципом вторичной номинации в бурятском сознании исходного субстратного апеллятива.

В региональной топонимии при исследовании субстрата были описаны следующие названия: р. *Борохул*, р. *Дербул*, п. *Кербул*, с. *Моргул*, р. *Турхул*, с. *Чонгуль*, п. *Чогнули* и проч., где в качестве форманта выступает кетское *уль//куль* ‘вода’ [80, С. 92].

Присутствие гидронимических терминов в алтайских языках: тюрк. *go:l~go:l* ‘река, рукав реки, проток; долина’, *коол* ‘низменность, долина; речное русло; река’ [156]; тюрк. *köl* ‘вода’ [57], монг., бур. *гол* ‘река; долина реки’ [259],

безусловно имеющие лексико-семантическое сходство, обусловлено генетическим родством. Наряду с алтайскими параллелями термин *гол* обнаруживает типологическое сходство с кетским *уль//куль* ‘вода’ [80, С. 92; 50]. Из приведённого ряда топонимов очевидно, что субстрат может остаться в виде топоформанта *уль/хуль*. Исчезновение анлаутного *к* кетского термина *куль*, вероятно, можно связать с влиянием бурятского языка, в котором отсутствовала буква *к*, с одной стороны, с другой, можно полагать, что данный звук перешёл в *х*, откуда легко мог перейти в *г* в термине *гол* ‘река; долина реки’. Отсюда следует, что бурятское *гол*, как и др.-тюрк. *Кõl* ‘вода’ могут иметь параллели с кетским *уль//куль* ‘вода’.

3.3.4. Конвергентные явления в топонимической лексике лимнологического характера

Лимнонимами являются имена собственные любого озера, пруда [180, С. 69]. Конвергентные явления наблюдаются и в топонимической лексике лимнологического характера. Так, бурятский лимнологический термин *нуур* ‘озеро’ [259, С. 350] имеет лексико-семантическую параллель с самодийским термином *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’. Данный пример был описан в сравнительно-сопоставительном аспекте Р.Г. Жамсарановой. Соглашаясь с мнением автора, мы также считаем, что данное сопоставление и материальное сходство является примером как родо-видового перехода исходного термина самодийского происхождения уже в монгольских языках, так и результата диахронных межъязыковых связей. Примером проявления конвергентного явления самодийского термина *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’ может служить процесс, когда субстратный термин органически становится частью терминологии суперстратной топонимии [80, С. 66].

Данное положение объяснимо реконструкцией следующих лингвистических процессов. Переход самодийского гласного *-а-* в бурят-монгольское *-уу-* объяснимо, вероятно, языковыми моментами контактирования давнего по

времени периода. Заметим, что в стп.-монг. лексема ‘озеро’ фиксировалась словом *naγur* [46, С. 6]. В стп.-монг. *naγur* ещё не произошёл перелом гласного *i, который стал следствием стяжения долгих гласных, как в современном монгольском и бурятском языках (ср. *нуур* ‘озеро’). Стп.-монг. лексема *naγur* по времени своей фиксации отражает возможный период языковых контактов, языковым отражением которого стали термины самодийского *н’ар* (*н’аррь*) и монгольского *нуур* ‘озеро’ [80, С. 132].

Старописьменный монгольский гидронимический термин *naγur* ‘озеро’ сопоставим и в лексико-семантическом, и в фонологическом, морфологическом плане с селькупским термином тельмографического характера *нагурит* ‘трясина’.

К примеру, самодийский тельмографический термин обнаруживает и лексическую, и семантическую близость (ср. *нагурит* – *naγur*) с бурят-монгольским термином *нуур* ‘озеро’.

Также нами были обнаружены следующие географические термины эвенского языка, обнаруживающие лексико-семантическое сходство с выше указанными лексемами бурятского *нуур* ‘озеро’ и самодийского *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’: *нирукаг* (диал.) ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; *нярукаг* ‘болото, топь, трясина; топкий, болотистый’; *нярги* (диал.) ‘перекат, мель, порог на реке; брод, переправа’; являющиеся синонимичными самодийскому *н’ар* (*н’аррь*) ‘болото’. Можно с уверенностью констатировать диалектную вариативность тунгусо-маньчжурских терминов, обнаруживающих семантический и, далее, родо-видовой сдвиг.

Таким образом, обнаруженные в составе ойконимов Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа 1897 года (*Нагурь*, *Бага-Нагурь*, *Хутуль-Норь*, *Цаган-Норь*) старомонгольские географические термины в сопоставлении с субстратными апеллятивами, имеющие при этом материальное лексико-семантическое сходство, дают возможность предполагать о наличии древних языковых контактов монгольских и каких-то самодийских племён на территории Циркумбайкалья. Старомонгольские термины, по-видимому, оставшись в лексических фондах современных монгольского и бурятского языков,

продолжают активно функционировать в составе топонимов на территории исследуемого региона, однако посредством современной видоизменённой терминированной лексемы *нуур* ‘озеро’.

В региональной топонимической системе встречается обилие лимнонимов с основой *нуур*: п. *Нура*, оз. *Барун-Нур*, оз. *Захын-Нур*, оз. *Так-Нур*, оз. *Ганга-Нур*, оз. *Гурбан-Тологой-Нор*, оз. *Ехэ-Нор* оз. *Дабаса-Нор*, г. *Нулусу-Нур*, оз. *Гата-Нур*, оз. *Хара-Нор*, оз. *Самого-Нур*, п. *Нортуй*, оз. *Сели-Нор*, ур. *Будунэ-Нур*, оз. *Гиелын-Хидачей-Нор* (г.-сол.), оз. *Дотней-Нор*, оз. *Дунда-Нур*, оз. *Зун-Нур* (г.-сол.), оз. *Малый Цаган-Нор*, оз. *Оту-Нор*, оз. *Барун-Нур*, оз. *Джиран-Нур* (сол.), оз. *Зун-Нор*, оз. *Цаган-Нор* (г.-сол.), п. *Нарын*, р. *Нарын*, р. *Норици*, что свидетельствует о частоте участия лимнологических терминов в образовании топонимов Забайкалья.

Примеры демонстрируют степень влияния русского языка на географическое название, связанное с субстратными языками, например, передача бурятского долгого *-уу* одним кратким *-у*; переход *-у* в *-о*, опосредованный, вероятно, ударным положением.

Несомненно, что на протяжении длительного исторического периода тюркоязычные, самоедоязычные, монголоязычные, тунгусо-маньчжуроязычные народы, как и в современности, занимали смежные территории, не раз оказываясь в зависимом положении друг от друга, контакты между ними приводили к взаимовлиянию языков, отразившихся в топонимических названиях данной территории.

Следующие топонимы *Аруйн-Торум*, оз. *Бага-Тором*, оз. *Шара-Торум*, ур. *Гансе-Нарасен-Тором*, оз. *Ирен-Тором*, оз. *Ирен-Торум*, п. *Сохор-Тором*, п. *Арын-Тором*, п. *Шара-Тором*, оз. *Барун-Торей*, оз. *Зун-Торей*, р. *Тара* – пр.р. *Кара*, р. *Тора Большая*, р. *Тора Малая* содержат в своей основе бурятский лимнологический термин *тоором* ‘горько-солёное озерко’. Данный термин имеет типологическое сходство с селькупскими апеллятивами *то~тō*, *ту* ‘озеро’, *тōр*, *тōр* [205, С. 240, 243] и ненецким *тō* ‘озеро’ [80, С. 72]. Исходя из общности самодийских терминов *то~тō*, *ту*, *тōр*, *тō* ‘озеро’, представляется сложным

отнесение части вышеприведённых топонимов только к селькупским, или только к ненецким. Исследование топонимической системы Восточного Забайкалья на наличие субстрата позволяет отнести данные названия, обусловленные географической привязкой мест исконного проживания бурят, а именно районов бывшего Агинского Бурятского автономного округа, к ненецким по происхождению.

Сопоставляемые географические термины *тоором* ‘горько-солёное озерко’ /бур./ и *то~тō, ту* ‘озеро’/сельк./, *тōр, тōр* имеют явное материальное сходство, не требующее, на наш взгляд, специального лингвистического анализа.

Известно, что бурятское диалектное *тором* (хорин.) отсутствует в других монгольских языках, что позволяет предполагать о явлениях конвергентного характера в бурятском языке, на формирование лексического фонда которого могли оказать какие-то из самодийских языков. Это вывод опосредован достаточно явными лексико-семантическими параллелями бурятско-селькупской терминологии родства и других разрядов лексики.

3.3.5. Конвергентные явления в топонимической лексике тельмографического характера

Тельмографическими терминами принято обозначать топкие болотистые места, трясину, грязь, лужу, как правило, появляющиеся в местах богатых влагой и избыточным увлажнением. В корпусе топонимической лексики тельмографического характера также наблюдаются явления, обусловленные конвергентными процессами.

Так, в «Субстрате в топонимии Восточного Забайкалья» приведены следующие примеры географических названий р. *Большая Бальджа* – л.пр.р. Дарасукан, р. *Бальджа* – л.пр.р. Онон, д. *Бальджа*, д. *Бальзир* (нежил.), оз. *Бальзино*, с. *Бальзино*, оз. *Бальзой* и пр., имеющие распространение на пограничных с Монголией территориях, в частности, Кыринском районе, в низменных местах между Чикоконским и Онон-Бальджиканским хребтами [80, С. 148]. Автор

монографии возводит топонимы с основой *балдж-/бальдж* к бурятскому *балшаг* ‘грязь; тина; лужа (зап.)’, монгольскому *балчиг* ‘болото, трясина’.

Влияние русского языка на морфологическую адаптацию бурятских топонимов, имеющих субстратное происхождение, бесспорно велико. Так, в названиях р. *Бальджа*, д. *Бальджа*, появилось окончание *-а*, в следующих названиях оз. *Бальзино*, с. *Бальзино*, русский суффикс *-ин*.

Автором «Субстрата в топонимии Восточного Забайкалья» (2011) приведено типологическое сопоставление монгольских терминов *балчиг/монг./*, *балшаг/бур./* в значении ‘топкое болотное место’, встречающиеся в основе с селькупскими *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’, *калжэ* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэ~калжэ~кальже* ‘кочка, топкое место с кочками’; *калжэзан* ‘согра (сырое топкое место, поросшее лесом, с кочками)’ [205, С. 35].

Приведённый в качестве сравнения селькупский географический термин относится к числу довольно распространённых в самодийском пласте топонимии Восточного Забайкалья. В селькупской системе местной географической терминологии исследователями отмечается развитая система тельмографической терминологии, обозначающей ‘болото; топкое кочковатое место с древесной растительностью; болотистое русло’ и др.

По мнению Р.Г. Жамсарановой, типологическое сопоставление самодийского термина *кал’джь* ‘топкое, кочковатое место с древесной растительностью’ с монгольским *бал’дж* (*балшаг* ‘грязь; тина; лужа (зап.) /бур./’, *балчиг* ‘болото, трясина’/монг./), при очевидном семантическом сходстве, становится возможным с учётом наличия маньчжурского термина *халчи~хали* ‘болото (травянистое, трясина)’. По-видимому, именно этот термин явился тем словом, посредством которого и произошло семантическое сближение терминологической лексики.

Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические параллели, выявленные исследователями А.Е. Аникиным и Е.А. Хелимским, позволяют констатировать факт древних этноязыковых контактов этих народов и служат основанием

подобного сопоставления [7]. Лексико-семантическое сходство данных географических терминов объяснимо, вероятно, общей языковой почвой, образовавшейся в результате взаимодействия языков самодийских, тунгусо-маньчжурских, монгольских народов.

Возможно и несколько иное предположение о связи бурятского *балшаг* ‘болото, трясина’, монгольского *балчиг* ‘топь, трясина, болото, грязь’ с каким-то иным самодийским термином. Более близким по фонетическому сближению и семантическому значению к монгольскому может являться селькупское *пальця/пальтя* ‘вязкая грязь’ [205, С. 179]. Монгольское *балчиг*, бурятское *балшаг* восходят к старописьменно-монгольскому *balčiy* ‘грязь, тина’, на месте стп.-монг. аффрикаты *č* развились *с, ш, ц, и ч* (~XII в.). Переход самодийского *пальця/пальтя* в бурятское *балшаг*, во морфологической структуре которого произошли изменения, возможно объяснить влиянием бурятского языка, для которого характерно чередование согласных *б/п, ш/ц/т* [195].

Таким образом, самодийские и монгольские топографические термины имеют очевидное семантическое сходство при естественной фоно- и морфологической перестройке исходного *пальця/пальтя* ‘вязкая грязь’ через посредство стп.-монг. *balčiy* ‘грязь, тина’.

Бурятский термин *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’ стало основой географических названий, функционирующих в районах компактного проживания бурят: руч. *Малый Шабартуй* (Агн. р-н), п. *Дунда-Шабартуй* (Длд. р-н), п. *Куку Шивэр*, п. *Шевертуй*, п. *Шывырсутуй* (Онн. р-н).

Многочисленные названия р. *Ехэ-Шэбэр* – пр.пр.р. Кыра, оз., п. *Шабартай*, п. *Шывыртай*, руч. *Шэбэртуй Балыринский* – л.пр.р. Былыра, д. *Шэбэртуй* (Крн. р-н), п. *Большая Шиварчи*, п. *Малая Шиварчи*, п. *Верхний Шивырчей*, п. *Харашивыр*, р. *Хара-Шэбэр* – пр.р. Ингода, п. *Шивертей*, р. *Шивача* – пр.пр.р. Шилка (Шлк. р-н), р. *Шивырна* – пр.пр.р. Ульдыгича, п., р. Шавырная – пр.пр.р. Малый Урюм (Мгч. р-н), оз. *Зун-Шэбэртуй* (Брз. р-н), п. *Нарин-Шебер* (Приарг. р-н), р. *Шеварца* – л.пр.р. Горбица (Чрнш. р-н), р. *Шивырна* – л.пр.р. Цагашкина,

п. *Нижний Шиверчей*, п. *Верхний Шиверчей*, п. *Шовырна* (Нерч. р-н), возможно отнести к субстратным топонимам, в основе которых лежит селькупский лимнологический термин *чвор~чьвэр~свор~тьвэр~төр* ‘большое озеро с истоком’; ‘место, покрытое кустарником и затапливаемое весной; ‘узкое длинное озеро’; ‘старое русло реки, старица’; ‘протока в пойме реки’ [205, С. 278-279], который имеет лексико-семантическое сходство с бурятским тельмографическим термином *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’. Развитие семантического значения исконно селькупского термина в бурятском языке, по-видимому, является примером проявления транстопонимизации, при которой, как отмечалось ранее, возможен переход одного вида топонимов в другой.

Трансформация исконного селькупского *чвор* в бурятское *шэбэр* сопровождается лингвистическими процессами в системе консонантизма и вокализма. Так, переход селькупского ч- в бурятское ш- обусловлен наличием общемонгольской аффрикаты *č, которая в бурятских говорах распадается на шипящий *ш* и свистящий *с*. «Сохранение фонемы *ш* в бурятских словах», – как пишет В.И. Рассадин, «связано с более поздним переломом *i нежели в халхаских и ойратских языках. В бурятском языке к тому периоду, когда произошли коренные преобразования фонологической системы, связанные, в первую очередь, с исчезновением аффрикат, в этих словах ещё удерживалась шипящая аффриката *č*, давшая шипящий щелевой *ш*» [195, С. 75-76]. По-видимому, именно этим историческим явлением обусловлено появление на месте селькупского ч бурятское ш (*чвор* – *шэбэр*).

Развитие на месте аффрикаты *č звуков *с*, *ш*, *ш*, *ч*, по мнению В.И. Рассадина, «отражает различные исторические судьбы и особенности формирования, сложения тех или иных бурятских племён, их разнообразнейшие связи и взаимоотношения с другими народами» [195, С. 133-134].

Переход консонантного в- селькупского термина *чвор* в б- бурятского *шэбэр* связан с отсутствием в бурятском языке фонемы в, встречающегося только в

заимствованных словах. Как правило, *в-* заменялась фонемой *б*. «Бурятский язык во всех случаях удерживает смычный характер *b» [195, С. 71].

При переходе селькупского термина *чвор* в бурятское *шэбэр* в системе консонантизма наблюдается появление [э]. Полагаем, что данное обусловлено законом сингармонизма, характерного для монгольских языков. Сингармонизм монгольских языков представляет собой морфолого-фонетическое явление, состоящее в уподоблении гласных в рамках одного слова по одному или нескольким фонетическим признакам, как, например, в терминированном *шэбэр*.

Переход селькупского *о-* в бурятское *э-*, вероятно, связано с историей развития фонетики бурятского языка. В.И. Рассадин пишет, что «Фонема [э] является мягкорядной фонемой, встречающейся во всех бурятских говорах. Её произношение в бурятском языке заметно отличается от произношения соответствующей фонемы халха-монгольского и калмыцкого языков. Так, в монгольском и калмыцком языках орфограмма *э* представляет собой фонему, обозначаемую в фонетической транскрипции знаком «*е*», – открытый гласный переднего ряда 4-й степени подъёма (по классификации академика Л.В. Щербы), напоминающий русское *э* в слове *это*. Бурятская же орфограмма *э* передаёт фонему, отличающуюся от монгольско-калмыцких тем, что произносится несколько закрыто и при оттянутом назад языке, т.е. это звук 4-й степени подъёма, но не переднего, а смешанного ряда, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком «*з*» (по классификации академика Л.В. Щербы). Эта существенная разница в артикуляции и придаёт бурятской фонеме [э] тот своеобразный акустический эффект, благодаря которому бурятская речь резко отличается от монгольской и калмыцкой» [195, С. 14-15].

Таким образом, наличие смешанного «*з*» вместо переднерядного «*е*» можно считать одним из дифференцирующих признаков наряду с *h*, *ш*, *ж*, *с*, отличающих бурятский язык от монгольского и калмыцкого [195, С.14-15]. Поэтому полагаем, что наличие подобного рода признаков, отличающих бурятский язык от других монгольских языков, может свидетельствовать о влиянии каких-то самодийских племён на лексику бурятского языка.

Следующий тельмографический термин бурятского диалекта *сункок* ‘ключ в реке, маленькое глубокое топкое место’; ‘глубокий омут’; ‘прорубь’, описанный нами ранее [68, С. 6-10] органично вошёл в структуру следующих топонимов: оз. *Сангошка*, п. *Сенкокуча*, п. *Сонгич*, п. *Сангинная*, руч. *Сангошкин*, д. *Самкак*, р. *Санга Южная* – л.пр.р. Ингода, р. *Санга-Гуйлон* – л.пр.р. Джимибирка, р. *Сангинак* – пр.пр.р. Нерча, р. *Санга*, оз. *Сангошка*, п. *Сонкока*, кл. *Сонкокский*, оз. *Сункурун*, п. *Сункосок*, р. *Санга*, р. *Сенкоуча* – пр.пр.р. Унда, г. *Сангина*. *Сункоками* называют также и глубокие омуты в пойме р. Онон, где скапливается рыба [ПМА Жамсаранова 2006-2012].

Полагая о первичности гидронимов типа *Санга*, *Сангинак*, *Сенкоуча*, в основе которых лежит апеллятивное *сан(э)/сен(к)*, возможно представить термин *сункок* как состоящий из двух компонентов – *сун* + *кок*. Первый компонент *сун* можно отнести к пратюркскому названию воды *su:w* (др.-тюрк. *sub*, *suw*, *siu*, хак. *su*, чув. *şuw* и т.д.) [214, С. 88].

Второй компонент *кок*- термина *сункок*, вероятно, имеет лексико-семантическую параллель с терминами современных тюркских языков. К примеру, в тюркских языках приводятся следующие лексемы: *qaq* ‘лужа’/казах./, *qaq* ‘небольшое углубление в горах, где задерживается влага атмосферных осадков’ /кирг./, *хах* ‘место, где водится рыба’ /хак./, *qaq* ‘стоячая вода, лужа, пруд’ /бараб./, однако во многих других тюркских языках данная лексема получила значение ‘сухой, суша’» [214, С. 92].

Лексически и семантически близким словом бурятскому *сункок*, а также как двусоставному термину *сун+кок* тюркских языков, на наш взгляд, может быть апеллятивное *коққа* ‘глубокая яма, где водится рыба’/кет. диал. сельк./ [205, С. 88]. Любопытно, что значение *коққа* ‘глубокая яма, где водится рыба’ селькупского языка, совпадает со значением, зафиксированным при работе с информантами: *сункок* «глубокая яма, оставшаяся после наводнения реки Онон, в которой остается рыба» [ПМА Жамсаранова 2012].

Сопоставление терминов бурятского *сункок* и кетского диалектного *коққа*, обнаруживающее очевидное лексико-семантическое сходство, позволяет

выдвинуть предположение о территориальном употреблении данного термина. Вероятно, самодийский термин *коққа* мог сохраниться в каких-то иных сибирских языках (возможно, вымерших) в форме слова, схожего по семантике термину *сункок*. Не исключено, что бурятское *сункок* может явиться производным от лексем каких-то более ранних языков.

Любопытно отметить, что создателем первого монгольско-русского словаря К.Ф. Голстунским была зафиксирована лексема *kōkūn* 'лужа, пруд'/стп.-монг./ [46, С. 446], через посредство которой, по нашим предположениям, апеллятивное *коққа* 'глубокая яма, где водится рыба'/кет. диал./ вошло в состав субстратного термина *сункок* /бур./ и осталось в качестве детерминатива.

Сопоставительный аспект сравнительного анализа местной географической терминологии бурятских и субстратных языков позволяет констатировать, во-первых, типологическое сходство лексической и семантической структуры бурятских терминов с самодийской и кетской субстратной апеллятивной лексикой.

Во-вторых, обнаруженное и описанное лексико-семантическое сходство бурятской и субстратной терминологии доказывает самодийское субстратное начало большинства топонимических названий Восточного Забайкалья, что и обусловило сопоставление терминологической лексики бурятского и самодийского (селькупского, ненецкого) языков.

Фонологическая и морфологическая адаптация субстратного самодийского апеллятива средствами бурятского языка происходила по следующим параметрам

в области вокализма: а) долгота гласного $\bar{a}$, развившейся в результате соединения двух гласных *aa* на стыке морфем; б) появление на стыке двух гласных протетических звуков $\chi \sim \gamma$;

в области консонантизма: а) в старописьменном монгольском сочетание букв *-ng*, произносимое как носовой сонант ($n^{\text{с}}$), в селькупском η , заднеязычный сонант; б) диалектные чередования *ч/ш*, *к/г/х*, *т/д*; в) наблюдаемые переходы селькупских звуков в бурятские, к примеру, инициальное *к*- перешло в *h*- (как *-ha*),

происходят под влиянием артикуляционных особенностей бурятского языка, в котором отсутствуют те или иные звуки (звук [к]).

Выводы по главе 3

В результате проведённого анализа топонимической лексики на предмет выявления интерферентных явлений обнаружилось, что в условиях языкового контактирования как в синхронии, так и в диахронии, функционирующие топонимы содержат в своей основе субстратный географический детерминант. При взаимодействии одновременно функционирующих на одной территории русского с бурятским и эвенкийским языками наблюдаются случаи псевдосемантизации и псевдоморфологизации топонимов.

Трансферентные явления в топонимической лексике Восточного Забайкалья иллюстрируют наличие древнетюркских географических терминов, получивших распространение во всех алтайских языках практически в неизменной фонетической, морфологической, семантической формах.

Известно, что конвергенция в языкознании представляет собой сближение или, иногда, совпадение двух и более единиц языка. Конвергентные явления проявляются в двух аспектах – глоттогоническом и структурно-диахроническом.

Сравнительно-сопоставительный анализ топонимической лексики Восточного Забайкалья позволил выявить примеры (предварительно) глоттогонического аспекта конвергенции, которые проявились на примере анализа терминологии:

а) обнаруживается близость долготы гласных звуков бурятского *-aa* термина *дабаа(н)* и селькупского *-oa* термина *тоаң* при сопоставлении терминов бурят-монгольского *дабаа(н)* ‘горный перевал’ с селькупским *мырзыттоаң* ‘хребет (горный)’;

б) переход *ч-* /самод./ в *ш-* /монг./ в терминах *чял; šili, шил, шэлэ* при сопоставлении географических терминов *шэлэ* ‘плоская возвышенность, плоскогорье, пригорок, холм’/бур./, посредством стп.-монг. *šili* ‘плоская

возвышенность, низкая и плоская гора, пригорок, холм²/стп.-монг./, *шил-* ‘затылок, загривок’; ‘отрог горного хребта; плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; холм²/монг./ с самодийским *чял* ‘опушка (леса)’/сельк./;

в) развитие фонемы *-ы-* ненецкого языка в бурятского э при сопоставлении бурятского термина *хунхэр* ‘долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг’ с ненецким *хыңгяр* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’;

г) ослабление артикуляции бурятских консонантов, когда в историческом развитии языков общемонгольские шипящие аффрикаты, перешли в щелевые звуки *š, ž, s, z*;

д) выявилось соответствие звуков *ж, з* при сопоставлении терминов стп.-монг. *žabsar* ‘щель, промежуток’ (на основе метонимического переноса) с тунгусо-маньчжурскими оронимическими терминами *Жанка* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвен./; селькупским *sarqi* ‘ложбина, седловина’/сельк./, а также монгольскими *жабха* ‘подлесок’/бур./, *жабхара* в значении ‘пересохшее русло небольшой протоки’/бур./;

е) выявлено наличие ослабления артикуляции консонантного ряда *n-* || *б-; -ц-* (<*пальця*) || *-ч-/-ш-* (<*балчиг, балшаг*) при сопоставлении бур. *балшаг* ‘грязь; тина; лужа (зап.)’, монг. *балчиг* ‘болото, трясина’, стп.-монг. *balčiy* с *пальця/пальтя* ‘вязкая грязь’/сельк./

Второй аспект конвергентных явлений – структурно-диахронический представлен единичным примером (*Танга, Танха*).

Таким образом, обнаруженноераннее наличие лексического и семантического сходства апеллятивной лексики терминологического характера внутри монгольских и самодийских языков подтверждается проведённым лингвистическим анализом конвергентных процессов. В результате конвергенции языков, не связанных генетическими отношениями, выявляются языковые факты, которые свидетельствуют об их типологическом и материальном сходстве [280, С. 154-155].

Имеющиеся исследования по субстратной топонимии [81; 80; 77], терминологии родства в самодийских и монгольских языках [83], этнонимии

монгольских народов [79], а также параллели в лексическом фонде самодийских языков могут быть объяснимы давними общетунгусскими истоками происхождения бурят как отдельной национальности.

Сопоставительно-типологический анализ корпуса топонимической лексики самодийских и монгольских языков позволил выделить некоторые общие и типологические сходные явления. К примеру, «чередование ненецких согласных $x//c$, $m//\bar{b}$, $m//\bar{v}$ типологически схожи с консонантным рядом чередующихся $h//c$; $m//\bar{b}$, распространённым в языках алтайской семьи; консонантное чередование $n\sim m$, $\bar{b}\sim m$, характерное как для монгольских, так и для самодийских языков» [258, С. 3-23; 77, С. 71].

Некоторые языковые явления, типичные только для бурятского языка, в отличие от других монгольских языков, могли произойти в протобурятском языке. Историк бурятского языка В.И. Рассадин связывает данное явление с субстратно-адстратным влиянием каких-то аборигенных племён на территории Прибайкалья [80, С. 164].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Заключении изложены основные результаты данного исследования:

1. Изученный свод топонимической лексики Восточного Забайкалья позволяет доказательно полагать о наличии проприальной и апеллятивной лексики, связанной как с алтайскими, так и уральскими языками. При этом обнаружено частотное наличие самодийского субстрата.

2. Исследование топонимической лексики субстратного происхождения представлено сводом географических терминов разных классов в качестве детерминантов субстратного топонима в а) орографической терминологии (20 ед.), б) оронимической терминологии (15 ед.), в) гидронимической терминологии (10 ед.), г) лимнологической терминологии (16 ед.), д) тельмографической терминологии (18 ед.). Сопоставительный анализ позволяет сделать предварительные выводы о лексико-семантической близости географических терминов (монгольских и самодийских, кетских), подтверждая тем самым наличие выделенных в своё время стратиграфических пластов топонимии Восточного Забайкалья.

3. Процессы языковой адаптации топонимической лексики в языках-реципиентах (бурятском, русском) верифицированы в виде топонимов, искажённых явлениями псевдоморфологизации и псевдосемантизации. При этом очевидно влияние так называемой межъязыковой омонимии, когда из средств языка-реципиента «подбираются» созвучные апеллятивы, которые условно приобретают статус детерминанта. В результате появляются топонимы, которые интерпретируются от апеллятивов типа: *хурьга(н)*, *хандагай*, *шандаган*, *тэмээ(н)*, как результат «ложной (или народной)» этимологии.

4. Описанные лингвистические процессы в корпусе топонимической лексики Восточного Забайкалья как интерферентные, трансферентные и конвергентные явления, позволяют сделать следующие выводы.

Интерференция в корпусе топонимической лексики проявляется в двух видах – диахроническом и синхроническом. Синхронический вид интерференции обнаруживает, на наш взгляд, явление субстрата в географической терминологии.

Диахронический вид интерференции обнаруживает, прежде всего, факт семантического переосмысления исходного детерминанта как географического термина субстратного происхождения, вследствие морфологической и фонетической перестроек.

5. Трансферентные явления в топонимической лексике Восточного Забайкалья обусловлены, во-первых, этноязыковой общностью алтайских языков, во-вторых, территориальной общностью описываемых языков.

6. Более глубокие процессы лингвистического характера затронуты в параграфах, где описаны конвергентные явления в топонимической лексике Восточного Забайкалья. Данное описание позволило вскрыть и проанализировать явления, имеющие, во-первых, несомненную новизну вследствие неизученности самодийско-монгольских языковых контактов. Во-вторых, проявившиеся типологически сходные черты систем фонологии и семантики этих неродственных языков (самодийских и монгольских) позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу о диахронном урало-алтайском языковом союзе, включая территорию описываемого региона [79].

Сопоставительный анализ географической терминологии позволил выявить следующие лингвистические явления:

1) в морфологической и фонологической структуре апеллятивов обнаружилось:

а) в одних случаях, полное лексико-семантическое сходство преимущественно в гидронимических, лимнологических терминах; в других случаях, частичное лексико-семантическое сходство в орографических, оронимических, тельмографических терминах;

2) Сопоставительный анализ предоставил основание полагать, что монгольские и самодийские языки объединяет ряд типологически значимых характеристик в системе вокализма:

а) редукция безударных гласных, отмечаемая как монголоведами (И.В. Руднев, В.И. Рассадин, П.И. Дарбеева) в диалектах бурятского языка, так и селькуповедами (В.В. Быконя, Н.Г. Кузнецова, Н.П. Максимова). Наличие в корневой основе терминов фонемы [э], сближающей монгольские термины с самодийскими, пояснимо следующим положением: в монгольских, как и в самодийских терминах, наличествует мягкорядная [э] бурятского языка, перешедшая в смешеннорядную «э» вместо переднеязычного «е» [191, С. 15], которая имеет особую артикуляцию «отличную от других монгольских языков и сопоставляемую с артикуляцией соответствующей гласной тунгусских говоров» [191, С. 16].

В самодийских, в частности в селькупской терминологии, отмечено функционирование среднерядного неогубленного гласного э (в основном, после твёрдых согласных). В селькупском языке [э] используется для передачи качественно неопределённых звуков в ударных и безударных слогах после твёрдого согласного [205, С. 8];

б) наличие долгих и кратких гласных как в монгольских, так и в самодийских географических терминах;

в) сопоставительный анализ алтайских, в частности, бурятских, терминов с самодийскими подвёл нас к следующему выводу о возможности наличия

- перехода *-оа-/сельк./* в *-аа-/бур./*, *-ō-/сельк./* в *-оо-/бур./* как следствие наличия долготы гласных;

- перехода краткого *-ǎ-/нен./* в *-э-/бур./*, перехода *-о-/сельк./* в *-э-/бур./*, перехода *-я-/сельк./* в *-э-/бур./* [э] бурятского языка. Известно, что фонема [э] бурятского языка – это мягкорядная фонема, перешедшая в смешеннорядную «э» вместо переднеязычного «е» [191, С. 15];

- перехода *-э-/нен./* в *-а-/бур./*; перехода *-э- тэл/нен./* в *-а- тала/бур./*, что связано с историей развития системы вокализма в монгольских языках. В.И. Рассадин пишет, что мягкорядная фонема [э] является фонемой смешанного ряда, акустически близкая к русскому *ы* или тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Поэтому

В.И. Рассадин выделяет особый характер бурятского э в отличие от других монгольских языков, наряду с другими дифференцирующими признаками (бурятское фарингальное *h*, проточные согласные *ш*, *ж*, *с* вместо аффрикат *ч*, *дж*, *ц* халхасского и калмыцкого языков) [196, С. 23].

- перехода *-ы/-нен./* в *-ү/-бур./*. Фонема [ы] ненецкого языка, вероятно, развилась в бурятское *-э-*, появившееся «на месте исконного общемонгольского *е» [191, С. 17] через посредство стп.-монг. гласных *й* или *ö*».

Развитие [ү] на месте *ö отмечается, по мнению В.И. Рассадина, в монгольских языках со средних веков [191, С. 17; 22]. Данное положение позволяет полагать об историческом процессе в системе вокализма монгольских языков, начиная с периода создания «Сокровенного сказания монголов».

3) Тенденция к общему ослаблению артикуляционной напряжённости, наблюдаемая в диалектах сопоставляемых языков (бурятского и селькупского) проявляется, например, всистемеконсонантизма:

- переходом *-с-/сельк./* в *-ж-/бур./*, переходом *-ч-, -ц-/т/сельк./* в *-ш-/бур./*. Возможный переход *ч-/самод./* в *ш-/монг./* в терминах *чял; šili, шил, шэлэ*, позволяет считать алломорфы монгольских языков возникшими в результате каких-то древних самодийско-монгольских языковых контактов. Наличие и сходство этих терминов обусловлено историей развития монгольских языков, в частности, историческим переходом общемонг. *č в бур. š [191, С. 75-76].

Историк бурятского языка В.И. Рассадин пишет о том, что «в бурятском языке до начала действия тенденции ослабления смычки у согласных наличествовали и свистящие аффрикаты *ц* и *дз*, которые из всех монгольских языков имеются ныне лишь в халхасском и калмыцком языках» [191, С. 133]. Данное мнение позволяет нам сопоставить старописьменно-монгольский *žabsar* ‘щель, промежуток’ (на основе метонимического переноса) с оронимическими терминами *Žанка* ‘промежуток, щель, трясина, расселина’/эвен./; *sarqi* ‘ложбина, седловина’/сельк./, *жабха* ‘подлесок’/бур./, *жабхара* в значении ‘пересохшее русло небольшой протоки’/бур./.

Развитие щелевых звуков *š, ž, s, z*, соответствующие *ж, з* обусловлено дивергенцией общемонгольских шипящих

аффрикат. В истории бурятского языка это явление объясняют ослаблением артикуляции бурятских консонантов [196, С. 133; 135];

- в бурятских терминах наблюдается отсутствие взрывных согласных в анлауте, например, переход *-қ-* /сельк./ в *-х-* /бур./ «Переход» гидронимического термина *қы~қэ* в бурятское *-хи* может объясняться тем, что в селькупском языке [қ] – глухой увулярный согласный звук образуется смычкой малого язычка с задней частью спинки языка. В бурятском языке этот звук будет иметь соответствие в виде [k^h] со сдвигом в сторону фарингального [h].

К тому же, переход селькупского *ки-* в бурятское *хи(л)-* или *гы-* можно объяснить отсутствием в бурятском языке звука [к]. Вторичная номинация в речевом сознании носителей бурятского языка субстратного термина привела к семантическому объяснению появления предположения этимологии приведённых выше гидронимов от бурятского *хилэ* ‘граница; рубеж’;

- в бурятских терминах наблюдается отсутствие палатализованных согласных, за исключением единичного термина *хилэ* ‘граница; рубеж’.

- в бурятских терминах наблюдается наличие звонких согласных как следствие возможного ослабления условно исходных глухих фонем селькупского языка: переход анлаутного *-п-* /сельк./ в *-б-/бур./* *п-||б-*; ауслаутного *-ц-* (<пальця) || *-ч-/ш-* (<балциг, балшаг); анлаутного *-т-||-д-* (*тоаң / дабаа(н)*); инлаутного *-к- || -г-* (*акка / агы*).

- переход *-ң-/нен./* в *-нх-/бур./* объясним очевидным звуковым совпадением сонантов.

Возможность сопоставления апеллятивной лексики самодийских и монгольских языков, верифицированных географической терминологией, обусловлена подмеченными «остатками сингармонизма, редукцией гласных» [205, С. 318] в системе вокализма селькупского языка. В системе вокализма монгольских языков присутствует сингармония гласных, редукция безударных гласных, что даёт основание для сопоставления данных языков, с учётом диахронных аспектов языков. Причём только в монгольском и бурятском языках вокализм представлен сингармонизмом по ряду и огубленности, в калмыцком

только по ряду; в остальных монгольских языках сингармонизм отсутствует вообще или сильно разрушен.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ географической терминологии монгольских и самодийских языков позволил сделать предварительные выводы о наличии, в основном, глоттогонической конвергенции, присутствующей в апеллятивной лексике терминологического характера. Можно высказать предварительное заключение о древнем сосуществовании каких-то монгольских языков и диалектов с какими-то самодийскими.

Сопоставительный анализ топонимической лексики Восточного Забайкалья даёт основание определить самодийские языки тем субстратом, который и повлиял (в том числе) на историческое развитие бурятского языка.

Результаты данного исследования предоставляют возможность постановки вопроса об исторических связях и контактах народов региона, а также о проблеме межъязыковых диахронных взаимоотношений. Очевиден сложный процесс становления местной географической терминологии бурятского языка, испытавшей влияние не только родственных алтайских языков (древнетюркского, тюркских, эвенкийского, эвенского, старописьменного монгольского, монгольского), но и уральских языков, в первую очередь, самодийских – ненецкого, селькупского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- бас. р. – бассейн реки;
Бол. – Большой/Большая;
Верх. – Верхний;
г. – гора;
г.-сол. – горько-солёное;
д. – деревня;
зап. – западный диалект бурятского языка;
исчез. – исчезнувшее;
кл. – ключ;
л.пр.р. – левый приток реки;
лет. – летник;
Мал. – Малый/Малая;
МФ – молочная ферма;
нежил. – нежилое;
Ниж. – Нижний;
оз. – озеро;
ОТФ – отгонно-товарная ферма;
п. – падь;
п.пр.р. – правый приток реки;
перен. – переносное;
пос. – посёлок;
проч. – прочее;
р. – река;
р-н – район;
руч. – ручей;
с. – село;
ср. – сравните;
Ср. – Средний;

ст. – станция (железнодорожная);

ур. – урочище;

хр. – хребет;

VCV - Vowel-Consonant-Vowel (гласный – согласный – гласный).

Список сокращений языков

азерб. – азербайджанский;

алт. – алтайский;

алт. – алтайский;

бур. – бурятский;

др.-тюрк. – древнетюркский;

индоевр. – индоевропейский;

казах. – казахский;

казах. – казахский;

калм. – калмыцкий;

кар. – караимский;

кет. – кетский;

кет.диал. – кетское диалектное;

кирг. – киргизский;

ма. – маньчжурский;

манс. – мансийский;

монг. – монгольский;

нан. – нанайский;

нган. – нганасанский;

нен. – ненецкий;

общемонг. – общемонгольское;

общесамод. – общесамодийское;

рус. – русский;

самод. – самодийский;

сельк. – селькупский;

стп.-монг. – старописьменно-монгольский;
 т.-ма. – тунгусо-маньчжурский;
 тув. – тувинский;
 тув. – тувинский;
 тур. – турецкий;
 тюрк. – тюркский;
 узбек. – узбекский;
 ф.-уг. – финно-угорский;
 х.-монг. – халха-монгольский;
 хорин. диал. – хоринское диалектное;
 хак. – хакасский;
 хант. – хантыйский;
 чж.-чжурчженьский;
 чув. – чувашский;
 шор. – шорский;
 эвен. – эвенский;
 эвенк. – эвенкийский;
 энец. – энецкий;
 як. – якутский.

Список сокращений административных единиц (районов)

Агн. – Агинский;
 Акш. – Акшинский;
 Алек.-Зв. – Александрово-Заводский;
 Блск. – Балейский;
 Брз. – Борзинский;
 Бхн. – Боханский;
 Газ.-Зв. – Газимуро-Заводский;
 Длд. – Дульдургинский;
 Зб. – Забайкальский;

Злр. – Заларский;
Клг. – Калганский;
Клр. – Каларский;
Крм. – Карымский;
Крн. – Кыринский;
Крнсч. – Красночикийский;
Крснк. – Краснокаменский;
Мгт. – Могойтуйский;
Мгч. – Могочинский;
Нрч. – Нерчинский;
Олв. – Оловянинский;
Он. – Ононский;
Петр.-Зб. – Петровск-Забайкальский;
Приарг. – Приаргунский;
Тнг.-Олкм. – Тунгиро-Олёкминский;
Улт. – Улётовский;
Хлк. – Хилокский;
Чрн. – Чернышевский;
Чрнш – Чернышевский;
Чтн. – Читинский;
Шлк. – Шилкинский;
Шлп. – Шелопугинский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманов, А. Историческая близость тюркских народностей Сибири и казахов на основе этнонимии и топонимии / А. Абдрахманов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков : материалы межвуз. конф. (11–13 мая 1969 г.) / Том. гос. пед. ун-т. – Томск, 1969. – С. 11–14.
2. Ангархаев, А. Л. Этимологическое исследование древнемонгольских онимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Ангархаев Ардан Лопсонович. – Улан-Удэ, 2002. – 15 с.
3. Андреев, И. А. Типы языковой экономии и их взаимодействие в структуре чувашского языка / И. А. Андреев // Известия Академии наук Чувашской Республики. – 1993. – № 1. – С. 37–49.
4. Андреев, И. А. Учебник чувашского языка для русских / И. А. Андреев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 271 с.
5. Андреева, С. В. Сопоставительно-типологическое исследование способов словообразования в бурятском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.16 / Андреева Светлана Васильевна. – Улан-Удэ, 1996. – 19 с.
6. Андреева, С. В. Сопоставительно-топологическое исследование способов словообразования в разноструктурных языках: монография / С. В. Андреева, В. Д. Патаева; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Батор: "Тод бичиг" ХХЛ, 2015. – 160 с.
7. Аникин, А. Е. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи / А. Е. Аникин, Е. А. Хелимский. – Москва : Яз. славян. культуры, 2007. – 256 с.
8. Атаманов, М. Г. История Удмуртии в географических названиях / М. Г. Атаманов. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – 248 с.
9. Ахметзянов, И. Г. Историко-лингвистическое исследование тюрко-татарских географических названий в русских летописях: IX–XVI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ахметзянов Ильдар Габдрашитович. – Казань, 2004. – 26 с.

10. Ахунзянов, Э. М. О разграничении интерференции и трансференции в условиях языковых контактов / Э. М. Ахунзянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 5. – С. 72–83.
11. Ашмарин, Н. И. Болгары и чувашаи / Н. И. Ашмарин. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 132 с.
12. Базарова, В. В. Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Базарова Валентина Владимировна. – Улан-Удэ, 1995. – 172 с.
13. Балабанов, В. Ф. В дебрях названий / В. Ф. Балабанов. – 2-е изд. – Чита: Экспресс-изд-во, 2006. – 104 с.
14. Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков / Н. А. Баскаков. – Москва : Наука, 1969. – 332 с.
15. Беккер, Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии европейского Севера и Западной Сибири / Э. Г. Беккер // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Т. II. – С.14–18.
16. Беккер, Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах / Э. Г. Беккер // Местные географические термины : сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 171–174.
17. Беккер, Э. Г. О некоторых селькупских словах-терминах и их употреблении в топонимии / Э. Г. Беккер // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1971. – Т. IV. – С. 107–110.
18. Беккер, Э. Г. Селькупская топонимика Томской области / Э. Г. Беккер // Топонимика Востока: новые исследования. – Москва, 1964. – С. 126–133.
19. Беккер, Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беккер Эрика Генриховна. – Томск, 1965. – 18 с.
20. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек / Е. Л. Березович. 2-е изд., испр. и доп. – Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 318 с.
21. Бертагаев, Т. А. О монгольских и бурятских гидронимах / Т. А. Бертагаев // Ономастика Востока. – Москва, 1980. – С. 126–127.

22. Блинова, О. И. Сопоставительная мотивология: итоги и перспективы / О. И. Блинова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 65–68.
23. Блинова, О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект / О. И. Блинова. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : URSS, 2010. – 208 с.
24. Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т.: ок. 70 000 слов / Ё. Баярсайхан и др.; под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – Москва : Academia, 2001–2002.
25. Бондарук, Г. П. Некоторые местные географические термины Солнечногорского и Клинского районов Московской области / Г. П. Бондарук // Топонимика / под ред. Е. М. Пospelова. – Москва, 1971. – С. 24–26.
26. Будаев, Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев; АН СССР. Сиб. отд-ние Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 302 с.
27. Будаев, Ц. Б. Формирование и развитие лексики бурятских диалектов в свете сравнительной монголистики: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.16 / Будаев Цырендаша Бадмаевич. – Улан-Удэ, 1985. – 325 с.
28. Бураев, И. Д. Результаты языковых контактов в околбайкальском регионе / И. Д. Бураев // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 132–145.
29. Быконя, В. В. «Пространство» в мировосприятии селькупов / В. В. Быконя // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: теория, методология, практика: материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 1998. – С. 170–173.
30. Быконя, В. В. Микросистема селькупских этнонимов с принципом номинации «Тотемистическая образность» / В. В. Быконя // Актуальные проблемы филологии. – 2013. – С. 5–12.
31. Быконя, В. В. Мировоззрение селькупов по данным лингвистических исследований / В. В. Быконя // Сравнительно-исторические и типологические

исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Посвящается 75-летию О. А. Осиповой. – Томск, 2002. – Т. 1. – С. 111–120.

32. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь: содержит около 25000 слов: с прил. алф. списка названий эвенк. родов, доп. к слов., граммат. очерка эвенк. яз. / Г. М. Василевич. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 802 с.

33. Воробьева, И. А. К вопросу о топонимических кальках / И. А. Воробьева // Языки и топонимия. – Томск, 1976. – Вып. 1. – С. 178–183.

34. Воробьева, И. А. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке / И. А. Воробьева // Вопросы лингвистики. (Ученые записки / Том. гос. ун-т). – 1966. – № 59. – С. 101–106.

35. Воробьева, И. А. О словообразовательном анализе славянских топонимов / И. А. Воробьева // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – С. 7–83.

36. Воробьева, И. А. Русская адаптация топонимов аборигенных народов Западной Сибири / И. А. Воробьева // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973. – С. 127–129.

37. Воробьева, И. А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И. А. Воробьева ; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – 247 с.

38. Воробьева, И. А. Топонимика Западной Сибири / И. А. Воробьева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. – 152 с.

39. Вуоно, Г. П. Особенности мансийской топонимики Припелымья / Г. П. Вуоно // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конф., 11-13 мая 1969 г. / Том. гос. пед. ун-т ; отв. ред. проф., д-р ист. наук А. П. Дульзон. – Томск, 1969. – С. 100–102.

40. Гашилов, А. И. Селькупско-русские языковые связи / А. И. Гашилов // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. 1: Северный регион: яз. народов Севера, Сибири и Дал. Востока в контактах с рус. яз. – Москва, 1994. – С. 177–185.

41. Географические названия Республики Бурятия: топоним. слов. / Ком. по межнац. отношениям, связям с обществ., религиоз. об-ниями и инф. адм. Президента и правительства Респ. Бурятия, Центр стратегич. востоковед. исслед. Бурят. гос. ун-та. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2006. – 239 с.

42. Глинских, Г. В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии / Г. В. Глинских // Методы топонимических исследований : сб. науч. тр. – Свердловск, 1983. – С. 3–22.

43. Головина, К. М. Сопоставительный анализ идиоэтнических топонимов и антропонимов русского и казахского языков: дис. ... канд. филол. наук / Головина Клара Максумовна. – Алматы, 2000. – 134 с.

44. Головнев, А. В. Пантеон / А. В. Головнев // Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. – Екатеринбург, 1995. – С. 494–528.

45. Головнев, А. В. Селькупское толкование пространства / А. В. Головнев // Уральская мифология. – Сыктывкар, 1992. – С. 47–49.

46. Голстунский, К. Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1–3 / К. Ф. Голстунский. – Санкт-Петербург, 1893–1895. – 491 с.

47. Гриценко, К. Ф. Итогиизадачиизучения топонимики Сибири / К. Ф. Гриценко // Вопросы ономастики / МВ и ССО РСФСР, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск, 1974. – № 7. – С. 19–34.

48. Гриценко, К. Ф. Определение этнической принадлежности некоторых названий Якутии методом картографирования / К. Ф. Гриценко // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конф. (1-13 мая 1969 г.) / Том. гос. пед. ун-т. – Томск, 1969. – С. 209–211.

49. Гришаева, З. В. Из наблюдений над употреблением сравнительных конструкций при соматизмах: на материале русского и чувашского языков / З. В. Гришаева // Двужычие и контрастивная грамматика. – Чебоксары, 1987. – С. 81–87.

50. Гришаева, З. В. Сравнительные конструкции в чувашском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Гришаева Зоя Валентиновна. – Чебоксары, 1996. – 17 с.

51. Гурулев, С. А. Географические названия Иркутской области : топоним. слов. / С. А. Гурулев. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. – 575 с.
52. Гурулев, С. А. Топонимика Усть-Ордынского Бурятского округа / С. А. Гурулев. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2011. – 251 с.
53. Дамбуев, И. А. Названия городов и сёл Циркумбайкальского региона / И. А. Дамбуев, Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 164 с.
54. Дамбуев, И. А. Ойконимия Циркумбайкальского региона: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Дамбуев Игорь Александрович. – Улан-Удэ, 2004. – 19 с.
55. Данзанова, Н. И. Орографическая терминология в монгольских языках: формы возвышенного рельефа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Данзанова Надежда Иосифовна. – Улан-Удэ, 2012. – 18 с.
56. Донидзе, Г. И. Гидронимические термины в тюркских языках / Г. И. Донидзе. – Москва : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1969. – 167 с.
57. Древнетюркский словарь / АН СССР. Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука, 1969. – 677 с.
58. Дульзон, А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики / А. П. Дульзон // Географические названия: сб. ст. /отв. ред.: Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов. – Москва, 1962. – С. 50–84.
59. Дульзон, А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения / А. П. Дульзон // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 35–46.
60. Дульзон, А. П. Дорусское население Западной Сибири / А. П. Дульзон // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 361–371.
61. Дульзон, А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики / А. П. Дульзон // Ученые записки Томского государственного педагогического института. – 1950. – Т. 6. – С. 175–187.

62. Дульзон, А. П. Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения / А. П. Дульзон // Ученые записки Томского государственного педагогического университета. – 1969. – № 75. – Вып. 2. – С. 3–5.
63. Дульзон, А. П. Топонимика Западной Сибири, как один из источников ее древней истории / А. П. Дульзон // Из истории Кузбасса. – Кемерово, 1964. – С. 246–257.
64. Дульзон, А. П. Топонимы Средней Сибири / А. П. Дульзон // Известия СО РАН. Серия общественных наук. – 1960. – № 5. – Вып. 2. – С. 109–115.
65. Дульзон, А. П. Этнически дифференцированные топонимы Сибири и Дальнего Востока / А. П. Дульзон // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2. – С. 86–97.
66. Дульзон, А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики / А. П. Дульзон. – Москва : Изд-во вост. лит., 1960. – 10 с.
67. Дыжитова, Е. Ч. О происхождении топонима Маргуцек / Е. Ч. Дыжитова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований = Tomsk journal of linguistics and anthropology. – 2016. – № 3 (13). – С. 18–23.
68. Дыжитова, Е. Ч. Сравнительно-сопоставительный аспект географической терминологии Восточного Забайкалья / Е. Ч. Дыжитова // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 5. – С. 6–10.
69. Егодурова, В. М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка / В. М. Егодурова, С. М. Бабушкин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Спец. вып. [1] А. – С. 84–91.
70. Егодурова, В. М. Сопоставительно-типологическое исследование глаголов движения бурятского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Егодурова Виктория Макаровна. – Улан-Удэ, 1988. – 19 с.
71. Егоров, В. Г. К вопросу о происхождении чувашского языка // Записки / ЧНИИ. – Чебоксары, 1953. – Вып. 7. – С. 64–91.

72. Егоров, Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа / Н. И. Егоров. – Чебоксары: Новое Время, 2017. – 424 с.

73. Егоров, Н. И. Историко-этимологическая верификация генезиса и хронологическая стратификация топонимикона Чувашского Поволжья / Н. И. Егоров // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. – Чебоксары, 2002. – С. 19–24.

74. Егунов, Н. П. Бурятия до присоединения к России / Н. П. Егунов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1934 – С. 123–129.

75. Жамсаранова, Р. Г. Адаптация самодийского субстрата в монголоязычной топонимике Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволж. ономаст. конф. и памяти её организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20-23 сент. 2017 г.). – Ульяновск, 2017. – Т. 1. – С. 67–74.

76. Жамсаранова, Р. Г. Кетоязычные онимы в ономастической системе Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований = Tomsk journal of linguistics and anthropology. – 2015. – № 1 (7). – С. 32–42.

77. Жамсаранова, Р. Г. Ойконимы Хоринской Степной думы: монография / Р. Г. Жамсаранова. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 274 с.

78. Жамсаранова, Р. Г. Ретроспективный анализ топонимов Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Филологическое образование и современный мир: материалы XIV Всерос. молодёж. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чита, 2018. – С. 16–18.

79. Жамсаранова, Р. Г. Сравнительно-сопоставительный анализ апеллятивной лексики бурятского и ненецкого языков / Р. Г. Жамсаранова // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 85-летию проф. В. И. Золхоева. – Улан-Удэ, 2013. – С. 127–131.

80. Жамсаранова, Р. Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья: монография / Р. Г. Жамсаранова. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2011. – 237 с.
81. Жамсаранова, Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова. – Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2003. – 128 с.
82. Жамсаранова, Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Жамсаранова Раиса Гандыбаловна. – Улан-Удэ, 2002. – 23 с.
83. Жамсаранова, Р. Г. Топонимия самодийского языкового происхождения / Р. Г. Жамсаранова // Малая энциклопедия Забайкалья: культура / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. – Новосибирск, 2009. – Ч.2. М–Я. – С. 180–181, 285–287.
84. Жамсаранова, Р. Г. Явления конвергенции и трансференции в лексике бурятского и селькупского языков / Р. Г. Жамсаранова // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk state pedagogical university bulletin. – 2011. – № 3 (105). – С. 140–147.
85. Желтов, П. В. Стратификация, периодизация и аффилиация чувашско-монгольских лексических параллелей / П. В. Желтов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 170–175.
86. Зауер, Г. Хантыйско-селькупские лексические взаимоотношения / Г. Зауер // Congressus Septimus Fenno-Ugristerum. Debrecen. – 1990. – 2 А. – С. 284.
87. Золтоева, Л. Е. Онимическая лексика современного монгольского языка: (мотивы, номинации, семантика основ): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.16 / Золтоева Ольга Филипповна. – Улан-Удэ, 2000. – 17 с.
88. Иванова, А. С. Типология чувашских гидронимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Иванова Анна Семеновна. – Чебоксары, 2005. – 23 с.
89. Изучение местных географических терминов // Местные географические термины : сб. ст. – Москва, 1970. – С. 3–4.
90. Ильина, Л. А. Грамматические изменения в динамике языкового контакта (на материале селькупского языка) / Л. А. Ильина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 4. – С. 84–89.

91. Ильина, Л.А. О типологической дивергенции близкородственных языков под влиянием языковых контактов / Л. А. Ильина // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы Междунар. конф. «XXII Дульзоновские чтения». – Томск, 2000. – Ч. II. – С. 146–152.

92. Ильина, Л. А. Структурные изменения в селькупском языке как следствие языкового контакта / Л. А. Ильина // Проблемы документации исчезающих языков и культур. – Уфа; Томск, 1999. – С. 84–90.

93. Ильина, Л. А. Языковые контакты как фактор конвергентного развития языков Сибири (на материале селькупского языка) / Л. А. Ильина // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 4. – С. 45–49.

94. Исламова, Ю. В. Субстратная топонимия Нижне-Среднего Приобья: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Исламова Юлия Валерьевна. – Сургут, 2009. – 24 с.

95. Калинина, Е. Л. Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника : на материале ойконимов Амурской области : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калинина Елена Леонидовна. – Благовещенск, 2009. – 239 с.

96. Калинина, Л. И. Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири / Л. И. Калинина // Ученые записки / Томск. гос. пед. ин-т. – Томск, 1961. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 211–215.

97. Калинина, Л. И. Русская адаптация хантыйских топонимов / Л. И. Калинина // Топонимика Востока: исследования и материалы. – Москва, 1969. – С. 175–182.

98. Калинина, Л. И. Хантыйские топонимы Васюгана / Л. И. Калинина // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. – Томск, 1959. – С. 28–29.

99. Калинина, Л. И. Хантыйские топонимы Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Калинина Людмила Иосифовна. – Томск, 1962. – 17 с.

100. Камалов, А. А. Башкирская топонимия / А. А. Камалов. – Уфа: Башк. изд-во "Китап", 1994. – 301 с.

101. Карманова, Ю. А. Лексический пласт зоонимов в селькупском языке: междиалектный сравнительно-сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Карманова Юлия Александровна. – Саранск, 2013. – 19 с.

102. Карпенко, Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) / Ю. А. Карпенко // Изучение географических названий : сб. ст. / отв. ред. Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов. – Москва, 1966. – С. 7–18.

103. Карпенко, Ю. А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) / Ю. А. Карпенко // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Пospelов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 36–45.

104. Касим, Г. Ю. О переосмыслении топонимов / Г. Ю. Касим // Методы топонимических исследований: сб. науч. тр. – Свердловск, 1983. – С. 29–43.

105. Киекбаев, Дж. Г. Избранные статьи (на башк. и рус. яз) : сб. ст. / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 204 с.

106. Ким, А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.07 / Ким Александра Аркадьевна. – Йошкар-Ола, 1999. – 41 с.

107. Киришева, Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киришева Тамара Игоревна. – Екатеринбург, 2006. – 19 с.

108. Ковалев, Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 175 с.

109. Ковалева, Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) / Н. Б. Ковалева // Вопросы топониматики / МВ и ССО РСФСР, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск, 1971. – Вып. 5. – С. 133–136.

110. Ковалева, Н. Б. Русская топонимия бассейна реки Ини (семантич. анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ковалева Наталья Борисовна. – Томск, 1972. – 20 с.

111. Конкашпаев, К. Г. Казахские народные географические термины / К. Г. Конкашпаев // Известия АН КазССР. Серия географическая. – 1951. – Вып. 3. – № 99. – С. 3–47.

112. Коптелов, П. М. Семантическая характеристика нганасанской оронимии / П. М. Коптелов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы межвуз. конф., 11–13 мая 1969 г. / Том. гос. пед. ун-т. – Томск, 1969. – С. 25–27.

113. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06 / Корнилов Геннадий Емельянович. – Баку, 1989. – 33 с.

114. Корнилов, Г. Е. О типах топонимов в агглютинативных языках / Г. Е. Корнилов // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 121–128.

115. Корнилов, Г. Е. Субституции Н//М в субстратной, адстратной и суперстратной гидронимии бассейна реки Оки / Г. Е. Корнилов // Славянские чтения: материалы докл. и сообщ. регион. науч. конф. – Чебоксары, 1999. – С. 35–39.

116. Корнилов, Г. Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XVIII: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 158–163.

117. Корнилов, Г. Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXV: А-Анлаутные географические названия / Г. Е. Корнилов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 319–323.

118. Которова, Е. Г. Лексико-семантическая типология: проблемы и подходы / Е. Г. Которова // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур : материалы междунар. науч. конф. «XXV-е Дульзоновские чтения». – Томск, 2008. – С. 80–94.

119. Кручинина, А. В. Семантическое пространство обско-угорской и самодийской этнонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кручинина Алла Викторовна. – Тюмень, 2004. – 22 с.

120. Крюкова, Е. А. Типологические параллели в кетском и селькупском языке: ареальный аспект / Е. А. Крюкова // *Finnisch-Ugrische itteilungen. Band 37.*—Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013. – P. 161–174.

121. Кузнецова, А. И. Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примерах типологически разных языков – русского и селькупского) / А. И. Кузнецова // *Диалог–2001 : тр. Междунар. семинара по компьютер. лингвистике и ее приложениям.* – Аксаково, 2001. – Т. I. Теоретические проблемы. – С. 132–140.

122. Кузьмина, А. А. Типы корневых основ имён существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ) : дис.... канд. филол. наук : 10.02.02 / Кузьмина Ангелина Афанасьевна. – Якутск, 2017. – 286 с.

123. Кузьмина, А. И. К вопросу о заимствовании и освоении русских слов селькупским языком / А. И. Кузьмина, Л.А. Ильина // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск, 1973. – С. 181–184.

124. Кузьмина, А. И. К вопросу о русских заимствованиях в селькупском языке / А. И. Кузьмина, Л. А. Ильина // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования.* – Новосибирск, 1974. – С. 72–82.

125. Куклин, А. Н. Взаимодействие топонимических ареалов / А. Н. Куклин // *Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества: коллектив. моногр. / под. общ. ред. С. М. Усманова, Г. Н. Крайнова.* – Бирск; Йошкар-Ола, 2007. – С. 309–318.

126. Куклин, А. Н. Методология реконструкции архетипа реликтовых гидронимов / А. Н. Куклин // *Вестник Марийского государственного университета.* – 2016. – № 4 (24). – С. 89–94.

127. Куклин, А. Н. Топонимия Волго-Камского региона: историко-этимологический анализ : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 01.01.01 / Куклин Анатолий Николаевич. – Йошкар-Ола, 1998. – 45 с.

128. Кызласов, Л. Р. Археологические данные о происхождении сакской культуры / Л. Р. Кызласов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Ленинград, 1975. – С. 15–16.

129. Лезин, В. А. Реки и озера Тюменской области: (слов.-справ.) / В. А. Лезин. – Тюмень : Тип. фирмы "Пеликан", 1995. – 298 с.

130. Лиштованная, Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Лиштованная Татьяна Васильевна. – Москва, 2002. – 21 с.

131. Манжуева, Ю. Ф. Гидронимия Циркумбайкальского региона: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Манжуева Юлия Фрунзевна. – Улан-Удэ, 2003. – 146 с.

132. Матвеев, А. К. Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1995. – № 2. – С. 29–42.

133. Матвеев, А. К. Ареалы некоторых субстратных основ в севернорусской топонимии / А. К. Матвеев // Изучение географических названий : сб. ст. / отв. ред. Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов. – Москва, 1966. – С. 52–59.

134. Матвеев, А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 76–83.

135. Матвеев, А. К. Географические термины в субстратной микротопонимии Русского Севера / А. К. Матвеев // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 106–119.

136. Матвеев, А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов / А. К. Матвеев // Этимология 1967. – Москва, 1969. – С. 192–200.

137. Матвеев, А. К. Методы топонимических исследований / А. К. Матвеев. – Свердловск : УрГУ, 1986. – 101 с.

138. Матвеев, А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 3–15.

139. Матвеев, А. К. Ономатология / А. К. Матвеев; Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. – Москва : Наука, 2006. – 290 с.
140. Матвеев, А. К. Субстрат и заимствование в топонимии / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 86–95.
141. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 64–83.
142. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. В 3 ч. – Ч. 1 / А. К. Матвеев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346 с.
143. Матвеев, А. К. Топономастика и современность / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 4–14.
144. Матвеев, А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / А. К. Матвеев. – Свердловск, 1959. – 123 с.
145. Матвеев, А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1976. – № 3. – С. 58–73.
146. Мельхеев, М. Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области / М. Н. Мельхеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – 121 с.
147. Мельхеев, М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири / М. Н. Мельхеев. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 142 с.
148. Мельхеев, М. Н. Местные географические термины Восточной Сибири / М. Н. Мельхеев // Труды. Серия географическая / Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Иркутск, 1958. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 67–97.
149. Мельхеев, М. Н. Топонимика Бурятии : история, система и происхождение географических названий / М. Н. Мельхеев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – 187 с.
150. Митрошкина, А. Г. Из опыта изучения бурятской топонимии / А. Г. Митрошкина // Исследования по топонимике : материалы топоним. комис. 1972–73 гг. – Москва, 1974. – С. 29–32.

151. Михайлов, М. М. Диалектика национально-языковых отношений / М. М. Михайлов, А. Р. Губанов // Двужычие и взаимовлияние языков. – Чебоксары, 1990. – С. 4–10.
152. Михайлов, О. Г. Монгольская лексика в чувашской топонимии / О. Г. Михайлов // Ономастика и языки Урало-Поволжья: материалы регион. конф. – Чебоксары, 2002. – С. 73–86.
153. Мокиенко, В. М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии / В. М. Мокиенко // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Пospelов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 71–77.
154. Молчанова, О.Т. Восприятие рельефа и проприальная номинация / О. Т. Молчанова // Русский язык как иностранный: теория исследования, практика. – 2006. – Вып. VIII. – С. 32–39.
155. Молчанова, О. Т. Гидронимы иоронимы Горно-Алтайской автономной области: (лингвист. анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. (655) / Молчанова Ольга Тихоновна. – Томск, 1968. – 22 с.
156. Молчанова, О. Т. Модели географических имен в тюркских и индоевропейских языках / О. Т. Молчанова // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 101–113.
157. Молчанова, О. Т. Морфологическая структура тюркских названий рек Западной Сибири / О. Т. Молчанова // Вопросы общественных и гуманитарных наук. (Ученые записки / ТомГПИ). – 1968. – № 24. – С. 119–125.
158. Молчанова, О. Т. О гидрографических терминах Горного Алтая / О. Т. Молчанова // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Пospelов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 198–202.
159. Молчанова, О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 256 с.
160. Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. – 397 с.

161. Морев, Ю. А. Внутренние и внешние факторы в формировании нарымских диалектов селькупского языка / Ю. А. Морев // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР. – Ужгород, 1977. – С. 52–53.

162. Морев, Ю. А. Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Морев Юрий Алексеевич. – Томск, 1973. – 25 с.

163. Моторкина, С. Г. Лексика эрзянских говоров Чувашского Присурья: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.02 / Моторкина Светлана Григорьевна. – Саранск, 2002. – 19 с.

164. Мурадбекова, М. Х. Система географической терминологии в русском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мурадбекова Махбуба Хайдаровна. – Душанбе, 2011. – 26 с.

165. Мурзаев, Э. М. Местные географическиетермины и их роль в топонимии / Э. М. Мурзаев // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 16–35.

166. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1974. – 382 с.

167. Мурзаев, Э. М. Словарь местных географических терминов / Э. и В. Мурзаевы. – Москва : Географгиз, 1959. – 303 с.

168. Мурзаев, Э. М. Тюркские географические названия: монография / Э. М. Мурзаев; ред. Н. А. Баскаков. – Москва : Вост. лит., 1996. – 253 с.

169. Мусаев, К. М. Лексикология тюркских языков / К. М. Мусаев. – Москва : Вост. лит., 1984. – 227 с.

170. Мусаев, К. М. Тюркско-иранские языковые связи / К. М. Мусаев // Советская тюркология. – 1989. – № 6. – С. 26–35.

171. Мызников, С. А. Русскиеговоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финнского происхождения / С. А. Мызников. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 540 с.

172. Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. – Санкт-Петербург : Фил. изд-ва «Просвещение», 2003. – 942 с.
173. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – Москва : Наука, 1965. – 180 с.
174. Никонов, В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии / В. А. Никонов // Историческая география: сб. ст. / отв. ред. В. К. Яцунский. – Москва, 1960. – С. 172–194.
175. Новгородов, И. Н. Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Новгородов Иннокентий Николаевич. – Казань, 2009. – 43 с.
176. Ондар, Б. К. Гидронимия Тувы : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Ондар Бичен Кыргысовна. – Москва, 1993. – 19 с.
177. Осипова, О. А. Структура ненецких гидронимов на -яха / О. А. Осипова // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1969. – С. 99–100.
178. Патаева, В. Д. Этнокультурная лексика тункинских бурят: на примере обрядовой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Патаева Валентина Дугаровна. – Улан-Удэ, 1996. – 207 с.
179. Петров, Н. П. Чувашский язык в советскую эпоху / Н. П. Петров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – 208 с.
180. Пизани, В. Этимология: история – проблемы – метод / В. Пизани; пер. с итал. Д. Э. Розенталя; под ред. и предисл. В. И. Абаева. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1956. – 188 с.
181. Подольская, Н. В. Народные географические термины в роли терминов научных / Н. В. Подольская // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 54–59.
182. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва : Наука, 1978. – 201 с.
183. Полякова, Н. В. Концепт ПРОСТРАНСТВО и средства его репрезентации в селькупском и русском языках / Н. В. Полякова. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – 119 с.

184. Полякова, Н. В. Особенности вербализации концепта "пространство" в селькупском языке в сопоставлении с русским: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Полякова Наталья Владимировна. – Томск, 2004. – 159 с.

185. Попов, А. И. К вопросу о мордовской топонимике / А. И. Попов // Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 году. – Саранск, 1948. – Т. 2. – С. 203–230.

186. Поспелов, Е. М. Гидронимические ареалы Центральной Азии / Е. М. Поспелов // Ономастика Востока. – Москва, 1980. – С. 118–123.

187. Поспелов, Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера / Е. М. Поспелов // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 96–105.

188. Процукович, Е. А. Реализация сегментных единиц в интерферированной речи билингвов: сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Процукович Елена Александровна. – Новосибирск, 2016. – 26 с.

189. Рассадин, В. И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка / В. И. Рассадин // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987. – С. 169–183.

190. Рассадин, В. И. Лексические особенности говора окинских бурят / В. И. Рассадин // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1985. – С. 3–20.

191. Рассадин, В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В. И. Рассадин. – Москва : Наука, 1978. – 287 с.

192. Рассадин, В. И. О тюркизмах в бурятском языке / В. И. Рассадин // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969 – С. 121–134.

193. Рассадин, В. И. О тюркском влиянии на развитие говора нижнеудинских бурят / В. И. Рассадин // Проблемы монгольского языкознания : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1988. – С. 62–74.
194. Рассадин, В. И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов / В.И. Рассадин // Исследование бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977. – С. 127–142.
195. Рассадин, В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. – 165 с.
196. Рассадин, В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – Москва : Наука, 1982. – 198 с.
197. Рассадин, В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – 232 с.
198. Рассадин, В. И. Система гидронимов бассейна р. Оки / В. И. Рассадин // Исследование по ономастике Бурятии : сб. ст. – Улан-Удэ, 1987. – С. 41–48.
199. Рассадин, В. И. Становление говора нижнеудинских бурят / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 1999. – 159 с.
200. Ринчинова, А. В. Ойконимия этнической Бурятии: (лингвист. анализ) / А. В. Ринчинова, Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2005. – 154 с.
201. Рубцова, З. В. Из истории донской топонимии / З. В. Рубцова // Историческая ономастика. – Москва, 1977. – С. 217–250.
202. Румянцев, Г. Н. О некоторых вопросах этногенеза монголов и бурят / Г. Н. Румянцев // XXV Междунар. конгресс востоковедов: докл. делегации СССР. – Москва, 1960. – С. 1–13.
203. Сагидуллин, М. А. Тюркские этнонимы в русской топонимии Юга Тюменской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сагидуллин Максим Александрович. – Тюмень, 2002. – 242 с.
204. Седов, В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра / В. В. Седов // Топонимия Центральной России : сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов. – Москва, 1974. – С. 20–33.

205. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
206. Сергеев, В. И. Именные части речи: учеб. пособие / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1994. – 152 с.
207. Сергеев, В. И. Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели : монография / В. И. Сергеев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 263 с.
208. Серебренников, Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 6. – С. 19–31.
209. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1959. – № 6. – С. 36–50.
210. Симонов, М. Д. Типология эвенкийских гидронимов Бурятии (на материале названий рек Баунтовского аймака) / М. Д. Симонов // Ономастика Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 214–236.
211. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока / сост. Ф. К. Комаров. – Москва, 1967. – 100 с.
212. Смолицкая, Г. П. Топонимический словарь Центральной России: геогр. названия / Г. П. Смолицкая. – Москва : Армада-пресс, 2002. – 416 с.
213. Сосаева, А. А. Структурные типы топонимических названий в чувашском языке (на материале топонимов) / А. А. Сосаева // Материалы по чувашской диалектологии. – Чебоксары, 1997. – Вып. 5. – С. 145–186.
214. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: лексика / Э. Р. Тенишев и др. – Москва : Наука, 1997. – 799 с.
215. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. слов. В 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1975–1977.
216. Стернин, И. А. Методы описания семантики слова / И. А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.

217. Сулейманова, Л. С. Лингвистический анализ народных географических терминов в топонимии Кыргызстана: автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Сулейманова Лира Сулеймановна. – Бишкек, 2007. – 24 с.

218. Сундуева, Е. В. Апеллятивное и проприальное словообразование в современном монгольском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.16 / Сундуева Екатерина Владимировна. – Улан-Удэ, 2000. – 18 с.

219. Сундуева, Е. В. Гидронимия Закаменского района Республики Бурятия / Е. В. Сундуева // Мир Центральной Азии-3. – Улан-Удэ, 2012. – С. 760–763.

220. Сундуева, Е. В. Топонимия Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ) / Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2010. – 125 с.

221. Сунчугашев, Р. Д. Оронимия Хакасии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Сунчугашев Радион Дмитриевич. – Москва, 1999. – 22 с.

222. Суперанская, А. В. Имена собственные в чужой языковой среде / А. В. Суперанская // Топономастика и транскрипция. – Москва, 1964. – С. 8–15.

223. Суперанская, А. В. Терминологичны ли цветные названия рек? / А. В. Суперанская // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Поспелов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 120–127.

224. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.

225. Тенишев, Э. Р. О тюркизмах в селькупском языке / Э. Р. Тенишев // Altaica. – Helsinki, 1977. – С. 235–239.

226. Тимиров, Р. Р. Тюркская топонимия Ингальской долины: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Тимиров Равиль Рустамович. – Тюмень, 2009. – 26 с.

227. Титов, Е. И. Тунгусско-русский словарь: с прил. кн. М. А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка» / Е. И. Титов. – Иркутск: Читин. краев. гос. музей им. А. К. Кузнецова, 1926. – 272 с.

228. Толстой, Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов / Н. И. Толстой // Местные географические термины: сб. ст. / отв. ред. Е. М. Пospelов и Н. И. Толстой. – Москва, 1970. – С. 46–53.

229. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – Москва : Наука, 1969. – 262 с.

230. Топоров, В. Н. О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях / В. Н. Топоров // Вопросы структуры языка. – Москва : Наука, 1964. – С. 117–129.

231. Тувшинтогс, Б. Глагольная лексика монгольского и маньчжурского языков: историко-сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Тувшинтогс Бямбажав. – Санкт-Петербург, 2005. – 19 с.

232. Убрятова, Е. И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам / Е. И. Убрятова. – Новосибирск: НГУ, 2011. – 280 с.

233. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка / Е. И. Убрятова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 305 с.

234. Убрятова, Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Е. И. Убрятова. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 151 с.

235. Убрятова, Е. И. Язык норильских долган / Е. И. Убрятова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 216 с.

236. Федотов, М. Р. Чувашско-монгольский ламбдаизм и ротацизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке / М. Р. Федотов // Советская тюркология. – 1984. – № 1. – С. 66–71.

237. Федотова, Т. В. Словарь топонимов Забайкалья / Т. В. Федотова. – Чита: Поиск, 2003. – 126 с.

238. Федотова, Т. В. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья / Т. В. Федотова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 309. – С. 18–24.

239. Филиппова, Т. М. О древних самодийско-тюркских контактах / Т. М. Филиппова // Сибирский диалектологический сборник. – Новосибирск, 1980. – С. 36–47.

240. Филиппова, Т. М. О методологических принципах выделения тюркских заимствований в селькупском языке / Т. М. Филиппова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – С. 92–98.

241. Филиппова, Т. М. О некоторых тюркских заимствованиях в селькупском языке / Т. М. Филиппова // Тезисы докладов IX Научной конференции студентов и аспирантов : история, филология. – Новосибирск, 1971. – С. 88–90.

242. Филиппова, Т. М. Особенности фонетической адаптации тюркских заимствований в селькупском языке / Т. М. Филиппова // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск, 1986. – С. 165–168.

243. Филиппова, Т. М. Отражение контактов селькупов с тюркскими народами в лексике селькупского языка / Т. М. Филиппова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – С. 137–142.

244. Филиппова, Т. М. Тюркизмы в тазовском диалекте селькупского языка / Т. М. Филиппова // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 40–51.

245. Филиппова, Т. М. Тюркизмы в южных диалектах селькупского языка / Т. М. Филиппова // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск, 1983. – С. 78–81.

246. Фомин, Э. В. Мордовские заимствования в чувашском языке / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2015. – № 2 (86) – С. 128–132.

247. Фролов, Н. К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Т. 2. Топонимика и этнонимика / Н. К. Фролов. – Тюмень: ТюмГУ, 2005. – 520 с.

248. Фролов, Н. К. К проблеме семантической адаптации в русском языке нерусской топонимии Тюменского Зауралья / Н. К. Фролов // Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР: сб. науч. тр. – Свердловск, 1986. – С. 129–139.

249. Фролов, Н. К. ОзаселенииТюменского Зауралья по данным татарской топонимии / Н. К. Фомин // Информация и языковой знак. – Тюмень, 1979.– С. 92–105.

250. Хайрутдинов, Д. Р. Географическая терминология: арабские, русские, английские параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хайрутдинов Динар Рафисович. – Казань, 2009. – 24 с.

251. Хамуркопаран, Д. Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Хамуркопаран Джахит. – Москва, 2017. – 25 с.

252. Хелимский, Е. А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.07 / Хелимский Евгений Арнольдович. – Тарту, 1988. – 47с.

253. Хелимский, Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка / Е. А. Хелимский // Лексика и грамматика языков Сибири. – Барнаул, 1985. – С. 42–58.

254. Хелимский, Е. А. Критерии классификации диалектов селькупского языка / Е. А. Хелимский // Компаративистика, уралистика. – Москва, 2000. – С. 80–81.

255. Хелимский, Е. А. Селькупские заимствования в русских диалектах / Е. А. Хелимский // Советское финно-угроведение. – 1983. – № 3. – С. 202–216.

256. Хелимский, Е. А. Словарь Ф. Г. Мальцева (1903) и особенности языка енисейских селькупов / Е. А. Хелимский // Лингвистический беспредел: сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. – Москва, 2002. – С. 155–170.

257. Цинциус, В. И. Русско-эвенский словарь : св. 20 000 слов : с прил. грамMAT. очерка эвенск. яз. / сост. проф. В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 779 с.

258. Цыдендамбаев, Ц. Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов – одна из актуальных задач современного бурятоведения / Ц. Б. Цыдендамбаев // Ономастика Бурятии: тр. Бурят. Ин-та общ. Наук БФСО АН СССР. – Улан-Удэ, 1976. – С. 3–23.

259. Черемисов, К. М. Бурятско-русский словарь : 44 000 слов / сост. К. М. Черемисов. – Москва: Совет. энцикл., 1973. – 852 с.

260. Чимитдоржиева, Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики) / Г. Н. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 211 с.

261. Шайхулов, А. Г. Аспекты системного исследования апеллятивных и ономастических единиц в языках таксономического типа (на материале топонимической лексики, отражающей рельеф) / А. Г. Шайхулов // Исследования по ономастике Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1990. – С. 63–71.

262. Шайхулов, А. Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц (на материале языков Урало-Поволжья) / А. Г. Шайхулов // Вопросы ономастики. Вып. 16: Методы топонимических исследований. – 1983. – С. 35–41.

263. Шамаева, А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шамаева Анастасия Егоровна. – Якутск, 2012. – 22 с.

264. Широбокова, Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 150 с.

265. Широбокова, Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Широбокова Наталья Николаевна. – Новосибирск, 1991. – 17 с.

266. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06 / Широбокова Наталья Николаевна. – Якутск, 2000. – 46 с.

267. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 269 с.

268. Шойжинимаева, А. В. Ойконимия этнической Бурятии: лингвистический анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.16 / Шойжинимаева Арюна Владимировна. – Улан-Удэ, 1999. – 18 с.

269. Шулунова, Л. В. Ономастика Прибайкалья / Л. В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 1995. – 207 с.

270. Шулунова, Л. В. Языковые контакты монгольских и тюркских племён Прибайкалья (на материале топонимии) / Л. В. Шулунова // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 152–156.

271. Щербак, А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана / А. М. Щербак. – Москва ; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 204 с.

272. Щербак, А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (8-9 вв.) / А. М. Щербак. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1997. – 291 с.

273. Щербак, А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А. М. Щербак. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 195 с.

274. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь: слов. содержит ок. 10 000 слов / сост. Г. М. Василевич; отв. ред. член-кор. Акад. наук СССР, проф. Н. Н. Поппе. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 208 с.

275. Элиасов, Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Л. Е. Элиасов. – Москва : Наука, 1980. – 472 с.

276. Эрдынеева, Э. Д. Вокализм русских говоров Восточного Прибайкалья / Э. Д. Эрдынеева // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии : сб. ст. / И. Д. Бураев и др. – Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. – С. 102–107.

277. Юргин, К. И. Топонимы на *-кта* / К. И. Юргин // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: материалы Всесоюз. конф. (14–16 июня 1973 г.). – Томск, 1973. – С. 149–150.

278. Юргин, К. И. Эвенкийские гидронимы: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Юргин Константин Иванович. – Новосибирск, 1974. – 17 с.

279. Юргин, К. И. Эвенкийские топонимы на *-на* / К. И. Юргин // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2. – С. 49–57.

280. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е (репр.) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – Москва : Большая Рос. энцикл., 1998. – 687 с.

281. Molchanova, O. T. A Grammar of Turkic Place-Names in the Mountain Altai / O. T. Molchanova; Uniwersytet Szczeciński. – Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1998. – 348 p.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 19, оп. 1, д. 86 «Ведомость об инородческом населении Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 года.
2. ПМА – Полевые материалы [Жамсаранова Р.Г. 2004 – 2012], [Дыжитова Е.Ч. 2010 – 2013].
3. ТКЗ – Топонимическая картотека Забайкалья.